

ЛЮБЕН ДИЛОВ

ЗВЕЗДНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

НУМИ И НИКИ

Перевод сделан по изданию:

Любен Дилов. Звездните приключения на Нуми и Ники. Изд. «Отечество», София, 1980.

Любен Дилов. До Райската планета и назад. Изд. «Отечество», София, 1983.

© Любен Дилов, 1980, 1983

© Перевод. В. Куц, Т. Митева, 1989

c/o Jusautor, Sofia

ЛЮБЕН ДИЛОВ

ЗВЕЗДНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ НУМИ И НИКИ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН
О ДЕТЯХ И ПОДОБНЫХ ИМ СУЩЕСТВАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СВЯТ»
СОФИЯ, 1989

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА ПЕРВАЯ *Перевод В. Куца*

ГЛАВА ПЕРВАЯ 7

ГЛАВА ВТОРАЯ 36

ГЛАВА ТРЕТЬЯ 57

КНИГА ВТОРАЯ *Перевод Т. Митевой*

ГЛАВА ПЕРВАЯ 106

ГЛАВА ВТОРАЯ 129

ГЛАВА ТРЕТЬЯ 155

ПОСЛЕСЛОВИЕ 195

ЛЮБЕН ДИЛОВ

ЗВЕЗДНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ НУМИ И НИКИ

Издание второе

Редактор Наталия Нанкинова

Художник Текла Алексиева

Художественный редактор Николай Александров

Технический редактор Владимир Манов

Корректор Мариана Петкова

Формат 32/84X108 Печ. л. 20,00

Уч.-изд. л. 16,80 Тираж 100 200

Код 13/9537372431/6257-63-89

Цена 1р. 80 к.

Издательство «Свят», София

Государственная типография
имени Димитра Благоева, София

Издано в Болгарии

КНИГА ПЕРВАЯ

– Надо очень много знать, чтобы очень верить, – сказала Нуми.

– Дудки! Совсем наоборот, – отозвался Ники, пока они пробирались в чреве загадочного Малогалоталотима. – Верят как раз те, кто ничего не знает.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Вместо введения – немного грамматики.

Ни тыква, ни груша, а дырка есть дырка

Каждый знает, что такое недоразумение. Скажем, договорились два человека встретиться в девять, но один понял так, что встреча назначена на девять часов утра, а другой – на девять вечера, и встреча не состоялась. Потом оба оправдываются: «Произошло недоразумение» или же «Получилось недоразумение». Будто бы оно происходит само по себе или его получают по почте как какое-нибудь неожиданное и неприятное известие.

Слово это придумано для удобства и, надо сказать, слово очень полезное. Не будь его, оба стали бы допытываться, кто из них виноват, и непременно бы повздорили, а так – у них остается возможность для новых встреч. И новых недоразумений.

Происходит оно от древнеславянского слова «разум», но две приставки – «не» и «до» – ясно показывают, что понять случившееся невозможно, – «не до разума», попросту говоря. А вот другая часть этого слова – «мение», подсказывает, что порой нужно особое умение, чтобы не понять того, что тебе говорят, и потом с невинной физиономией сказать: «Извини, произошло недоразумение!»

Вот и автор этой книги спешит принести подобные извинения, так как все случившееся в ней началось как раз с такого вот недоразумения. Это, конечно, неприятно, но автор бессилен что-либо изменить. Не будь этого недоразумения, наверняка все было бы иначе. Такие недоразумения называют роковыми, но они происходят или же случаются. И в этом тоже никто не виноват.

Роковое недоразумение случилось в совсем обычный день, где-то к полудню, так что в нем приняло участие не более десяти человек. Большей частью это были ученики средних и старших классов, которые вволю потешались над уморительным с виду человечком, а еще больше – над его смешной речью.

Даже по голосу можно было определить, что человечку нет еще и двенадцати. Одет он был в нечто вроде скафандра, который сиял и переливался металлическим блеском, словно звезда с новогодней елки. Его фигурку можно было бы назвать стройной, если бы ее не портил вздувшийся на спине довольно внушительный горб, и карманы не оттопыривались бы от спрятанных в них бог весть каких интересных шуток. Ибо, как известно, в карманах у детей не бывает ненужного или бесполезного. Это только взрослые держат в карманах всякую дребедень наподобие старых квитанций, использованных трамвайных билетов и бумажек с записанными номерами неизвестно чьих телефонов.

Через мутное стекло шлема было видно, как человечек, отчаянно гримасничая, шевелит губами. Похоже, ему было душно в этом неудобном колпаке, но он стоически терпел, так как собравшаяся вокруг него публика щедро воздавала ему за страдания веселыми подначками и здоровым хохотом.

На груди у крошечного космонавта висела блестящая, как и скафандр, металлическая коробка, по которой он то и дело постукивал, отчаянно взывая к публике:

– Но вы почему не хотите понимать?! Я есть другая цивилизация! Это – аппарат-переводчик! Вы мне говорить, я вам говорить, мы – дружба, мир...

Цивилизациям с других планет простительно говорить на языке землян с ошибками. Они, инопланетяне, должны быть уж очень высокоразвитыми, а их переводческие аппараты абсолютно совершенными, чтобы над ними не смеялись земные школьники. Особенно те, кто надеется, что как раз сегодня их не станут спрашивать на уроке грамматики. Уж они-то не дают спуска за подобные ошибки. Так вот, одним из них, единственным, кого автор знал лично, был Ники.

– Не очень-то башковитый у тебя переводчик! – со смехом заявил он крошке-космонавту.

– А где эта ваша цивилизация? – спросил другой, когда затих очередной взрыв хохота.

– О, очень далеко! Я не знаю, как вы называть эта звезда. Очень далеко, – ответил космонавт, указывая блестящей перчаткой в небо.

Но там не было никакой другой звезды, кроме ласково сиявшего осеннего солнца.

– А на чем ты прилетел? На той тыкве? – снова подал голос знакомый автору насмешник.

По-настоящему его звали Николаем Буяновским, но это звучало слишком уж серьезно и весомо, будто имя какого поэта или министра, и потому мальчика никто не решался называть полным именем, а попросту звали Ники или Ники Буян.

– На нем. Это – Малогалоталотим, – ответил маленький космонавт, и этот ответ снова вызвал взрыв смеха, так как упомянутое средство передвижения не походило ни на ракету, ни на космический корабль, ни даже на летающую тарелку.

Если говорить правду, то оно походило разве что на гигантскую тыкву, да и то без черенка. Там и сям оно было покрыто черно-серыми бороздами и бугорками, ну точь-в-точь как те сорта тыквы, что самые вкусные и сладкие. Таковую бы испечь – на всю среднюю школу хватило бы.

Тыква лежала у входа в палату, где проходила выставка научно-технического творчества школьников. Время от времени по ее поверхности пробегала дрожь, отчего казалось, что тыква живая и будто бы дышит, хотя причиной тому мог быть и ветер, если, скажем, это был воздушный шар, из которого выпустили часть воздуха.

– Я правда – другая цивилизация, – опять принялся твердить сверкающий космонавт, но зевакам этот номер уже явно приелся.

Раз уж ты решил удивить публику на выставке научно-технического творчества, так покажи хотя бы настоящую ракету, а не какой-то там полуспушенный воздушный шар!

– Идемте, я покажет...

Однако на тыкве не было никаких дверей, да и вообще никаких отверстий. Может быть, поэтому никто не отозвался на приглашение. Впрочем, войти

туда, куда, казалось, войти невозможно, детям помешал еще и старик-сторож, который появился неведь откуда и еще издали голосом всех сторожей мира закричал:

– Эй! Чо тут происходит?

– У нас гости. Из другой цивилизации, – сообщил ему кто-то, услужливо уступая место в кругу перед потешным человечком.

– Из какой организации? – начал было сторож, но, увидев пришельца, воскликнул: – Смотри ты! Ты чо тут делаешь?

– Чо делаешь? Чо делаешь... – Эта фраза явно затруднила переводческий аппарат космонавта, потому что он снова забубнил свое: – Я – другая цивилизация...

Но сторож почему-то рассердился.

– Ах, так ты еще здеваться! . .

– Здеваться ?.. Здеваться ?.. Что значит здеваться ?

– Ах ты, фулюган, – сторож угрожающе двинулся на человечка. – Тебе кто тут позволил фулюганствовать?!

– Фулюг... фулюг... Я вас не понимать! – признался аппарат-переводчик.

Публика снова развеселилась, предвкушая очередной номер развлекательной программы.

– Щас я тебе покажу, – пригрозил сторож, но остановился, не выполнив своей угрозы, потому что только теперь заметил «тыкву», хотя не заметить ее было трудно. Как известно, все сторожа мира подслеповаты. – А эт чо такое? Эт ты притащил? А ну, собирай свои манатки, чтоб я этой груши не видел! А то тебе не поздоровится! Еще чего вздумал – мешать посетителям.

Он не сказал «чтоб я этой тыквы не видел» вовсе не из-за близорукости, а потому что «тыква» тем временем вытянулась кверху и сейчас действительно больше походила на гигантскую перезрелую грушу.

– Послушай! – став немного покладистей, видимо, внезапно проникнувшись уважением к странного вида «груше», заявил сторож. – Я тебя по-людски спрашиваю: кто тебе тут позволил спектакли разыгрывать? С какого ты кружка? С какой организации?

Однако его «людские» вопросы успеха не имели. Человечек опять заладил:

– Я не организация, я – цивилизация! Я хочет показывать дети Земли...

– Ладно, ладно, – тут уже и сторож засмеялся. – А разрешение у тебя есть? Нету? Комиссию ты прошел? Нет...

– Отведите меня комиссия! – умоляюще попросил его маленький космонавт и, наверное, для пущей убедительности, постучал рукой по коробке-переводчику. Так обычно стучат по приемнику, когда вдруг пропадает звук.

Сторож, казалось, только этого и ждал, потому что его злорадный ответ получился похожим на стихи:

– Эх, хватился ты, милок!.. Подождешь теперь годок!

Но тук за маленького пришельца вступились дети.

– Дядь, не прогоняй его! С ним так весело...

– Это вам здесь не цирк и не балаган! Это вам национальная выставка, – неумолимо-сурово отрезал сторож и распорядился: – А ну, брысь отсюда! И как только ухитрился дотащить эту бандуру, оболтус!

– Брысь!.. Брысь!.. Оболтус... Оболтус? – в полном замешательстве залопотал космонавт и это окончательно взбесило старика-сторожа, решившего, что его разыгрывают.

Своей огромной ручищей он схватил маленького космонавта за шиворот, с легкостью поднял его, и, встряхнув, как нашкодившего котенка, отшвырнул в сторону тыквы-груши. А у той изменилась не только форма, но и цвет: она вдруг стала гневно-оранжевой, ее оболочка натянулась и «тыква» словно бы запульсировала изнутри, потом стала вытягиваться вверх.

Маленький космонавт не смог удержаться на ногах и упал на одно колено, затем резко вскочил и исчез. Да, он действительно исчез с лица Земли, потому что никто его больше на ней не видел. В «тыкве» по-прежнему не было ничего похожего на дверь или какой-нибудь люк, какие обычно бывают в космолетах. Не напоминая уже ни тыкву, ни грушу, она, быстро вытягиваясь вверх, как какой-нибудь скороспелый огурец, просто-напросто поглотила маленького пришельца, а в следующий миг оторвалась от асфальта и исчезла в блеклом осеннем небе.

— Вот это да-а-а! — Дети от изумления разинули рты.

А сторож только охнул и схватил себя за шею той самой рукой, которой только что отшвырнул маленького космонавта. Он долго сжимал себя за шею, словно боялся, что может свернуть ее, пока все выше задирает голову, глядя вслед космическому кораблю. А в небе и след растаял от таинственной тыквы-груши-огурца. Только там, где она еще недавно лежала, чернела огромная яма. Не то от обиды, не то из желания набраться сил для полета к далеким мирам, «тыква» унесла с собой не только кусок асфальта, но и лежавшие под ним песок и камни.

Позднее ученые со всего мира будут толпиться возле этой дыры. Будут осматривать ее со всех сторон, измерять, брать пробы грунта для анализов. Да только с какой стороны на нее ни смотри, дыра и остается дырой, и ничего другого, кроме того, что она — дыра, про нее не скажешь.

Впрочем, в космосе, говорят, полно всяких других дыр. Ученые называют их «черными», и каких только ужасов про них не рассказывают. Однако никому еще не удавалось заглянуть в такую дыру и узнать, что там есть, зато небывлицы рассказывать все горазды. Так почему бы и нам не присочинить немного!

2

Недоразумение продолжается.
Когда наступает невесомость.
Ники оказывается невероятным

Ясно, что причиной случившегося недоразумения снова оказался язык. Если бы сторож не говорил на своем диалекте и если бы переводческий аппарат маленького космонавта был совершеннее, заявили под конец ученые, встреча двух цивилизаций непременно бы состоялась. А так обе стороны попрекать было не за что.

А сам космонавт, которого приняли за переодетого в скафандр клоуна, пребывал в великой ярости. И, надо сказать, он имел на это полное право. Тот из вас, дорогие читатели, кто пытался убедить людей, что он — представитель инопланетной цивилизации, и ему не верили, знает, как это обидно. Вот почему, снова очутившись в своем летучем овоще, крошка-космонавт первым делом в ярости отшвырнул свой переводческий аппарат.

Металлическая коробка канула в непроглядную тьму. И тут вдруг раздался чей-то сдавленный писк: «Ой-ой!» Испугавшись, маленький космонавт тоже что-то произнес, только на этот раз на каком-то совсем непонятном языке.

– Ой, мамочка! – снова пропищал невидимка.

Космонавт сунул руку в один из карманов своего скафандра, и темноты как не бывало – яркий, будто в летний полдень, свет залил небольшое помещение. Там, в центре, висел вниз головой и судорожно сучил ногами и руками земной на вид и уж совсем по-земному до смерти перепуганный мальчишка. Рядом с ним в воздухе парила блестящая коробочка переводческого аппарата. Оказалось, что она угодила точно в него и, как это ни странно, перевернула мальчишку вверх ногами – поза несколько смешная, настолько и страшная. Дело в том, что всего лишь за миг до этого в удивительном космическом аппарате наступила невесомость. А даже мы с вами, которые видели космические корабли только на экране телевизора, знаем, каким беспомощным чувствует себя человек в состоянии невесомости. Если, конечно, он не прошел специальную подготовку.

Но, похоже, маленький космонавт был хорошо натренирован. Он уверенно подплыл к мальчишке, трепыхавшемуся в воздухе, как марионетка, обхватил его руками за пояс и легонько перевернул. Потом потянул его вниз и мальчишке кое-как удалось встать на ноги. Теперь его лицо напоминало цветом спелую тыкву.

Все так же уверенно космонавт снял с головы шлем и выпустил его из рук, но тот остался висеть в воздухе, будто на невидимом крючке. Однако не это удивило земного мальчишку. Из-под шлема показалась взлохмаченная головка на тонкой шее. Причем волосы на ней были намного длиннее, чем позволяли школьные правила.

– Ага, – воскликнул Ники Буян, потому что это был именно он, знакомый автору восьмиклассник. – Так ты к тому же еще и девчонка?

То ли от удивления, то ли из-за переходного возраста, голос у него сорвался и перешел в писк.

Девочку, видимо, это задело и она сердито спросила, причем без единой грамматической ошибки – ошибки, вероятно, делал ее переводческий аппарат:

– А ты что здесь делаешь?

– Ну... ты ж сказала, кто хочет... – Теперь смешался мальчишка.

Одежда на нем была мокрая и мятая, словно его прокрутили в какой-то стиральной машине. Девочка весело засмеялась.

– Что же ты не сказал мне? Ты прошел через зуту.

– Пока ты там со сторожем болтала...

– Сними одежду. У меня есть запасной скафандр.

– Нет уж. Я лучше пойду, – отказался Ники и шагнул вперед, хотя никакого намека на дверь не было.

Шагнул он осторожно, но и этого движения было достаточно, чтобы его тело откинулось назад и он снова повис в воздухе, как скособоченный восклицательный знак. Хорошо еще, что он просто оцепенел от вновь охватившего его ужаса, а то еще и не так пришлось бы изогнуться. Ники висел и тихонько постанывал.

Но девочка не поспешила ему на помощь, а довольно бессердечно захохотала.

– Ты что ж, никогда не был в невесомости?

– Так... это... невесомость? – Это известие явно успокоило Ники. Видимо, он не раз видел по телевизору, что это такое.

– Ты разве не чувствуешь?
– Чего... что?
– Мы удаляемся от планеты.
– Какой планеты?
– Как какой! Вашей! Это ведь ты все подшучивал надо мной? Надо мной и Мало? Получил теперь?

– Ладно, кончай уже! – заканючил Ники, доведенный почти до слез своей унижительной позой в воздухе.

И вправду сказать, нет ничего унижительнее, чем висеть в воздухе, как скособоченный восклицательный знак, да еще перед какой-то девчонкой.

– Что кончать? – Девочка не поняла его.

– Эту, невесомость.

– Сейчас все пройдет. Вот только выйдем из гравитационного поля Земли.

Но она еще не знала Ники Буяна, если рассчитывала провести его на мякине.

– Тут-то вы и просчитались, – по-мужски грубо и несколько хрипловато произнес он. – Невесомость существует только за пределами гравитационного поля Земли. И пока его преодолеваешь, все происходит как раз наоборот. Предметы становятся втрое, а то и впятеро тяжелее. Из-за ускорения.

– Ну, у вас может быть и так, а Малогалоталотим при посадке и взлете уничтожает гравитацию вокруг себя.

– Какой еще Малогало... Как ты сказала?

– На котором мы летим. Давай, снимай одежду. Я дам тебе скафандр. Он тебе еще понадобится.

Какой мальчишка отказался бы покрасоваться в скафандре, но Ники сейчас действительно было не до скафандров. Даже самых разблестящих.

– Ладно, хватит со мной шуточки шутить. Найди кого-нибудь другого. А мне через час в школу надо.

– Это ты шуточки шутишь, – ответила девочка. – Никто тебя не заставлял сюда забираться.

– Извини, я не нарочно. Я просто потрогал этот твой... шар и рука прошла внутрь. А потом меня словно всосало и я... я... меня завертело, а потом я чуть было не захлебнулся...

– Это потому, что ты попал в зуту, – снова засмеялась девочка.

– А что это такое?

– Зута. Ну, как тебе объяснить. У вас нет такого слова. Да и вообще такого слова нет. Это я его придумала.

Несмотря на невесомость, Ники преисполнился уважения к этой девочке.

– И все остальное ты тоже сама придумала?

– Что остальное?

– Ну, весь этот номер?

– Какой номер?

Похоже, назревало очередное недоразумение.

– Помоги мне встать на ноги, – сдавшись, попросил Ники.

Она легким прыжком подлетела к черно-серой стене и, опершись на нее одной рукой, протянула Ники другую. Ники выпрямился и снова опустился на пол, продолжая держать девочку за руку. Ему казалось, что стоит отпустить ее, как его тут же отнесет в сторону, словно подхваченное ветром перышко.

– Буф-ф, что ты так в меня вцепился, – сказала девочка. – Вон какой сильный, а боишься.

Но прежде чем Ники, устыдившись, успел отпустить ее руку, он качнулся вперед и налетел на девочку. Оба рухнули на пол. Пол был мягким, словно надувной матрац, но мальчик все же почувствовал силу удара, так как внезапно его тело обрело прежнюю тяжесть, даже вроде стало вдвойне тяжелее. От этого у него закружилась голова и он остался лежать на полу, распластавшись на спине.

Девочка с озабоченным видом склонилась над ним.

– Тебе плохо? Наверное, ты просто не привык. Тебе непременно нужно надеть скафандр, будет легче.

Она принялась расстегивать его куртку, с удивлением рассматривая пуговицы. Тот, кому приходилось расстегивать или застегивать мокрую одежду, знает, как это нелегко. К тому же, этой странной девочке, казалось, был незнаком подобный способ застегивания одежды.

– Буф-ф! – снова произнесла она свое смешное восклицание. – Как это снимается?

Перед лицом угрозы быть раздетым девчонкой Ники быстро пришел в себя.

– Эй, что ты делаешь? Отцепись от меня!

– Ну почему ты такой? – с огорчением произнесла девочка.

А он ответил, как ответил бы любой земной мальчишка:

– Такой, какой есть! Говори, как отсюда выйти! Он поднялся и действительно собрался уходить.

– Сейчас ты не можешь выйти. Мало тебя не выпустит.

– Где он, этот Мало?

– Я же тебе говорила, мы находимся внутри него! Внутри Малогалоталотима.

– Там-там-тра-та-там, пошли лучше по домам, – с издевкой пропел Ники.

– Подыщите кого другого для ваших номеров.

– Да пойми же ты, это не номер! Я действительно прилетела с другой планеты!

– Ну да, конечно, – рассвирепел мальчик. – И там, конечно, все говорят, как ты и я, да? Когда говорила через аппарат, хоть было смешно.

– Я объясню, я все тебе объясню, – умоляюще произнесла девочка.

– Объяснишь, когда я вернусь из школы. Говори, где выход?

– Буф-ф, до чего же ты невероятный!

– Значит, так говорят на вашей планете? Буф-ф и невероятный, вместо недоверчивый?

Девочка раздраженно схватила его за руку и потянула за собой.

– Ну пошли, раз уж ты такой невероятный!..

3

В зрачке Мало.
Сколько должен знать человек,
чтобы поверить

Девочка присела на корточки и головой вперед прошла сквозь черную серую стену. Стена казалась не менее плотной, чем автомобильная камера, только вот тебе на! – девочка вошла в нее без малейшего усилия. Испугавшись, что он снова останется один, Ники, не раздумывая, тут же пополз вслед за ней, стараясь не упустить из виду ее блестящий скафандр. Они очутились в какой-то

трубе или, скорее, толстой кишке, которая с готовностью раскрывалась перед головой девочки и за пятками мальчика сразу же смыкалась. Свет фонарика всюду натывался на все ту же черно-серую резину. Было жарко и душно.

Точно через такую же кишку и попал сюда Николай. Таинственная «тыква» просто всосала его, а если быть совсем точным, она словно бы ввнула ему: ничего не бойся и входи без опаски. А такая вот кишка закружила его и протолкнула вовнутрь. Он чуть было не захлебнулся в каком-то котле с густой теплой жидкостью, но потом его как будто выплюнули в эту темницу, где его и нашла переодетая космонавтом девочка. В этих кишках он потерял свой портфель, но почему-то нисколько по-настоящему не испугался. Казалось, что-то подсказывало ему, что все это не опасно, что это – игра. Наподобие тех невзправдашних ужасов в парке аттракционов.

Куда же они теперь ползли? Назад? Наружу?

Ничего подобного. В одном месте кишка была пошире и девочка, встав на колени, протянула ему руку, подтягивая к себе, и тут же погасила фонарик. Он услышал ее голос:

– Свет будет мешать Мало. Сейчас мы у него в зрачке. Смотри вон туда.

Но нигде ничего не было видно. Ники затаил дух в ожидании следующего сюрприза, который оказался не таким уж и удивительным. Очень быстро глаза мальчика привыкли к темноте, и мрак перед ним постепенно рассеялся. Через какой-то круглый проем он увидел далекие звезды. Их было много и среди них, казалось, постоянно вспыхивали новые. Целая россыпь – и все разного цвета!

– Вот видишь! – торжествующе воскликнула девочка. – Земля-то уже далеко-далеко! А ты хотел выйти.

В отличие от звезд на настоящем небе, где заметно только их мерцание, здешние звезды не мерцали, но зато двигались, как на искусственном небе Варненского планетария.

– Это что, кино? – спросил Ники.

– Буф-ф! – девочка снова выстрелила свое смешное восклицание. – Это настоящие звезды, дурачок! Это космос. И мы летим в нем, летим, не чувствуешь, что ли? Скорость ведь растет.

И действительно голова Ники налилась тяжестью, словно от усталости. Спина сама собой оперлась на мягкую стену. А скафандр девочки сейчас переливался всеми цветами радуги. И лицо ее тоже стало радужным и наконец-то приобрело какие-то неземные черты. Хотя все это было только отражением из круглого иллюминатора, где уже не было видно никаких звезд, а все окрасилось разноцветными полосами – так бывает иногда на экранах цветных телевизоров.

– Ага, сломалось! – теперь уже торжествовал Николай Буяновский.

– Ничего не сломалось. Когда Мало движется быстро, звезды вытягиваются вот в такие цветные линии. Красиво, правда?

– А-а-а, эффект Доплера! – догадался Ники.

Он прочел много научно-фантастических романов, читал и журнал «Космос», так что знал о теории известного физика Доплера. Согласно этой теории, когда ракета достигнет скорости близкой скорости света, она будет двигаться меж звезд словно в разноцветном туннеле. Да только все это на теории. Такой ракеты никто еще не построил и неизвестно, построит ли вообще когда-нибудь.

– Это вы здорово придумали, – признался он. – В планетарии еще не могут показать эффект Доплера. Вы из какого кружка?

– Кружка? – девочка, казавшаяся в этом фантастическом свете необыкновенно красивой, явно не поняла его.
– Ладно уж пришибленную из себя строить!
– Да, – огорченно вздохнула девочка. – Он ушиб меня, этот плохой человек. Почему он меня ударил?
– Если будешь продолжать в том же духе, тебе и от меня достанется!
– Да? А что ты мне дашь? – простодушно спросила она.
– Слушай, сейчас я рассержусь и тогда, тогда... пеняй на себя!
– Но почему ты не хочешь мне отвечать? Мне о стольком надо тебя спросить.

Как и сторож, Ники тоже подумал, что над ним просто издеваются и уже хотел было замахнуться пошире да... Разве можно замахнуться в такой тесноте да еще на такую радужную девочку?

– Слушай ты, девчонка...
– Меня зовут Нуми, – обрадованно прервала она его. – А тебя как?
– Это неважно! – буркнул он, вдруг устыдившись своих намерений.
– Но почему? – удивилась девочка. – Разве у вас, на Земле, имена не имеют значения? Хочешь я отгадаю, как тебя зовут?

– Не хочу. Мне пора идти.
– Буф-ф, ты все еще мне не веришь, – опечалилась Нуми и неизвестно почему притронулась рукой к волосам за ухом. Ее радужное личико стало задумчивым, словно она к чему-то прислушивалась.

– Ну вот, и мозг твой хочет поверить, а ты не даешь ему! Нельзя так! Я все слышу. И все прекрасно понимаю, – чему-то неожиданно обрадовалась она. – Значит, мы совсем-совсем близкие! Раз тебе так хочется, я скажу Мало, чтобы он вернул тебя на Землю, но только ты, пожалуйста, сначала поверь мне. Очень тебя прошу: поверь мне. А сейчас пошли обратно. Тут мы мешаем Мало. Он, конечно, не сердится, но я знаю, что мешаем. Ведь и нам, когда что-нибудь попадет в глаза, больно смотреть. Там я тебе все расскажу. Вы, земляне, слишком мало знаете, потому и не верите. Надо очень много знать, чтобы очень верить...

4

Действительно ли человек должен много знать, чтобы очень верить. Мозг с кнопкой

«Дудки! Совсем наоборот, – сказал про себя Николай, пока они пробирались обратно по удивительной кишке, которая как живая расходилась перед ними и сжималась позади них. – Верят те, кто ничегошеньки не знает. Невежды».

Однако он промолчал и снова расположился напротив девочки, которая села, вытянув ноги, и положила фонарик подле себя.

Этот фонарик был не менее удивительным. Крохотный, как земляной орех с тремя зернышками, он светил так, будто в нем были собраны прожектора с целого стадиона. «Атомный, наверное», – подумал Ники.

– Все атомное, – произнесла Нуми, словно угадав его мысль. – Все состоит из атомов.

– А еще из электронов, протонов, нейтронов, кварков... – со знанием дела заявил Ники.

– Правильно, атомы в свою очередь сложены из самых разных частиц, – согласилась Нуми. – Значит, вы их так называете?.. Что? Скафандр? Нет, это самый обычный скафандр, но довольно удобный. Ты не смотри, что он такой тонкий, в нем и в космос можно выйти. В нем можно дышать, и питаться... Конечно, определенный период. Почему ты не хочешь надеть такой скафандр, а сидишь в мокрой одежде?

Николай действительно засмотрелся на блестящее одеяние девочки, облежавшее ее тело, как змеиная шкура, хотя спрашивать ни о чем ее не спрашивал. Поэтому он снова разозлился, что ей удалось отгадать его мысли.

– Хватит мне голову морочить! Отыщи лучше мой портфель, мне в школу пора.

– Ну почему ты ничего не хочешь узнать обо мне, – с явным огорчением воскликнула Нуми. – Почему ты такой безынтересный?

– Это ты безынтересная! – огрызнулся он.

– Я не безынтересная. Раз уж до самой Земли долетела, хотя все мне говорили, что Земля давно мертва.

Самое странное, что на лице ее не было ни тени лукавства. Или по крайней мере ему не удавалось обнаружить на нем никакого притворства.

– Кто тебе сказал такую чушь?

– И мама, и папа, и все другие. На Пирре все так говорят. Говорят, что когда на Земле произошло большое природное бедствие, ничего живого не осталось. Но я-то знаю больше их всех и потому не поверила им. Я была убеждена, что здесь остались жить люди. И вот оказалось, что и вы такие же невероятные, как и наши! – она снова перепутала слово.

– Недоверчивые! – поправил ее Ники неожиданно для себя. А вообще-то ему очень захотелось подразнить ее, высмеять за такие детские небылицы.

Девочка рассердилась.

– И недоверчивые, и невероятные, и безынтересные! Ты все меня поправляешь, а сам, ну ровным счетом ничего не знаешь. Ты и в школу ходишь потому, что ничегошеньки не знаешь. И мозг-то у тебя всего один, но путаница в нем невероятная!

Николай захихикал:

– А у тебя сколько? Может, двадцать?

– Не двадцать, а два! – серьезно отрезала она.

– Великое дело – два! – насмешливо протянул Ники. – Я вот, например, видел теленка с двумя головами. Его в деревне на ярмарке показывали.

– И умные у него головы? – спросила Нуми с таким простодушием, что Николаю даже стало неловко, когда он, не сдержавшись, ехидно заметил:

– Да уж поумней твоей!

– И они такими рождаются?

– Естественно.

– Вот видишь! А я – эксперимент. Я – первый ребенок, которому присадили искусственный мозг. Вот здесь! Только под волосами сейчас ничего не видно. В этот мозг вложены знания всей нашей цивилизации и стоит мне нажать вот эту кнопку, – тут Нуми прикоснулась пальцем к чему-то за левым ухом, – и он сразу же отвечает на все вопросы, которые задает ему второй мозг. Вот почему я знаю все-все. Потому что у меня в голове собраны все энциклопедии вместе взятые...

Все сказанное девочкой казалось насколько невероятным, настолько и занимательным, однако Николай Буяновский опасался, что его просто-напро-

сто продолжают разыгрывать, и потому сделал вид, что ему это вовсе не интересно.

– Я даже мысли других людей могу читать, потому что этот искусственный мозг может усиливать волны, излучаемые собственным мозгом, – продолжала хвастаться девочка. – Хочешь убедиться в этом сам? Назови, например, в уме свое имя, а я его отгадаю. Давай, чего же ты!

Этот эксперимент казался вполне безопасным, и Николай произнес в уме несколько имен.

– У тебя такое длинное имя? – удивленно воскликнула Нуми. – Николай Петров Иванов Стоянов Петков Драганов Стоянов Буяновский?!

Ники вытаращил на нее глаза. Дело в том, что он в шутку перечислил имена всех своих дедов. Прадед Николая был еще жив, и когда учительница в школе дала им задание нарисовать свое родословное дерево, прадед назвал ему имена целой кучи своих пращуров.

– Ты что... правда? Как это у тебя получилось? В ответ девочка отогнула пальцем левое ухо.

– Вот эта кнопка. Потрогай!

Ники не заметил там ничего, кроме небольшого бугорка под тонкой белой кожей. Если бы там действительно оказалась кнопка, он, может, и поверил бы ей наконец. Правда, палец его действительно нащупал нечто похожее на крохотную кнопку, но Николай только презрительно сказал:

– Ну и что. Косточка какая-то.

Нуми со вздохом повторила свое комичное восклицание:

– Буф-ф, Николай Петров Иванов Стоянов Петков Драганов Стоянов Буяновский, ты снова становишься невероятным!

Обращаясь к нему, она безупречно перечислила всю его династию, а на такое, пожалуй, обычный человеческий мозг не способен. Однако Николаю не хотелось сдаваться. Он тут же решил, что она просто нашла его портфель и в одной из тетрадей, хотя он вовсе не был в этом уверен, увидела его родословное дерево.

– Я не находила твоего портфеля, но мы его найдем, если только Мало не выбросил его как инородное тело, – сказала Нуми, – и ничего я не читала.

Последние ее слова должны были окончательно убедить Ники в том, что она действительно способна читать мысли, но вы просто не знаете Николая Буяновского, а еще короче, – Ники Буяна, если думаете, что он ей поверил. Наоборот, с еще большей ехидцей он произнес:

– Так это значит твой второй мозг заставляет тебя вместо «недоверчивый» постоянно говорить «невероятный» и «безынтeресный» вместо «незаинтересованный»?!

Нуми в отчаянии хлопнула себя ладошкой по лбу.

– Нет, не он. Это мой собственный мозг. Я сейчас редко включаю искусственный мозг, чтобы мы могли говорить с тобой как равные.

Ники с обиженным видом вскочил на ноги и закричал:

– Послушай, ты, включи все свои мозги и пойми, наконец: я хочу уйти!

Его резкие слова окончательно расстроили девочку, и она торопливо заговорила:

– Прошу тебя, останься, Николай Петров Иванов Стоянов Петков Драганов Стоянов Буяновский! Мы полетим с тобой на другие планеты. Ты, наверное, думаешь, что на других планетах нет людей, что вы во Вселенной единственные. Наши на Пирре тоже так считают, хотя у нас есть много сказок об инопланетянах. А я уверена, что в космосе полно людей. Я скажу Мало, и он

доставит нас к ним. Он меня слушается, потому что только я одна могу с ним разговаривать. Вдвоем нам будет веселее. Ну останься, очень тебя прошу!

«Она или сумасшедшая, или прирожденная артистка и потому у нее выходит так естественно», – подумал Ники, но вслух сказал другое:

– И все эти люди такие же, как мы с тобой, да?

– Я не артистка и не сумасшедшая, – ответила Нуми, не обращая внимания на его слова. – Прошу тебя, Николай Петров Иванович Стоянов Петков...

Окончательно Смутившись, он поспешил прервать Нуми:

– Ты это... что, случайно?

– Что?

– Да нет, ничего! Только не надо больше перечислять все мои имена. Меня все зовут просто Ники. Ники Буян. Это прозвище у меня такое. Не потому, что я сумасшедший или буйный, а просто от фамилии – Буяновский. Я как раз это и подумал, а ты совсем другое прочла в моих мыслях. Я не о тебе...

Нуми укоризненно покачала головой с двумя мозгами.

– Ай-яй-яй, Ники Буян, неужели ты думаешь, что можешь меня обмануть! Лучше даже не пытайся!

Николай густо покраснел, а потом побледнел, потому что Нуми добавила:

– И перестань ругать мой искусственный мозг! Я тоже иногда сержусь на него, он мне мешает, но тогда я просто выключаю его. Раз он и тебя раздражает, я его выключу.

Она быстро поднесла руку к уху, однако мальчик не был уверен, действительно ли она выключила свой искусственный мозг, и потому с опаской спросил:

– И зачем его тебе присадили?

– Я же сказала тебе – это эксперимент. Сначала – мне. А если это окажется полезным и безвредным, его будут присаживать всем детям. Тогда люди будущего станут в тысячу раз умнее, потому что этот мозг не только полон знаний, но постоянно пополняет их запасы новыми познаниями. Только все дело в том, что я убежала. Эксперимент сбежал, – весело заключила девочка. – И сейчас за мной не могут наблюдать. Папа наверняка ужасно сердит, потому что это он присадил мне искусственный мозг. Мой папа – очень известный ученый.

– И как ты от них убежала? – уже по-настоящему заинтригованный спросил Николай Буяновский, потому что согласиться, нет ничего интереснее, чем узнать, как и откуда кто-то сбежал.

– О, это было страшно забавно! – воскликнула девочка-эксперимент, словно нет ничего веселее на свете чем сбежать от своих родителей.

Однако тот, кто пробовал хотя бы на день убежать из дома, прекрасно знает, что это довольно-таки грустная история. Не только для тех, от кого убежали, но и для самого беглеца.

5

Об одном из способов убежать от родителей.

Иногда полезно верить народным сказкам

– Летели мы с папой и мамой на Литу, – начала свой рассказ экспериментальная девочка. – Постой, ты же не знаешь, что такое Лита. Лита – это пятая планета нашего Солнца после Пирры, где находятся разные космические институты. Папа повез меня туда, чтобы меня там исследовали и наблюдали за мной. Потому как будущим поколениям, которым поставят такой вот мозг,

придется жить и работать главным образом в космосе. Но знаешь, мне уже тогда страшно надоело, чтобы за мной наблюдали. Очень неприятное чувство, ты, небось, его не испытывал...

– Как же не испытывал! Еще как испытывал! – воскликнул Николай.

Это была правда. Не проходило ни одного родительского собрания, чтобы его мать не просила учителей: «Очень вас прошу, последите за моим Николаем, у него сейчас трудный возраст!» И отца частенько ругала за то, что он не смотрит как следует за сыном. Хорошо еще, что у отца работы по горло и ему не до Николая. Зато классная частенько отчитывала его перед всеми: «Николай, я же наблюдаю за тобой. Неужели тебе ежедневно нужно подтверждать свое прозвище?..»

– Тогда ты наверняка не осудишь меня за то, что я сбежала от родителей, – сказала Нуми.

– Конечно, нет, – великодушно согласился Ники Буян, потому что и ему не раз приходило в голову убежать куда-нибудь подальше. – Ну и что было потом?

– По дороге наш космолет поломался, а до Пирры было уже далеко. Поломка оказалась серьезной, и не было никаких шансов на то, что спасательная ракета подоспеет вовремя. Взрослые ничего, разумеется, мне не сказали. Наверное, и у вас на Земле взрослые всегда скрывают от детей, когда случается что-нибудь серьезное, можно подумать, что дети глупее их. Но я-то сразу узнала обо всем. Хотя они постоянно наблюдали за мной, но еще не знали, что новый мозг позволяет мне читать чужие мысли. Я не говорила им об этом. Так мне было интереснее, да к тому же я боялась, как бы они не стали проводить со мной какие-то новые эксперименты. Так вот, значит, слышу, как пилот корабля говорит папе – я через стенку это услышала: – «Только какой-нибудь Малогалоталотим и может нас спасти, но, к сожалению, они существуют только в сказках»... Ники, ваши взрослые тоже не верят в сказки?

– Не верят, – веско подтвердил Ники, а сам с чувством превосходства подумал, что он тоже уже давно не верит в сказки.

– А я верила, что Малогалоталотим существует. И тогда я решила попробовать. Включила свой искусственный мозг и закричала мысленно: «Малогалоталотим, миленький Малогалоталотим, только ты можешь спасти нас. У нас скоро кончится воздух. Прилетай и спаси нас, умоляю тебя. Я – Нуми, Нуми с планеты Пирра! Как ты когда-то спас землян, спаси и нас! Умоляю тебя, умоляю, умоляю...» Вот так я звала его, Ники, и, знаешь, один из них тут же отозвался. Представляешь, тут же отозвался!

Николай, конечно, не поверил ей, но тем не менее согласно кивнул головой. Действительно, такое длинное имя и запомнить-то трудно, а уж сто раз повторить его без ошибки, не пропустив ни разу какого-нибудь там «тало», «мало» или «гало» – это уж извините!

А Нуми счастливо улыбалась, припоминая случившееся.

– И ты знаешь, что он мне сказал? Он сказал: «Я иду к тебе, Нуми. Скоро я прилечу к тебе и спасу вас». Тогда я сразу же побежала в большой зал, где взрослые совещались, что же им предпринять. Я ворвалась к ним и закричала: «Не бойтесь! Сейчас прилетит Малогалоталотим и спасет нас! Он будет здесь совсем скоро, так что приготовьтесь!»

Тут Ники уже не выдержал и ухмыльнулся.

– И все, конечно, тут же поверили.

– Буф-ф, – презрительно хмыкнула девочка. – Никто мне не поверил. Они только с грустью смотрели на меня и не верили, хотя я пыталась их убедить, что

это правда. А потом папа взял меня на руки и вынес из зала, чтобы я, дескать, им не мешала. А я расплакалась. Я вообще-то редко плачу, но тогда заплакала. «Папа, – сказала я ему, – хоть ты мне поверь! Я разговаривала с ним. Мой новый мозг позволяет мне разговаривать с ним, равно как и слышать мысли других людей. Я тебе не говорила этого до сих пор, извини, мне было просто страшно! Но я действительно говорила с Малогалоталотимом и он прилетит к нам, вот увидишь!» А отец только гладил меня по голове. Я так и знала, что они испугаются, когда я скажу им о своих новых способностях. Гладит он меня по голове и успокаивает: «Хорошо, хорошо, моя девочка! Сейчас ляг и поспи, а потом мы наденем свои лучшие скафандры и будем дожидаться спасательной ракеты. А, может, и Малогалоталотим прилетит к тому времени, чего только не случается в этом мире!» Так он говорил мне, а я читала его мысли и понимала, что он не верит ни в спасательную ракету, ни в Малогалоталотима. И тогда я крикнула ему: «Вот увидишь, вы еще увидите, все вы, которые ни во что не верите!» Я вырвалась у него из рук и спряталась в одном из отсеков. Но сначала надела скафандр, взяла коробку и приготовила один запасной скафандр. И хорошо, что взяла, тебе он сейчас понадобится...

Ники почувствовал, что если ему подарят такой вот скафандр, у него просто не найдется сил отказаться от подарка. Может, это и не настоящий скафандр, но выглядел он, сияющий, как елочная игрушка, великолепно.

В глазах Нуми появился торжествующий блеск.

– И знаешь, что произошло? Всего через час Малогалоталотим уже был у нашего корабля. Я услышала, как он мысленно говорит мне: «Нуми, я здесь, у входа в ваш корабль. Наденьте свои скафандры и входите в меня. Первой пойдешь ты, потому что остальные не будут знать, как это сделать». Ты не представляешь себе, Ники, какой смех был потом! Когда я снова вошла в большой зал, там началась паника. Приборы показывали, что нечто огромное прилипло к кораблю у выходного шлюза, а что – неизвестно, и все ждали, что корабль вот-вот взорвется. Мне пришлось кричать, чтобы они меня услышали. Я взобралась на один из пультов и оттуда крикнула им: «Тихо, дорогие взрослые, тихо! Спокойно! Я говорила вам, что Малогалоталотим прилетит, и вот он здесь! Приготовьтесь перейти в него. Я знаю, как это сделать. Слушайте мою команду: Всем надеть скафандры! Всем надеть скафандры!..» Нет, в тот момент они, конечно же, мне не поверили, но все же притихли. Ведь они помнили о том, что я – ребенок-чудо, к тому же снаружи действительно что-то было. Тогда я сказала отцу: «Надень немедленно скафандр и открой мне шлюз. Внимательно смотрите; как я войду в Малогалоталотим». И он подчинился. Из шлюза выпустили воздух, чтобы не расходовать его напрасну, если окажется, что все это я придумала, проверили, как я надела скафандр, и открыли люк. Со мной были папа и первый пилот. Как ты думаешь, Ники, что мы увидели?

Экспериментальная девочка сделала драматическую паузу.

Николай неловко заерзал, потому что, увлекшись ее рассказом, он просто слушал, ни о чем не размышляя.

– И что же вы увидели?

– А ничего. Стену! Такую, словно из резины, как вы говорите, – ответила Нуми, прикасаясь к стене помещения, в котором они находились. По сути дела его нельзя было назвать и помещением, потому что помещение без окон и дверей вовсе не помещение. Оно очень походило на большой продолговатый пузырь. – Вот такую стену! Это было тело Малогалоталотима, но ведь никто его прежде не видел! Я тоже растерялась. Тогда в ушах у меня зазвучали слова: «Иди смело, Нуми. Ты сможешь пройти через то, что вы называете стеной,

если мне это угодно. Проходи, я приму тебя! Не бойся!..» И я прошла сквозь стену, которая в следующий миг поглотила меня, закружила и привела вот сюда. Так же, как она привела сюда и тебя. Раз Мало впустил тебя, значит, ты ему понравился. А раз ты понравился Мало, значит, и мне должен понравиться...

– Ладно, чего уж там, – оборвал ее Ники, почувствовав себя неловко. – Что потом-то было?

– Я включила фонарик, осмотрелась и спросила. Мало, сможем ли мы поместиться, уж больно тесно мне там показалось. Но он ответил, что при желании может вместить народу во сто раз больше, так как способен растягиваться бесконечно. Тогда я сказала ему: «Спасибо тебе, Мало! Ведь я могу так тебя называть, раз мы подружились? Малогалоталотим – слишком длинное имя...» А он ответил, что раз люди окрестили его таким красивым именем, то пусть так его и называют.

– А разве это не его настоящее имя? – удивился Николай.

– Нет, конечно. Так его называли в своей легенде люди Пирры. А на других планетах он, наверное, известен под другим именем.

– А что это за легенда?

– Слушай, хватит меня перебивать! Легенду я расскажу тебе в следующий раз. А сейчас дай закончу о том, как я спасла людей с космического корабля. Я сказала Мало, что теперь мне нужно вернуться на корабль, чтобы и другие убедились, что все это абсолютно безопасно, и он выпустил меня. Представляешь, какие у них были глаза, когда я снова очутилась в шлюзе, пройдя сквозь стену?

Ники, конечно, мог себе это представить, но не стал, потому что у него самого, наверняка, были такие же глаза, когда он невольно очутился в утробе этого таинственного Мало. Хорошо еще, что никто не видел его в тот момент!

«Ну, что же вы, – обратилась я к взрослым, – восторженно продолжала свой рассказ девочка с двумя мозгами. – Давайте мне руку и – друг за другом!» Они были страшно перепуганы, но, так как другого выхода не оставалось, все решили: «Все равно умирать, будь что будет!» Я слышала их мысли и мне было ужасно весело. Вот так, поодиночке, держа каждого за руку, будто они были детьми, я перевела всех в Мало. Всех, представляешь! И действительно они все там поместились, хотя сейчас здесь кажется тесно. Нас было пятьдесят человек, и Мало расширился ровно на столько, на сколько было необходимо. Они никак не могли прийти в себя, и я даже на них прикрикнула: «Что дрожите? Дрожите себе сколько угодно, раз не верите в Малогалоталотима! Но он добрый и спасет вас, хотя вы и обижаете его своим неверием...» И он действительно спас нас, Ники. Для него это пустяковое дело. Я говорила, что мы были уже очень далеко от Пирры, а он доставил нас туда за каких-нибудь десять минут. Мы даже не поняли, как это произошло. Только при посадке почувствовали невесомость. Тогда он снова обратился ко мне: «Вот, Нуми, мы и прибыли на вашу планету, выводите людей!» Но теперь уже никто не хотел выходить. Они снова не верили и мне пришлось выйти одной и принести им цветок в доказательство того, что мы прибыли домой. Мало опустил на поляну, вдали от селений – не хотел, чтобы его видели другие люди. И он прав. Раз люди в него не верят, они могут сделать ему какую-нибудь гадость. Ведь люди становятся плохими, когда ни во что не верят. Но я сказала ему: «Знай, Мало, что я очень тебя люблю, всегда тебя любила!» Это была сущая правда. Я действительно полюбила его еще с малых лет, когда мне впервые рассказали о нем сказку. «Можно я останусь с тобой, – попросила я его. – Мне очень хочется полетать с тобой подольше, а мы так быстро прибыли на Пирру». И он согласился повозить меня по космосу. Он

сказал, что наконец-то родился человек, который может с ним общаться, и что ему будет приятно повозить меня и поговорить со мной. Маме с папой я сказала, что забыла внутри коробку и запасной скафандр и потому должна вернуться в Мало. А когда вошла, крикнула ему: «Давай, вперед, миленький мой Мало! Улетим поскорее с этой глупой Пирры, которая не желает верить в свои собственные сказки! И не успела я и глазом моргнуть, как мы уже были в открытом Космосе...

– Почему бы тебе не написать про все это? – предложил Николай. – Чудесный получится рассказ! Мы отнесем его в редакцию журнала «Космос».

Искусственный мозг экспериментальной девочки был выключен, поэтому она не поняла, что он по-прежнему считает все, о чем она ему поведала, сочинением на космическую тему. Поэтому она серьезно ответила:

– Мы оба напишем обо всем. Посетим другие планеты и напишем обо всем, что там увидим. А потом ты напечатаешь свои рассказы в вашем журнале, а я – в нашем, чтобы люди – и ваши, и наши – наконец поняли, что происходит в мире.

– Значит, и на других планетах есть люди? Ты их видела?

Он снова не поверил ей, но спросил так, потому что ему хотелось услышать продолжение занимательной истории. Эта девочка явно умела сочинять невероятные истории. Она же радостно воскликнула:

– Мы вместе с тобой их увидим, Ники. Я полетела сначала на Землю, потому что это наша общая родина. Но прежде давай поедим. Ты еще не проголодался? Встреча с Землей страшно утомила меня, я совсем выбилась из сил. Пойдем!

Она произнесла это так, словно приглашала пройти в столовую или на кухню, на самом же деле им снова пришлось пробираться сквозь стену и ползти по какой-то отвратительной кишке, которая то сокращалась, то растягивалась, проталкивая их вперед. Это путешествие показалось Ники бесконечно долгим.

6

Говорят ли в космосе во время еды.

Стыдно ли быть голым.

О том, как люли поселились на других планетах

В конце концов они оказались возле чего-то похожего на огромный котел, который был доверху налит какой-то густой ароматной жидкостью. Нуми укрепила фонарик на бортике котла и выпрямилась во весь рост.

– И мы это будем есть? – брезгливо спросил Николай.

– Нет, залезем внутрь. Пища Мало проникает не через рот, а через кожу.

С этими словами, нисколько не смущаясь, она принялась стаскивать с себя блестящий скафандр. Ники смотрел на нее со страхом.

– Эй, ты что делаешь?

– Ты снова испугался? Я покажу тебе, как сюда залезть.

– С чего ты взяла, что я боюсь!

– Почему же ты тогда не раздеваешься?

– Ну, как это... тебе не стыдно раздеваться передо мной?

– Почему я должна стыдиться? Я такая же, как земные девочки.

– Земные девочки, кстати, стыдятся, – со знанием дела сообщил Ники.

Нуми засмеялась:

– Похоже, земные мальчишки – тоже. Ладно, хватит болтать, я проголодалась.

Николай поспешно отвернулся.

– Я не голоден, – заявил он, стоя к ней спиной.

Услышав легкое бульканье, он с опаской повернулся к котлу. На поверхности каши виднелась только голова девочки с двумя мозгами. Вид был не из приятных.

– Неужели так глубоко? – спросил он ее.

– Нет, я просто присела.

– Так, значит, вы не стыдитесь показываться друг перед другом голыми?

– Люди должны стыдиться не своей природы, а своих дурных поступков, – нравоучительно произнесла Нуми.

– Да, но они не всегда этого стыдятся. У вас тоже так?

– Оставь меня в покое, – сказала Нуми. – Разговор отвлекает меня и я не смогу насытиться.

Ники презрительно сморщил нос. Все испортила! В конце концов, в фантастике должно быть не так, как в жизни. А то будто в пионерском лагере или дома: не болтай, во время еды не разговаривают! Он помолчал, ему вдруг стало скучно. Хотел было потрогать фонарик, но побоялся. Уж больно ярко светит – не обжечься бы! Потом сказал:

– Я все еще тебе не верю.

– Потому что не хочешь поверить, вот почему! – ответила ему Нуми, теперь уже больше с досадой, чем с огорчением.

– Хочу поверить, но не могу, – возразил Ники, но тут же почувствовал, что мысли его угаданы: он уже полностью поверил ей и только из упрямства не хотел в этом сознаться.

– Что же тебе мешает поверить?

– Многое. И прежде всего язык. Почему ты раньше говорила с помощью переводческого аппарата и все неправильно, а сейчас...

Нуми засмеялась:

– Никакой это не аппарат, а самая обыкновенная коробка. Я просто притворялась, что плохо знаю ваш язык. Думала, что так вы мне скорее поверите, а вы все равно не поверили. Очень вы неве... Как это?.. А-а, недоверчивые! Буфф! Все путаю эти два слова...

– Но откуда ты так хорошо его знаешь?

– Просто мы с Мало кружили вокруг Земли, пока я не выучила ваш язык. С помощью моего искусственного мозга я могу улавливать любые волновые излучения. Я все время слушала программы вашего радио и телевидения. Хорошо, что вы так много говорите, недолго пришлось учить.

– Нет худа без добра! – рассмеялся Ники.

– Что это значит?

– А мы все сетуем на то, что слишком много говорим. Ну, а сейчас что ты делаешь?

– Питаюсь. Мало объяснил мне, что я могу питаться таким образом. Может быть, это его желудок. Ты тоже должен будешь научиться так есть, потому что таблетки надо беречь. Они нам понадобятся, когда мы окажемся на планете, где нет подходящей для нас пищи.

– Я не голоден, – раздраженно повторил Ники. – И что, наконец, представляет из себя этот Мало? Существо он или машина?

– Разумеется, существо, – ответила Нуми, которая, видимо, позабыла, что ей не следует говорить во время еды, а может, и инопланетяне в этом возрасте тоже не умеют хранить молчание. – Раз он существует, значит – существо.

– Машина тоже существует, но она – не существо. Несмотря на свои два мозга, девочка, видимо, не нашлась, что ответить, и потому вдруг спохватилась:

– Хватит болтать! Нет ничего вреднее, чем спорить во время еды.

– Я не спорю, а просто говорю тебе. Раз у него есть желудок, значит, и он чем-то питается, а раз питается...

– А машина разве не питается топливом и энергией?

– Ну, а теперь кто спорит? – сказал Ники. – Ты споришь. А я только спрашиваю.

Нуми, конечно, это не понравилось.

– Мало – самое умное, самое доброе и самое что ни на есть существующее существо! Запомни это! И не смей обижать его!

– Да я и не хочу его обижать. Потому тебя и спрашиваю.

Нуми снова издала смешное пирранское восклицание, но прозвучало оно не очень гневно.

– Ты только мешаешь человеку поесть как следует! По правде говоря, я не так уж много знаю о Мало. С ним я не могу беседовать вот как сейчас с тобой. Это высшее существо, которое нам трудно понять. Будь у нас хоть сто мозгов.

– Но вы все же разговариваете?

– Разговариваем, – сердито воскликнула Нуми. Видимо, ее очень угнетало то, что она не может общаться с Мало так, как ей того бы хотелось. – Когда я ему говорю, он абсолютно все понимает, но когда начинаю расспрашивать о нем самом или о космосе, то ничего по могу понять. Просто у нас нет слов, нет понятий, чтобы все это передать. Он существует, движется и видит Вселенную совсем иначе, чем люди.

– Да, это понятно, – согласился Николай, где-то читавший, что в природе встречаются и такие существа. – Он, очевидно, представитель цивилизации совсем иного типа.

– Не знаю, какой цивилизации он представитель, знаю только легенду, которую рассказывают о нем на Пирре.

– А что это за легенда? – спросил Ники, осторожно присев на корточки возле котла с кашей. Голова Нуми плавала в метре от него.

– Буф-ф! Ладно, расскажу, хотя из-за этого мне придется вдвое дольше сидеть в каше. Слушай, невероятник!

Ники хотел было исправить ее, так как слово «невероятник» показалось ему довольно смешным, но любопытство взяло верх, и он промолчал, ожидая начала рассказа. Эта девочка умела рассказывать очень интересные истории. Он уже успел в этом убедиться.

В легенде рассказывалось об умнейших и добрейших существах, населявших Вселенную с незапамятных времен. Они были настолько древними, что, может быть, уже и вымерли, потому что никто никогда их не встречал. Эти существа создали Малогалоталотим, чтобы с его помощью охранять жизнь на других планетах. Ведь жизнь – это одно из самых ценных и самых редких явлений во Вселенной. Его так и окрестили – «Малогалоталотим», что означало «Спасаящий жизнь».

Эти малогалоталотимы сновали всюду во Вселенной, сообщая своим создателям о том, что происходит в космосе, и где жизни грозит исчезновение. И до сих пор возле каждой звезды, у планет, на которых есть хотя бы малейшее проявление жизни, пусть даже там живут одни микробы, летает по одному

малогалоталотиму, хотя люди не в состоянии его заметить – настолько велика скорость, с которой он летает, настолько велико расстояние, откуда он внимательно следит за ними своим всевидящим оком.

Давным-давно, много-много тысяч лет назад, один из малогалоталотимов, тот, что наблюдал за планетами нашей Солнечной системы, заметил, что жизни на Земле грозит опасность. Там должны были произойти мощнейшие землетрясения, после чего зарядили бы нескончаемые проливные дожди и начались опустошительные наводнения. Люди же все еще были беспомощными; они не могли ни предвидеть того, что ожидало Землю, ни спастись от этих бедствий. И тогда малогалоталотим вызвал на помощь сотни своих собратьев с тем, чтобы перенести как можно больше людей, животных и растений на другие, более спокойные планеты.

Так вот. С одного конца Земли вывезли группу людей во главе с человеком по имени Ной. Этим людей высадили на планету, получившую впоследствии название Ноя.

– Ага, – прервал ее Ники. – Я знаю. Это библейская легенда о потопе. И о Ное, который спасся со всем своим родом, построив ковчег. Я недавно читал, что некоторые ученые все еще разыскивают этот ковчег, а он, оказывается, вон где. Мы в нем сидим!

– Уж больно ты любишь перебивать да насмешничать, – недовольно произнесла Нуми, сморщив торчащий над поверхностью каши носик. – Я же не утверждаю, что все это правда. Я просто рассказываю тебе известную у нас на Пирре легенду о том, как мы туда попали. Но раз и у вас есть такая же легенда, значит, в ней есть хоть доля правды. Так вот, малогалоталотимы собрали со всех концов Земли представителей разных рас, чтобы ни одна из них не исчезла бесследно. Девкалион и его жена Пирра возглавляли людей, населявших нынешнюю Европу. Эту группу перенесли на планету другого Солнца, которую называли Пирра. Группу людей, называвших себя «халдеями», возглавил вождь Утнапиштим. Они заселились под третьим Солнцем. И так далее. Мой искусственный мозг знает еще кое-какие подробности, но сейчас это не важно. Главное, что эти малогалоталотимы действительно спасли многих людей от гибели. Вскоре после этого начались землетрясения, многие месяцы подряд шли проливные дожди и в конце концов уровень воды в океане поднялся настолько высоко, что вода залила всю планету. Так что если на Земле и осталась какая-нибудь жизнь, то только в океане...

А вот этому-то Нуми и не хотела поверить – что все люди на ее родной Земле погибли. Потому она заставила Мало доставить ее прежде всего на Землю.

– А вы вон как меня встретили, – печально заключила девочка с Пирры. – Я нарочно решила показаться вам именно на этой выставке. Думала, раз здесь соберутся дети, школьники, которые занимаются наукой и техникой, они скорее мне поверят. А что вышло? Хотя дети и не виноваты, – великодушно простила она друзей Ники. – Они действительно скорее могут поверить. Наверное, они бы поверили, будь я похожа на что-нибудь иное, а не на вас. Я ведь выгляжу совсем как земная девочка, да? – спросила она, словно ей очень хотелось, чтобы он подтвердил ее слова. – Ты же меня видел? Вот сейчас я выйду и ты сравни меня с ними!

– Нет, нет, что ты? – снова испуганно залопотал Ники. – Чего мне на тебя смотреть! Конечно, ты совсем как земная девочка. Разве что только с этими двумя мозгами... У нас нет девчонок с двумя мозгами. Вот безмозглых – сколько угодно.

– Разве такое бызает? – Нуми сначала не поняла его шутки, но тут же догадалась и, совсем как земная девчонка, надула губы. – Ты хочешь сказать, что они глупые? А я вот уверена, что у вас и безмозглых мальчишек ничуть не меньше.

Она стала выбираться из каши, и Ники быстренько повернулся к ней спиной, чтобы не смущать ее. Но экспериментальная девочка не чувствовала ни капельки смущения. Выбравшись из котла, она словно забыла, что еще недавно сердилась на него, и весело защебетала:

– Ох, как я наелась! Сейчас мне нужно немножко пообсохнуть. Залезай и ты. Ладно, не буду на тебя смотреть, раз не хочешь. Тем временем я принесу тебе скафандр.

– А если моя кожа не сможет пропускать пищу? – спросил Ники через плечо. Спросил просто так, чтобы хоть как-то скрыть смущение.

– Раз моя пропускает... У нас же общее происхождение!

– Мы произошли от обезьян.

– От каких обезьян?! – изумилась девочка. – Не может быть!

– Ну да... от каких-то обезьян. Еще точно не известно, какими они были. Они постепенно развивались и превратились в людей. Так, по крайней мере, мы учили в школе.

– Потому вы, наверное, и стыдитесь раздеваться перед другими людьми. – Нуми с планеты Пирра показала, что и у нее острый язычок. – Чтобы никто не увидел ваше сходство с обезьянами. Ладно, я пошла за скафандром, а ты ешь!

И покуда Николай силился придумать достойный ответ, она исчезла в резиновой стене. Даже фонарик оставила.

7

Когда сердце бьется сильнее.

Ники надевает скафандр,

но ему следует следить за своими мыслями

У Николая действительно уже давно сосало под ложечкой от голода и поэтому он решил рискнуть поесть столь необычным, просто фантастическим способом. Он прислушался, осмотрелся по сторонам и только тогда разделся. Осторожно ступил босыми ногами в кашу, но зайти поглубже побоялся и присел на корточки, погружившись по шею. Его обволокло нечто теплое и удивительно приятное, проникавшее, казалось, до самых костей. Ему даже почудилось, что он чувствует эту теплоту во рту. Залезая в котел, он намеревался только попробовать, что же это такое, и поскорее одеться, покуда Нуми не вернулась, но теперь ему не хотелось вылезать из каши. Его тело жадно впитывало это сладостное тепло и никак не могло насытиться.

Вернувшись, Нуми увидела, что его голова сонно покачивается над поверхностью каши и искренне обрадовалась.

– Ну как?

– Клево, – ответил он, быстро приходя в себя. Как же он теперь выйдет?

Нуми это слово было незнакомо, и она было протянула руку к кнопке искусственного мозга, но спросила в другом:

– А что значит «проваливай» и почему ты мне так говоришь?

Ники смутился.

– Ничего такого я не говорил.

– Ну да, ты ведь только что сказал про себя: «Проваливай, дура!»

Было бесполезно отрицать это – девочка действительно безошибочно читала его мысли.

– Просто у нас, земных мальчишек, такая манера разговаривать. Но это вовсе не обидно, ты не сердись. Ничуть не обидно. Почти ничуть, – осторожно добавил он. – Я хотел только тебе сказать, что мне неловко показываться перед тобой голым. У нас так не принято.

– Но я должна помочь тебе надеть скафандр. Ты один не справишься.

– Большое дело, скафандр! Раз плюнуть! Да и зачем мне его надевать, у меня своя одежда есть.

– Если Мало вздумает доставить нас на далекую планету, нам наверняка придется проходить через подпространство, и тогда скафандр просто необходим. Хорошенько смотри, я покажу тебе как это делается.

Нуми бросила на пол запасной скафандр и преспокойно принялась расстегивать свой. А Ники, вместо того, чтобы посмотреть и запоминать, как надевается скафандр, столь поспешно отвернулся от нее, что чуть было не подавился пахучей кашей. Чтобы скрыть смущение, он хрипло произнес:

– А что такое подпространство?

– Увидишь, – спокойно ответила ему Нуми. – Давай, вылезай уже. Я вернусь, раз ты боишься показать мне, что произошел от обезьяны. Ты видел, как его следует надевать?

– Видел, – соврал Ники. – Ты ведь не будешь поворачиваться?

Нуми засмеялась, но и вправду повернулась к нему спиной. Она не надела только перчатки, которые свисали из рукавов.

Николай потянулся было за своей одеждой, но тут увидел рядом с ней блестящий скафандр и не смог побороть искушение. Скафандр был похож на комбинезон из плотной, будто металлической ткани. Ноги Ники, хотя и мокрые, сравнительно легко вошли в штанины и странная ткань тут же плотно прилипла к ним. Он просунул руки в рукава, а вот со спинным «горбом», довольно-таки тяжелым, пришлось повозиться. Грудь и живот Николая остались открытыми, потому что он не нашел на скафандре ничего похожего на пуговицы или застёжки. Но в таком виде он уже смело мог обратиться к Нуми за помощью.

Нуми с веселым смехом обернулась к нему. Она схватила оба борта скафандра над его животом, потянула их, наложила один на другой и они прилипли друг к другу, словно застегнутые невидимой молнией или заклеенные лейкопластырем. Затем поднесла руки к его груди.

– Тесноват немного, но ничего. Слишком у тебя грудь широкая.

– Я туризмом занимаюсь, – задыхаясь, похвастался он.

– А что это такое? – спросила Нуми, но тут же, подобно многим земным девочкам, еще не дождавшись ответа, заговорила о другом: – А почему у тебя так сильно бьется сердце?

И она с прежней бесцеремонностью положила ладонь точно над сердцем, отчего оно, естественно, заколотилось еще сильнее, подскакивая, как консервная банка по булыжной мостовой.

– А что, у всех землян так бьется сердце?

– По-разному, – прохрипел Ники. – Иногда оно колотится сильнее, иногда слабее.

– И от чего это зависит?

– Ну... когда бежишь, например, оно бьется чаще. А иногда зависит от чувств.

– Так у тебя сейчас чувства? – спросила она вполне резонно, потому что не видела, чтобы он бежал. – И что ты сейчас чувствуешь?

Ники оттолкнул ее руку.

– Слушай, какой из твоих мозгов задает такие глупые вопросы?

Он ухватился за борта скафандра и в ярости так потянул их, что тут же застегнул.

– Вот видишь. Я и сам могу справиться.

– Но почему я не должна тебе задавать вопросов, Ники? Я ведь еще очень многого не знаю о людях Земли. Вся моя информация из радиопередач. Да и что это за передачи... одна музыка. Да, кстати, нашла твой портфель. Потом я покажу тебе, как обращаться со шлемом, а ты мне покажешь, что у тебя в портфеле. Хорошо?

Прежде чем согласиться на это, Николай перебрал в уме, что у него может быть в портфеле такого, чего нельзя показывать девчонкам. Кажется, на этот раз ничего такого там не было.

Скафандр превратил его в красивого космонавта. Ну, а если надеть еще и шлем... Да, игра становилась все более интересной. Пусть даже ему запишут сегодня в классный журнал несколько прогулов – игра того стоила. К тому же не так уж много уроков он прогулял, чтобы ему могли снизить оценку за поведение. Конечно, классная не преминет заявить: «Николай, ты снова решил оправдать свое прозвище? Не стоит так уж усердствовать, мы тебе верим!» А весь класс будет злорадно хихикать. Ничего, посмотрим, что они скажут, когда он поведает им о своих приключениях. Небось языки проглотят...

– А разве можно проглотить свой собственный язык? – удивленно спросила его Нуми с планеты Пирра.

– Слушай, – угрожающе напомнил он ей. – Ты ведь обещала не включать свой искусственный мозг?

– Не буду, не буду, – покорно произнесла она и поспешно протянула руку к уху.

Ники тем не менее не был вполне уверен, что она выключила свой удивительный мозг, и сказал себе, что впредь ему надо следить за своими мыслями. От этого настроение у него резко испортилось.

Посудите сами, разве может быть что-нибудь неприятнее чувства, что кто-то непрестанно читает твои мысли. Что же тогда останется от свободы человека, и без того ничтожной, если ему и в мыслях нужно следить за собой, как он должен следить за собой в школе или на улице: не попасться бы на глаза классной или директору, не толкнуть бы кого случайно, не перейти дорогу на красный свет. А так по крайней мере хоть в мыслях своих человек может переходить улицу при каком угодно свете и толкать кого угодно и что угодно. А что может быть лучше?

8

На одних таблетках не проживешь.

Чья цивилизация выше.

Нужно уважать вкусы других

Устройство шлема показалось Ники куда сложнее, чем устройство скафандра, хотя и о нем он не знал ровным счетом ничего. Лишь гораздо позднее он узнал, каким замечательным изобретением был скафандр.

Прямо у рта торчали четыре трубочки, которые при необходимости можно было приводить в действие языком. Через первую и вторую прямо в рот подавались лекарства – из одной обезболивающие и для повышения тонуса, из

второй – против заразных болезней и для снятия температуры. Из третьей поступала вода, а из четвертой – пища в виде таблеток. Кроме того, в племе был предусмотрен уловитель наружных шумов и передатчик, настроенный на волну скафандров, производившихся на Пирре.

– Можно я попробую эти таблетки? – спросил Ники, убедившись, что третья трубочка действительно впрыскивала в рот самую настоящую, хотя и несколько сладковатую воду.

– Неужели ты все еще голоден? – с изумлением спросила Нуми. – Не может быть! В твоём теле сейчас есть все необходимые питательные вещества.

– Кто его знает, что там есть, – ответил Ники. – Желудок у меня пустой.

– Подожди минутку, я подумаю!

Нуми нажала пальцем на кнопку за ухом и сосредоточенно замолчала. Очевидно, она спрашивала свой искусственный мозг, что это за странное явление. Ники в свою очередь постарался в это время ни о чем плохом не думать.

Через несколько секунд Нуми отняла руку от головы и открыла большую блестящую коробку, которую на выставке выдавала за переводческий аппарат. Она была наполнена разными блестящими металлическими предметами. Нуми развинтила одну из капсул и вытряхнула из нее на ладонь крошечную таблетку.

– Вот, проглоти это. Не трать те, что в скафандре. Они нам понадобятся, когда мы выйдем на какой-нибудь планете. Глотай. Только предупреждаю, что больше одной таблетки на... ну скажем, сто часов по-вашему, я тебе не дам. Мы должны беречь их, теперь-то нас двое.

Ники показалось, что скафандр его наполнился муравьями, которые вдруг забежали по телу, – это у него от страха поползли по телу мурашки. Хотя и любой землянин на его месте похолодел бы от ужаса, предложи ему кто-нибудь вместо нормальной еды давать раз в... сто часов – это же почти целых пять дней! – какую-то таблетку.

– Но я просто умру!

Экспериментальная девочка была неумолима:

– Не умрешь. Я проконсультировалась с искусственным мозгом. Просто твой желудок привык к большим количествам еды. А иначе в клетках твоего тела недостаточно питательных веществ. Ну давай, глотай!

– А может это...

– Как ты можешь такое обо мне подумать! – с искренним возмущением воскликнула девочка, и он поспешил проглотить таблетку.

Проглотил и принялся ждать. Через некоторое время он вдруг почувствовал, что его желудок чем-то наполнился. Ощущение было знакомым: когда-то его кишечник просвечивали рентгеном и тогда заставили перед процедурой выпить какую-то кашу. Однако от голода, кошками царапавшего у него в желудке, не осталось и следа.

– Ну что, все еще голоден?

Ники прислушался к желудку, так же как она прислушивалась к своему мозгу. Потом робко ответил:

– Нет, но только рот мой все еще просит еды.

– Буф-ф! – воскликнула пирранская девочка. – Где я тебе найду еду для рта?

Ники протянул руку к куртке, которая совсем уже высохла. Он вспомнил, что положил в карман несколько жевательных резинок. Нуми, которая не поняла его намерений, остановила его.

– Не надевай свою одежду. Может, нам придется проходить подпространство.

Он снисходительно ухмыльнулся, но уже не так уверенно, как раньше, потому что многие из чудес, о которых она рассказывала, выглядели совсем реальными.

– А там, в подпространстве, жвачку жевать можно?

– Что – жевать?

Он протянул ей пластинку в красивой обертке.

– Только сначала разверни! А то как я на тебя смотрю, ты запросто с фольгой ее сжуешь!

– Но я ничего не хочу жевать!

– Попробуй. Я же попробовал твоих таблеток. Это, по крайней мере, вкусная штука.

Нуми с опаской сняла обертку, осмотрела пластинку, понюхала ее и осторожно положила на язык. Пару раз сжала зубами и тут же выплюнула в пригоршню.

– Какая гадость! – Земной мальчик обиделся.

– Больно разбираются твои мозги в жвачках!

– На, возьми ее, раз уж она такая драгоценная. Мы на Пирре привыкли уважать вкусы других. Извини, что я так сказала. У меня это вырвалось невольно.

Ники завернул жвачку в мятую фольгу. Ничего, надо ее только вымыть и она еще сгодится. И чтобы показать Нуми, как следует жевать резинку, он энергично задвигал челюстями.

Через несколько секунд резинка была уже достаточно мягкой. Тогда он тщательно разгладил ее языком за зубами, вытянул губы и осторожно подул. На губах у него вздулся маленький белый пузырь, который тут же начал расти.

– Что это? – изумленно воскликнула пирранская девочка.

Ники чувствовал себя на вершине счастья. Никогда еще ему не удавалось выдуть такой большой пузырь. Однако больше рисковать не стоило, и он языком собрал его обратно в рот. И только, когда жвачка опять превратилась в маленький шарик, ответил:

– Ваша цивилизация может делать такие штуки?

– Нет, – сокрушенно призналась маленькая пирранка.

– Что, выкусила?! Так что нечего тут из себя строить!

– Что – нечего?..

– Буф-ф, – с насмешкой повторил он ее восклицание. – Строить из себя, форсить, фасонить, выпендриваться. . .

– Ничего не понимаю, Ники! Я включу свой мозг.

– Не надо! Я просто хотел тебе показать, что и мне непонятно многое из того, что ты говоришь.

– Но почему ты не позволяешь мне включить мозг? С его помощью я понимаю тебя гораздо лучше, нежели просто так.

– Неприлично читать чужие мысли.

– Неприлично думать о неприличном, – возразила Нуми, но затем согласилась с ним. – Значит, тебя это пугает? Знаешь, других это тоже пугает. Но я не виновата в этом, поверь мне! Папа, наверное, тоже не знал, что когда работают оба мозга, я могу читать мысли. Да, но если бы не этот искусственный мозг, мы бы тогда просто погибли, и я никогда бы с тобой не встретилась.

Похоже, Нуми действительно радовалась тому, что встретила его. Когда она на него смотрела, глаза ее, казалось, искрились радостью.

Внезапно с присущим ей простодушием она заметила:

– Знаешь, ты очень красивый мальчик, но когда не переставая жуешь эту свою жвачку, становишься некрасивым. А кроме того, у тебя какая-то грязь под носом.

От неожиданности Ники чуть было не поперхнулся. Он поспешно вытер рукой верхнюю губу и, пока тер, ловко выплюнул резинку в пригоршню, потом вроде как машинально почесал за ухом, незаметно прилепив там жвачку. Одно из главных достоинств жвачек в том, что они прочно прилипают к чему угодно. Потом Ники вытащил из кармана куртки носовой платок, поплевал на него и стал энергично тереть им нос и рот.

– Не помогает, – сказала Нуми, с досадной озабоченностью вглядываясь в его лицо. – Ничего, я попрошу Мало посадить нас на какую-нибудь планету, где есть вода, и ты помоешься. Да ты не волнуйся, это не так уж тебя портит.

Эти слова снова вогнали Ники в краску. Чтобы скрыть смущение, он склонился над портфелем и, вытащив оттуда один из учебников, не глядя протянул его Нуми.

Девочка с жадностью начала перелистывать книгу, но тут же попросила у него разрешения включить искусственный мозг, чтобы быстрее все усвоить. Николай согласился, и она углубилась в чтение. Он же все это время изо всех сил старался не думать ни о чем неприличном и чем больше напрягался, тем труднее ему это удавалось. Да и кто знает, что считается приличным, что – неприличным на неизвестной ему Пирре.

– Здесь многое неверно, – вздохнула через некоторое время экспериментальная девочка.

Николай заглянул ей через плечо и увидел, что это был учебник по физике.

– Чур, не обижать друг друга! Если хочешь знать, каждая цивилизация имеет право на свои истины и каждая по-своему права.

– Да, но должны же существовать и некоторые всеобщие истины? А тут, где описывается строение материи и звезд, большинство сведений неверны. Да к тому же материя всюду одинакова, и на Пирре, и на Земле, и повсюду.

– Я, конечно, извиняюсь, – с иронией произнес Ники, – но если я прочту в вашем учебнике, что пишется о материи, и потом выложу все это на экзамене, учительница вlepит мне такую жирную пару! Все в мире относительно, как сказал один великий ученый.

– Да, это так, – согласилась девочка с Пирры и продолжила внимательно рассматривать остальные учебники.

Николай Буяновский не пылал особой любовью к тому, что писалось в учебниках, но ее критическое отношение к ним ему тоже не понравилось.

– Да-а-а, – мудро заключила Нуми. – Действительно, людям наших планет необходимо встретиться и обсудить некоторые вещи. Слишком много разногласий в наших представлениях.

– А потом появятся еще какие-нибудь инопланетяне и скажут: «Какие же вы все тупицы!»

Нуми засмеялась.

– Правда! С этими цивилизациями одна путаница. Похоже, им лучше вообще не встречаться, а?

– Ну, я не хотел этого сказать, – запротестовал Ники. – Мы же с тобой находим общий язык! Скажи-ка лучше Мало, чтобы он доставил нас на какую-нибудь другую планету, посмотрим, что из этого получится!

– Тебе правда этого хочется? – засияла девочка. – И ты уже мне веришь?

– Конечно, – весело заявил он. – Раз уж мы в космосе, так давай сделаем какое-нибудь полезное дело.

Лицо экспериментальной девочки приняло сосредоточенное выражение, посерьезнело и даже как-то погрузтело, потом снова засияло.

– Он согласен. Я чувствую, что он согласен.

С этими словами она протянула руку к очередному учебнику. Это был учебник математики. Земные ученые утверждают, что математические законы всюду одинаковы, и переговоры с другими цивилизациями нужно вести на языке математики. Однако Николай Буяновский только настороженно прикусил губу.

9

Один дабел весит, сколько две лацы.

Какие где задают вопросы

Но вместо того, чтобы углубиться в математику, девочка с Пирры, которая снова что-то прочла в его мыслях, улыбнулась ему и сказала:

– Тебе нечего бояться.

– Это я-то боюсь! – встрепенулся Ники. – Ты меня еще не знаешь!

– Что верно то верно, не знаю. Но раз ты так смело вошел в Мало, значит, храбрости тебе не занимать. Я люблю только смелых. И умных. А ты – умный? – снова задала она один из своих неудобных вопросов.

Каждый считает себя умным, но если спросить его об этом вот так напрямик, непременно смутится. «Будь я умнее, никогда бы не попался на твою удочку!» – подумал про себя Ники, лихорадочно соображая, что бы ей ответить.

– А что такое «удочка»? – спросила Нуми.

– Палка с веревкой и крючком на конце, с помощью которой ловят рыбу, – машинально ответил он ей и только тут сообразил, что слово «удочка» он произнес мысленно. И, не сдержавшись, яростно рявкнул:

– Да выключишь ли ты его наконец!

Нуми испуганно поднесла руку к уху. В глазах у нее появились слезы.

– Ну вот. Снова я тебя напугала! Пожалуйста, Ники, не думай плохо обо мне! Я его включаю вовсе не для того, чтобы шутки шутить. С таким мозгом играть нельзя. Думаешь, мне легко. Иногда я ощущаю в голове такую тяжесть, ужасную тяжесть!.. – произнесла она, всхлипывая. – Совсем невесело быть экспериментальной! Люди сторонятся тебя, боятся, и ты всегда одна-одинешенька. Будто, кроме тебя, никого в мире нет и тебе не с кем поиграть...

– Но я же с тобой! – с чувством воскликнул Николай, потрясенный ее бедой.

– Ты тоже меня боишься.

– Уже не боюсь. Честнее слово!

– Правда? – слезы тотчас же высохли и глаза ее засияли. – Спасибо тебе! А я видишь, какая плохая – захотела проверить, умный ты или нет.

Ники засмеялся, всем своим видом показывая, что это ему нипочем.

– И как бы ты это проверила?

– Хочешь, я задам тебе одну загадку? Она совсем легкая.

Ники всю старался показать, что он ничего не боится. А, признаться, струхнул он порядком. Да и как тут не струхнуть, когда в следующий миг вдруг окажется, что ты глуп. Страшновато! Куда лучше без всяких проверок считаться умным.

– А ты потом не съешь меня? – сдавленно хохотнул Ники.

– Съем?! – девочка с Пирры изумленно уставилась на него.

– Ну да. У нас на Земле рассказывают легенду о существе, которое звалось Сфинксом. Крылатый лев с человеческой головой. Сфинкс задавал людям загадки и того, кто не мог правильно ответить, разрывал на месте.

– Буф-ф, какая жестокость! – возмутилась Нуми. – А какую загадку он загадывал?

– Кто ходит утром на четырех ногах, днем – на двух, а вечером – на трех?

– Интересная загадка, – задумчиво произнесла Нуми и уже в следующий миг спросила: – А это не человек? На заре жизни ползающий ребенок, взрослый в середине пути и, наконец, старик с палкой на закате жизни?

– Ну-у! – теперь уже Ники изумился. – Ты это что, своим искусственным?..

– Нет, собственным!

– Молодец! – похвалил он ее, но тут же ему стало не по себе от ее столь молниеносной сообразительности. – А то бы я – как проголодался – вмиг тебя проглотил!

– Ты снова голоден? – с беспокойством спросила девочка.

– Нет, шучу, конечно, – ответил он, хотя действительно был непрочь чего-нибудь пожевать. Жвачку хотя бы! – Ладно, давай свою загадку!

– Эту загадку мне задали одной из первых, когда присадили искусственный мозг. В качестве эксперимента. Сначала я должна была решить ее с помощью моего собственного мозга, но не смогла, а как только включила второй, тут же решила. Слушай! Один глоф и две мулфы весят, сколько один дабел и четыре лаци. В свою очередь, один дабел весит столько же, сколько два лаци. Один глоф и три лаци весят вместе, сколько один дабел, две мулфы и шесть крак. Один глоф весит, сколько два дабела. Спрашивается, сколько крак нужно добавить к одной мулфе, чтобы получить вес двух дабелов и одного лаци?

Ники ошарашенно вслушивался в незнакомые слова. Увидев, что он совсем пал духом, Нуми ободряюще улыбнулась ему.

– Это очень легко.

– Но это никакая не загадка, а задача.

– Задача? Ты сможешь ее решить?

– Что это за краки-мраки?

– Ни о каких мраках я не говорила. Слушай еще раз.

– Но я не знаю, что это такое!

– Как не знаешь? Не знаешь, что такое мулфы и краки? – с удивлением спросила она и только теперь догадалась: – Буф-ф! Совсем забыла, что ты с другой планеты. У вас, кажется, действительно нет ни мулф, ни крак. Да и дабелов я вроде не видела.

Ники рассердился.

– Послушай, хватит ваньку валять!

– Че-го валять?.. – она смотрела на него с озадаченным видом, и он понял, что ей точно так же не известно, что значит «валять ваньку», как и он не имел представления обо всех этих краках, лаци, глофах и дабелах.

Он задумался, боясь, как бы ее не обидеть, потом храбро заявил:

– Впрочем, это не имеет никакого значения. Математика – вещь универсальная. Ну-ка, повтори свою задачу, только помедленнее! Я могу записать?

Примечание:

На этом месте автор книги хотел было прервать повествование и выслать остальную его часть только тем читателям, которые правильно решат задачу девочки с Пирры. Издательство решительно воспротивилось этому. Автор, быть может, и считает себя каким-нибудь Сфинксом, но он тем не менее земной автор, и в таком случае не имеет права пользоваться инопланетными загадками. Исходя из этих соображений, издательство настоятельно потребовало, чтобы автор продолжил свой рассказ.

От издательства

Итак, Николай Буяновский достал из портфеля черновую тетрадь, или, как он ее окрестил, тетрадь по всевозможнoзнанию, и ручку, а Нуми медленно принялась диктовать ему вес всех этих таинственных дабелов, мулф, лацы и крак. И когда он, записав все по порядку и поменяв в уме кое-что местами, составил несколько коротеньких уравнений, а потом, вдруг догадавшись, привел вес всех данных к весу таких же загадочных существ, ответ, казалось, получился сам собой. Задача была логическая, а по этой части Ники Буян был бог и царь.

– Восемь, – уверенно сообщил он. – К этой твоей мулфе надо прибавить восемь крак.

– Замечательно, – выдохнула Нуми с такой неподдельной радостью, будто она сама выдержала очень трудный экзамен. – Ты действительно умный.

Эти слова смутили Ники еще больше, чем сама задача.

– Пустяки! Детская задачка!

– Но я не смогла решить ее без помощи искусственного мозга.

– Так и я на «элке» могу решать куда более сложные задачи и гораздо быстрее.

– Что такое «элка»?

– Электронный калькулятор – сокращенно «элка». Вот такая маленькая штучка, – Ники показал ей свою ладонь. – Мой папа – инженер и он научил меня, как с ним обращаться.

– Значит и у вас конструируют искусственные мозги?

– А ты как думала! Конечно, – похвастался он от имени земной цивилизации. – Только мы не засовываем их себе в головы.

Но уже в следующую минуту ему пришлось испытать стыд за земную цивилизацию, потому что Нуми вытащила из портфеля альбом Даниэлы, который он вот уже месяц таскал с собой, но так и не придумал, что бы туда записать на память. Возможно, ему мешали насмешливые шуточки одноклассников насчет того, что Даниэла дескать влюблена в него. Он поспешно объяснил:

– Это не мое. Одной девчонки из нашего класса.

– Ее Даниэла зовут? – Нуми прочитала имя на обложке альбома. – Красивое имя. Раз это чужое, значит, мне не следует его читать, да? А мне так хочется побольше узнать о земных девочках.

– Да ты ничего из него и не узнаешь. Она написала вопросы, а другие будут на них отвечать и напишут ей что-нибудь на память. Разные глупости, конечно.

Обложка и первая страница альбома были обклеены вырезками из журналов: рекламами легковых автомобилей, сигарет, ювелирных украшений, фотографиями кинозвезд. Нуми все эти вещи показались странными и чудноватыми, но, может быть, поэтому понравились ей.

– А что это за вопросы? – спросила девочка с. Пирры, перевернув страницу.

Там стояло заглавие «Лексикон». Ниже шел долгий перечень вопросов, на которые должен был ответить каждый, прежде чем вписать в альбом свое посвящение. Вообще-то слово «лексикон» означает совсем другое и большинство детей это знали, но вопреки всему, называли так свои вопросники, следуя какой-то необъяснимой моде.

Первый вопрос непременно касался имени, даты рождения и класса, однако и большинство остальных вопросов были одинаковыми почти во всех таких альбомах.

– С помощью этих вопросов хозяин альбома хочет побольше узнать о своих одноклассниках или одноклассницах, – пояснил Николай.

Нуми стала читать вопросы. «Какой марки ваш автомобиль?», «Есть ли у вас музыкальная установка и какой марки?», «Джинсы какой марки вы предпочитаете носить?», «Были ли вы за границей?», «Виски какой марки вы любите?», «Какую марку жевательной резинки...»

Из всего этого Ники мог бы ответить единственно на вопрос о жевательной резинке. У него пока еще не было настоящих джинсов, и, сожалея об этом, а отчасти и досадуя, он до сих пор не заполнил отведенное для него место.

– Разве это самые важные вещи для людей Земли? – спросила девочка.

– Совсем даже не важные.

– Тогда почему она только об этом и спрашивает? Если бы я хотела узнать побольше о каком-нибудь человеке, я бы его спросила о другом...

Неизвестно отчего теперь пришла очередь Ники затаить дыхание, точно так же, как сделала недавно она, когда проверяла, справится ли он с задачей.

– Я, например, спросила бы этого человека, – задумчиво продолжила Нуми, – в какое время дня он больше всего любит наблюдать Солнце? На заре или на закате? Я бы спросила: чего он больше всего боится? Что его может обрадовать? Я бы спросила его о том, что ему необходимо более всего? И какое слово ему больше всего нравится. А еще я бы спросила, на что он способен ради другого человека – самый лучший и самый плохой поступок... И так далее.

– И я бы спросил его о том же, – с готовностью откликнулся Ники. И он не кривил душой. Хотя раньше ему не приходили в голову подобные вопросы, но, услышав их, он искренне поверил, что если бы решил завести себе альбом, то вписал бы в него именно такие вопросы, а не о разных там марках автомобилей и виски...

Нуми смотрела на него искрящимися от радости глазами и он вдруг заметил, что она не только умнее Даниэлы, но и красивее ее. А сделав это открытие, почему-то покраснел.

Похоже, что и ей захотелось увидеть его более красивым, потому что она внезапно решила:

– Я попрошу Мало прежде всего найти где-нибудь воду. Не можем же мы явиться перед представителями иной цивилизации с немывтыми физиономиями.

И она поднесла палец к уху.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Трудно увидеть невидимую дыру,
особенно когда ее вообще не существует.
Закон Пирры

Да, он не мог не признать: эта девочка умела придумывать интересные игры! Сейчас вот, например, они вроде как пройдут через подпространство, чтобы скорее достичь нужной им солнечной системы.

– А переход под ним есть? – спросил сын инженера. – Кто его построил?

– Поверь мне, это отнюдь не безопасное дело, – серьезно предупредила его девочка. – Это настоящая смерть. Делай как я, иначе можешь вообще никогда не ожить.

И прежде чем он успел что-либо возразить, она нахлобучила ему на голову шлем, застегнула что-то на шее, потом ощупала весь его скафандр и только тогда занялась своим. Готовый к новым забавным приключениям, Ники корчил ей гримасы за стеклом шлема.

Сейчас ему дышалось легче, воздух в шлеме казался свежее и прохладнее, чем в чреве Мало. Нуми сообщила ему, что в ранце скафандра содержится огромное количество кислорода в неизвестном для землян сверхплотном состоянии.

– Ложись ничком! – внезапно прогремел у него в ушах ее голос, отчего Ники даже вздрогнул. – Не дыши!

Сама она уже лежала на полу и яростно тянула его вниз. Довольный шлемом и кислородом, которые превращали игру в настоящее приключение, Николай весело шлепнулся подле нее, и хорошо, что сделал это не особенно мешкая, потому что в следующий миг какая-то чудовищная тяжесть обрушилась на него. Останься он стоять еще немного, она бы распластала его на полу, как почтовую марку. У него было такое чувство, что на него свалился по меньшей мере четырехстворчатый шкаф.

Его тело вжалось в обмякший пол. Кровь отлила к ногам, которые стали тяжелыми и твердыми, будто были сделаны из железа – вот-вот оторвутся и полетят куда-то вниз! Сердце остановилось, а в ушах будто взревели одновременно десять мотоциклов без глушителей. Потом все внезапно исчезло – и ноги, и сердце, и голова, и ревущие мотоциклы. Будто он по-настоящему умер.

Вряд ли кто-нибудь знает, сколько длится смерть! Если умершего оживить, то только кто-нибудь другой может сказать ему, сколько длилось его состояние смерти. Может подтвердить ему, показав часы или свежую газету. Однако все это не даст воскресшему ощущение минувшего времени. Потому что там, где царит смерть, время останавливается. И наоборот. Выходит, смерть преспокойно можно было бы назвать и другим словом – например, «безвремение», по крайней мере, оно звучит не так ужасно.

Когда Ники ожил, он просто не помнил, что с ним случилось. Сначала его сердце сделало несколько робких ударов, чем ознаменовало возвратившееся к нему течение времени. Его сознание отметило еще несколько слабых толчков и встревожилось этой слабостью. И только тогда в нем возникло ощущение, что с

ним случилось нечто невероятное. Однако он не мог понять, что именно. Тогда он сказал себе: «Убили! Я умер!» Это было единственное, что он мог подумать. Но раз мозг думает, значит, он жив. Однако мозг Николая не мог этого знать и не посмел приказать ему открыть глаза и посмотреть, куда попадают после смерти мальчишки по прозвищу Буян. Вправду ли в ад, которым частенько пугала Ники его набожная бабка.

Он открыл глаза только тогда, когда Нуми принялась стаскивать с его головы шлем. Перед глазами у него шли круги, а затылок сверлила тупая боль.

– Ты жив! – радостно кричала Нуми откуда-то издалека, хотя лицо ее было совсем рядом. – Правда, было страшно? Особенно страшно, когда это в первый раз. Но я тоже виновата. Забыла тебе сказать, чтобы ты хлебнул немного лекарства. Тогда бы легче перенес. Как ты себя чувствуешь?

– Какдохлая кошка, – ответил ей Николай Буяновский, который, как видно, снова воскрес в образе Ники Буяна.

– Не поняла. Как она себя чувствует?

– Откуда мне знать! Я никогда не был кошкой!

– Ну, раз ты способен шутить, значит, с тобой все в порядке! Пошли посмотрим, к какой звезде мы прилетели.

Он криво улыбнулся.

– Постой, дай дух перевести! Что же произошло?

– Мы прошли через подпространство. Иначе мы и за сотни лет не достигли бы далеких звезд, даже если бы летели с наибольшей скоростью.

– Как же это происходит? – с прежней недоверчивостью спросил Ники. – Уж где я только не пробирался! Даже по трубам теплофикации, но чтобы такое...

– Я не знаю, как это совершается. Да и никто не знает. Мой искусственный мозг утверждает, что, вероятно, так можно пролететь через «черные дыры» и молниеносно выйти на другом конце Галактики близ какой-нибудь из звезд, откуда вытекает межзвездное вещество. Но все это фантазии пирранцев. Они даже близко не видели этих «черных дыр». Я вот другое думаю. Там, где нет пространства, нет и времени. А раз мы были в подпространстве, значит, были как бы вне времени. Или же оно было мертвым для нас. Равно как для покойника время останавливается, хотя наверху оно продолжает течь.

На Земле Ники тоже доводилось читать разные фантастические предположения о «черных дырах» в космосе. Одни ученые говорят, что эти дыры не что иное как сжавшиеся звезды, сила притяжения которых настолько велика, что она как бы «запирает» их излучение. Потому они невидимы. Другие же утверждают, что эти сжавшиеся до бесконечности звезды становятся настолько тяжелыми, что могут пробить пространство. И через эти вот дыры и вытекает межзвездное вещество. Однако никто из землян никогда не видел таинственных дыр. Даже в самые большие телескопы. Потому как трудно увидеть то, что невидимо. Особенно если его вообще не существует.

– А почему ты не спросишь об этом Мало?

– Как же, я его спрашивала, только ничего не поняла. Я ведь говорила тебе, что он совсем по-другому воспринимает мир и по-другому называет эти понятия, а у нас просто нет для этого слов. А еще он мне сказал, что только через несколько столетий, и то, если развитие наше будет безошибочным, мы начнем понимать его. Когда накопим побольше верных слов об истинах мира.

Ники не знал, кто это говорит: она сама, или ее искусственный мозг, но слова эти показались ему настолько умными, что на секунду он даже испытал

нечто вроде преклонения перед ней. Как здорово она сказала: «Когда мы накопим побольше верных слов об истинах мира!»

Даже с двумя мозгами, напичканными знаниями, девочка с Пирры ко всему прочему была еще и ребенком, а потому она, весело дернув его за рукав, снова потащила куда-то по мягкой утробе Мало.

Они снова очутились в зрачке Мало, этом волшебном окне в космос, но на сей раз он не стал демонстрировать им разноцветный звездный туннель, как раньше. В середине его сияла одна-единственная большая звезда. Другие ее далекие сестры сверкали на бархатисто-черном фоне, словно маленькие алмазы, обрамляющие центральный крупный камень в перстне. Звезда все больше увеличивалась, блеск ее становился нестерпимым. Им показалось, что она накаляется. Вот она уже ярко-оранжевая. Вскоре на нее нельзя будет смотреть.

– Как бы нам не налететь на нее, – прошептал Ники. – Сгорим ведь.

– Мало бережет не только нас, но и себя тоже, – ответила Нуми.

И словно в подтверждение ее слов, страшная звезда вдруг исчезла с круглого экрана-зрачка, в нем снова вспыхнули бледные искорки далеких светил, среди которых выделялась белая звезда размером с шарик для пинг-понга.

– Планета! – воскликнул Ники. Он так разволновался, что не удержался и незаметно отлепил жвачку и, засунув ее в рот, стиснул зубы. Это подействовало успокоительно.

Шарик для пинг-понга постепенно превращался в теннисный мяч. Даже на малой скорости Малогалоталотим, похоже, летел в тысячу раз быстрее земных ракет. Когда теннисный мяч вырос до размеров футбольного, окрашенного в темные и светлые пятна, Нуми тоже прошептала.

– Красивая!

Ники хотел было с ней согласиться, но мальчишеское упрямство заставило его сказать совсем другое.

– А что если она для нас не подходит? Вдруг там нет воды или воздуха?

– Раз Мало ее выбрал, значит, подходит.

– Ха, да как он может определить это с такой дали?

– Не беспокойся, может. Он умнее всех цивилизаций взятых вместе, – снова похвалила своего спасителя Нуми.

– Раз уж пляшет под твою дудку, точно... – Вставил Ники, стараясь жевать беззвучно, чтобы его не услышала девочка, сжавшаяся в клубок рядом с ним.

– Что значит «пляшет под дудку»?

– Я хочу сказать, что он не настолько умен, раз позволяет управлять собой твоим двадцати мозгам.

– Буф-ф, до чего же ты несносный! Снова подумал что-то нехорошее.

– Ничего подобного, это просто шутка такая есть на Земле, – спохватился Ники, вдруг подумав, что она могла в темноте незаметно включить свой второй мозг, так же как он засунул в рот жвачку. И мысленно задолдонил: «Ты чудесная девочка! Ты умная, ты очень умная...»

Однако Нуми никак не реагировала на это. Похоже, она сдержала свое слово и не подслушивала его мысли.

– Мало настолько умен, что все наши поступки наверняка кажутся ему ужасной глупостью. Просто он относится ко всему живому с бесконечной добротой, – сказала Нуми. – Он, например, никогда не впустит в себя или не выпустит человека с оружием. И сам никому не причинит зла.

Любитель поспорить, Ники ухватился за ее слова и с ехидным злорадством произнес:

– Значит, твой Малогалоталотим неисправный – у меня в кармане нож!

– Какой нож?! Им можно убить? – встревоженно спросила Нуми.

– Кого угодно, – горделиво заявил Ники Буян, хотя его крошечным перочинным ножом вряд ли можно было заколоть что-нибудь, больше воробья. – Кого угодно! Кроме жирафа.

– А кто это – жираф? Он настолько силен?

– Нет, просто для того, чтобы его убить, ножа мало, нужна еще и лестница.

Нуми снова не поняла его шутки. Но и на Земле девчонки обычно редко понимают шутки мальчиков.

– Ты должен его выбросить, когда сойдем на планету! Или оставить здесь.

– Ты с ума сошла, – возмутился Ники. – Разве можно выходить на чужую планету без оружия?!

– У нас на Пирре есть суровый закон, – назидательно и строго произнесла Нуми. – И раз ты отправился со мной, будешь этот закон соблюдать. А он гласит: человек не должен поступать в отношении других существ в природе так, как не хотел бы, чтобы эти существа поступали в отношении его.

– А другим существам известен этот ваш закон? – скептически заметил Ники. – Представь себе, что они не слышали о нем и нападут на тебя?

– Во-первых, ты должен сделать все возможное, чтобы найти с ними общий язык. Если тебе это не удастся, постарайся убежать. Потому что это ты вмешиваешься, а не они.

– А если они бегают быстрее тебя?

– Если быстрее... – Нуми смешалась. – Не знаю. Но так гласит закон. Закон запрещает убивать живые существа других миров.

– И со многими такими существами вы, пирранцы, встречались?

– Мы не встречались с ними. Наши космолеты пока еще не в состоянии отнести нас к другим звездам. А на планетах вокруг нас живут одни пирранцы.

Ники победоносно засмеялся, прижимая языком жвачку, чтобы ненароком не проглотить ее. От этого его смех прозвучал как-то особенно странно, словно смех какого-то инопланетного существа. Если вы слышали, как смеются такие существа, вам легко будет это представить.

Нуми разозлилась.

– Чего хохочешь? Может быть, вы, земляне, их встречали?! Я же видела, когда кружила вокруг Земли, что представляют собой ваши жалкие космолеты! А пирранцы, кстати говоря, уже заселили все планеты своего Солнца.

Если это было правдой, то ее сопланетники действительно заслуживали уважения, но Ники не сдавался.

– Мы на Земле тоже давно боремся за мир и тоже всякие законы придумали, но если тебе повстречается тигр или, скажем, медведь-гризли, то как бы ты ни пытался найти с ними общий язык, без оружия твое дело табак.

– У нас тоже есть дикие звери.

– И вы нашли с ними общий язык, да?

– Они просто знают, что человек никогда не причинит им зла и поэтому не нападают на него. Ясное дело, бывает, что они рассвирепеют из-за чего-нибудь... Но для таких случаев у нас есть специальные флакончики. Прыснешь из него на зверя и тот сразу же засыпает. Не надолго, но у тебя есть достаточно времени, чтобы спокойно уйти.

– А разве это не оружие? – с торжествующим видом спросил Ники.

– Оно не убивает, оно совсем безвредное. Раз Мало позволил мне с ним выйти на Землю, значит, он не считает его оружием. У тебя в кармане тоже есть такой флакон.

Ники тут же протянул руку к карману скафандра, где он что-то нащупал, но оказалось, что оба кармана были зашиты. Нуми, похоже, и без помощи искусственного мозга – по одному его нетерпению – поняла, что он хотел, но жестом остановила его.

– Подожди! Потом я тебе все покажу.

Глаз Мало приближался к какой-то желтой поверхности, которая бешено кружилась, но потом внезапно застыла, превратившись в сухую однообразную равнину.

2

Есть ли в космосе туалеты.
Ники ошибается. Затем он
вооружается

Они побежали назад за шлемами. Побежали, конечно, сказано неточно, потому что человек, какую бы цивилизацию он ни представлял, может бежать только на двух ногах, а не на четырех. Однако в космосе все скорости относительны, как утверждают земные ученые. За исключением скорости света. Эта скорость – самая высокая из всех скоростей, зато свет не может двигаться медленнее, или рвануть быстрее. Летит себе вечно во всех направлениях с одной и той же постоянной скоростью. Жуткая скукота.

Впрочем, так утверждают земные ученые, значит, и эта истина может быть относительно верной. Или относительно неверной. Потому, как мы уже убедились, этому кудеснику Мало неизвестно каким образом удавалось лететь быстрее скорости света, когда того желали его пассажиры. А если эти пассажиры к тому же еще и дети, то понятное дело, они могут пожелать такое, чего в природе и вовсе не существует.

Как оказалось, карманы скафандра закрывались и открывались точно так же, как и весь скафандр. В правом кармане находилось несколько разноцветных гильз из легкого металла и какие-то миниатюрные приборы. Был там и уже знакомый ему волшебный фонарик. Ники сразу же узнал его и очень обрадовался, а еще больше обрадовался остальному богатству, когда Нуми объяснила ему, что для чего служит.

– Вот твоё оружие, – сказал Нуми, протягивая ему небольшую вещицу красного цвета, которая свободно умещалась у нее на ладони. – Достаточно направить его на нужный объект и легонько сжать, как все живое в двадцати шагах от тебя тут же заснет. Однако его можно использовать лишь при встрече с дикими зверями, которые агрессивно настроены к человеку. А зеленый приборчик для того, чтобы резать.

Николай Буяновский прочитал не менее полутора тысяч научно-фантастических романов и поэтому тоном знатока спросил:

– На расстоянии работает? Это что – лазер или лучевой пистолет?

– Не знаю, что вы называете лучевым пистолетом. Я не видела на Земле ничего подобного, да и по радио о нем не говорили, – поспешила разочаровать его Нуми. – Нет, он на расстоянии не может резать. Надо прижать его острие к тому, что хочешь разрезать, и немного передвинуть кнопку вперед. Пока нажимаешь на кнопку, аппарат режет, отпустишь – перестает. И чем больше вперед ее передвигать, тем глубже он станет резать. А сейчас спрячь его в карман!

«Нет, не может быть, чтобы он не был лучевым», – упрямо подумал Ники, к тому же он не заметил ни ножа, ни пилы, а только тонкое и хрупкое острие на

конце гильзы. Ему тут же захотелось испробовать новую игрушку, но вокруг не было ничего подходящего, что бы он мог разрезать.

В остальных гильзах хранились запасы еды. В желтой – таблетки – по одной на сто часов, всего хватает на десять тысяч земных часов, объяснила ему Нуми. Разумеется, будешь постоянно ходить голодным, но от голода не умрешь.

Ники быстро подсчитал, что это составляет больше земного года, и мысленно ужаснулся: что если его заставят столько времени жить на одних таблетках? А как же быть с водой?

Вода помещалась в двух голубых гильзах в каком-то сверхплотном состоянии. Нет, это был не лед, а нечто похожее на газ, сжатый до плотности металла, который постепенно сжижался. В четвертой гильзе хранились запасные кристаллики для диктофона, предназначенного для записи наблюдений. С помощью всех этих гильз скафандр подзаряжался при необходимости через отверстия под мышками. А вообще-то в ранце скафандра и в шлеме было все необходимое, рассчитанное на пять тысяч земных часов. Нуми гордо похлопала его по спине:

– И воздух, и вода, и лекарства, и отопление, словом – все!

И только врожденное упрямство заставило Ники подумать, что вряд ли это все, что необходимо человеку. Но тут ему пришла в голову мысль, которая очень его встревожила.

– Ну а... если... вдруг тебе захочется вернуть что-нибудь обратно?

Девочка с Пирры не поняла его слишком уж завуалированного вопроса.

– Ну, скажем, тебе захочется сплунуть! – уточнил он в надежде, что она сама догадается, о чем именно он спрашивает.

– А, ясно! Плюешь в ту же трубочку, по которой поступает вода.

– Фу, какая гадость! – возмущенно воскликнул мальчик, еще недавно восхищавшийся скафандром – не скафандр, а настоящая квартира со всеми удобствами!

Нуми засмеялась, потом спокойно объяснила:

Трубочка всасывает слюну и отводит ее в другое место. Там она перерабатывается. То же самое происходит и с потом. Скафандр впитывает все выделения, химическим путем перерабатывает их, превращая в воду и минеральные соли и заряжается ими снова. Потому его и надевают на голое тело.

– И потом все это снова попадает тебе в рот?! – ужаснулся земной житель.

Нуми с улыбкой кивнула, а он постарался трезво подойти к вопросу, чтобы хоть как-то примириться с этим. Сами посудите, как еще решить этот вопрос в межпланетном пространстве, где нет ничего: ни еды, ни воды, ни воздуха. Даже туалета нет! Потому-то пирранцы, как бы далеко они ни ушли в технике по сравнению со своими земными собратьями, не смогли придумать ничего лучшего чем свести в одно место туалет и кухню! Николай украдкой ощупал скафандр снизу. Нельзя сказать, чтобы там было много места. Только бы скафандр функционировал нормально, не то, бог весть, что может приключиться.

Нуми не дала ему долго раздумывать над этими не особенно привлекательными свойствами человеческого организма. Из левого кармана его скафандра она достала какой-то эластичный ремешок и стянула его на руке Николая чуть выше кисти, надев предварительно ему перчатки, которые отклеила от задней стороны рукавов. Явно, в этом скафандре ничто не отстегивалось и не застегивалось. Вот и перчатки намертво прилипли к коже рук, будто слившись с его телом. Они были очень тонкими, почти не ощущались, но в них было предусмотрено отопление, так что космический холод был не страшен. А на

ремешке разноцветными искорками сверкали какие-то крошечные приборы-индикаторы, сделанные, казалось, из мягкого стекла.

– Вы называете это индикаторами, если я правильно поняла, – подтвердила его догадку Нуми. – Вот этот, круглый, показывает время, но только по нашему, пирранскому счету. Светлая черта посередине движется и позволяет ориентироваться на местности. Если ее направить – вот так – на то место, откуда ты двинулся в путь, она так и будет все время туда указывать, одновременно индикатор отсчитает тебе во временном измерении расстояние в наших мерах длины.

Ники даже не смог в полной мере восхититься столь практичным компасом-хронометром, потому что девочка спешила и не давала ему долго разглядывать все, что показывала.

– Вот этот квадратик показывает температуру. Знаки я потом тебе объясню. Будешь следить только за цветом точки в середине квадрата. Видишь, сейчас она белого цвета. Это значит, что можно снять скафандр, так как наружная температура подходит для незащищенного тела. Если точка розового цвета – условия все еще нормальные, но необходимо быть в скафандре. А вот если она начнет багроветь, тогда скорее спасайся: скафандр выдержит не более нескольких часов. Голубая точка рядом с ней показывает, что можно снять шлем, так как воздух пригоден для дыхания. Но если она загорится темно-синим светом или совсем почернеет, ни в коем случае не снимай шлем – воздух отравлен. Вот этот треугольник светится только белым или зеленым светом. Но сначала ты должен поднести его к соответствующему предмету или существу. Белый свет показывает, что это вещество, а зеленый – живой организм и ты должен оберегать его.

– Да и самому остерегаться, – не преминул заметить Ники. – А почему сейчас он не светится?

Нуми стащила перчатку и поднесла руку к треугольнику. Он тут же стал ярко-зеленым, как изумруд. Видимо, ему понравилась нежная рука девочки.

– Теперь видишь?

– Э-э, тебя я и так могу распознать, живая ты или нет, – сварливо заметил Ники, хотя фокус с треугольником ему явно понравился.

Он нащупал в правом кармане одну из гильз и поднес ее к запястью. Треугольник действительно стал белоснежным. Тут ему пришло в голову поднести руку к черно-серой плоти загадочного Мало. Цвет его остался прежним – ни белым, ни зеленым, а каким-то мутно-серым.

– Почему он не реагирует?

– Я тоже не знаю. Много раз я проделывала такие опыты, когда изучала Мало. Похоже, он не целиком состоит из живой материи, или же материя, из которой он состоит, нам неведома. В одних местах индикатор светится, как при соприкосновении с живыми существами, в других – словно там металл или механизм, а вот в таких, как здесь, вообще не светится. Потому я и думаю, что может быть, легенда, придуманная пирранцами, в чем-то верна. Согласно этой легенде, его придумали другие существа, выше и совершеннее по развитию.

– Надо просто поймать одного такого «мало» – важно заявил Николай Буяновский. – Нарезать его на кусочки и исследовать под микроскопом.

Нуми ошарашенно уставилась на него и долгое время не могла найти, что ему ответить. Потом взорвалась:

– Как тебе только в голову могло такое прийти! Как у тебя только язык повернулся сказать такое! Убить Мало! Самое доброе существо во Вселенной! Стыдись, Николай Петров Стоянов Петков Драганов Стоянов Буяновский! –

вместо приятельского «Ники» она перечислила всю его родословную. – Прошу тебя, покайся! Очень прошу, если хочешь, чтобы мы остались друзьями!

"Ники, конечно, хотелось остаться с ней друзьями, и он пристыженно покраснел. Не потому, что высказал такое глупое мнение, а потому, что ему не удалось сразу же выполнить ее настойчивую просьбу – немедленно пристыдить себя. Не каждый это умеет – почувствовать стыд за то, в чем ничего постыдного не видит, но Ники Буяну это удалось. И он еще долго чувствовал бы себя пристыженным по-настоящему, если бы Нуми снова не улыбнулась ему дружелюбно. Видимо, ее удовлетворил вид его покрасневших ушей. Мальчишеские уши тоже могут быть выразительными, не только глаза и губы. Очевидно, вы это замечали.

– Ладно, пошли! – сказала она и занялась своим шлемом.

Воспользовавшись тем, что она отвлеклась, он быстро вытащил из кармана куртки перочинный нож и рогатку вместе с пригоршней проволочных скобок и засунул все это в пустой левый карман скафандра. Эта операция, однако, помешала ему самому заметить, что и она сделала что-то украдкой от него. Прежде чем надеть шлем, девочка снова нажала на белую нежную выпуклость за ухом.

3

И перочинный ножик может быть оружием.

Что необходимо для того, чтобы
стать настоящим исследователем

Нуми прошла сквозь стену, словно настоящий призрак.

(Автор этой книги сам никогда не встречал призраков, но зато тысячи раз встречал это сравнение в других книгах, а ведь книгам надо верить. Так вот, книги утверждают, что призраки – бесплотные существа, не признающие ни дверей, ни окон, – они проходят сквозь стены. Не правда ли, весьма практично? Нашим ученым не мешало бы подумать над тем, как научить людей проходить сквозь стены, ибо это приведет к огромной экономии строительных материалов!)

Ники тотчас же бросился вслед за девочкой, но стена вдруг отбросила его назад, как любая стена отбрасывает любого непризрака. Он отступил немного в сторону, решив, что просто не рассчитал место выхода и попробовал снова пройти сквозь стену. Та немного подалась под его напором, но не пропустила его. Он принялся шарить по стене рукой, тыкался в нее шлемом, но безуспешно. Тогда он вытащил фонарик и осветил ее. Нет, стена была все та же, однако наружу его не выпускала, хотя только что выпустила девочку и пропустила его самого, когда они отправлялись к зрачку Мало. Ники обозлился и в ярости пнул стену ногой, но это было равносильно тому, как если бы он пнул пружинный диван. Стена отбросила его назад с такой силой, что он потерял равновесие и шлепнулся на пол, а в том месте, где он пнул, появилась голова Нуми.

– Почему ты не выходишь? – раздался в шлемофоне у Ники ее обеспокоенный голос.

– Мало меня не выпускает.

– Но почему? Ты ведь устыдился своих слов? Взаправду? Постой, я спрошу его.

Только сейчас Ники по-настоящему испугался. Неужели Мало решил ему отомстить? Зачем же тогда все эти разговоры о его бесконечной доброте и великодушии? Неужели он тоже мог читать его мысли, подобно Нуми, и понял, что Ники вовсе не чувствовал себя пристыженным!..

Перепугавшись, Николай теперь уже искренне раскаивался в своем поступке. Про себя, чтобы Нуми не слышала, он заговорил умоляюще: «Прости меня Мало, я не имел в виду ничего подобного! Это я так, в шутку сказал. По глупости. Да к тому же на Земле, если хотят что-то исследовать, берут и разрезают его на кусочки. Такая у нас цивилизация, я не виноват...»

– Почему ты не оставил нож! – гневно грохнул у него в ушах голос Нуми. – Я же предупреждала тебя!

Да, это говорила Нуми, а не Мало. Тот по-прежнему таинственно молчал, но явно, он слышал слова Ники о ноже.

Ники с панической поспешностью вытащил из кармана нож и положил его подле себя.

– Ну какое же это оружие?! – заискивающе забормотал он. – Ты только посмотри! Никакое это не оружие. Скажи ему. Им даже шнурка не разрезать, совсем тупой...

Он говорил и старался не думать о рогатке, которая осталась в кармане и которая, по сути дела, была куда более грозным оружием, чем перочинный нож. Скобки, впиваясь в кожу, причиняли ужасную боль.

– Дай мне руку! – приказала девочка, не слушая его жалобы.

Она крепко схватила его за руку и беспрепятственно протащила вслед за собой через стену. Ники не почувствовал никакого сопротивления.

– Теперь прыгай! – снова приказала Нуми. – Прыгай вниз!

Довольный тем, что рогатка осталась при нем, Ники закрыл глаза и прыгнул. Ноги его больно ударились обо что-то твердое. Он открыл глаза, но тут же инстинктивно зажмурил их от яркого света. Под ногами у него была желтая каменистая почва, вокруг, куда хватало глаз, простиралась раскаленная пустыня.

Ее освещало незнакомое Солнце. Оно было красным и не таким ослепительным, как земное, и голая равнина сверкала под ним, потому что на небе не было ни единого облачка. Волнообразный горизонт также был гол, и только в одном его конце дрожало нечто похожее на голубоватое марево.

Не приходилось сомневаться в том, что они очутились если и не на другой планете, то в какой-нибудь пустыне Земли. Вокруг не было ничего интересного, кроме самого Мало, который снова как две капли воды походил на ту желто-серую тыкву, столь таинственным образом выросшую у входа на выставку. Однако здесь, в пустыне, его можно было принять за какую-нибудь песчаную дюну, каких немало на южном побережье Черного моря.

А не сыграл ли он с ними шутку, этот загадочный Мало? Ведь он должен был доставить их туда, где есть вода! Да и как ему не поиздеваться над ними, когда от него требуют столь невероятных вещей. Лететь на другую планету, к тому же, наверное, в другой Галактике, проходить через подпространство и для чего все это?! Чтобы вымыть измазанную физиономию! Нет, такое может прийти в голову только чокнутым, вроде Нуми...

– Так вы называете это «чокнутая»? – тотчас раздался голос Нуми, подсказывая, что она снова подслушала его мысли. – Верно, я иногда бываю чокнутой. Но здесь есть живые существа. Потому Мало и не выпустил тебя с ножом. Взгляни на индикатор! Видишь, точка, показывающая состояние воздуха,

– голубая, значит, можно спокойно дышать, но мы снимем шлем, когда найдем воду.

Знаки у него на часах постоянно менялись, очевидно отсчитывались минуты и секунды. Нуми повернула верхний ободок часов таким образом, чтобы светящаяся линия в середине циферблата своим концом указывала на Мало.

– Так, – сказала она, – направление возвращения установили. Если потеемся, будешь идти по этой стрелке. Очевидно, нам придется далеко зайти, потому что Мало избегает садиться вблизи живых существ. И они, явно, живут в воде, раз он не сел неподалеку. Пошли!

С этими словами она уверенно двинулась в ту сторону, где над песком упруго подрагивал блестящий шелк голубого марева. Словно была уверена, что именно там найдет воду. Сапоги ее вздымали легкие облачка желтой пыли.

Ники, все еще чувствуя себя виноватым перед Мало, сделал шагов двадцать, обернулся и посмотрел на него. Таинственное существо пульсировало, непрестанно меняясь в цвете. Может, готовилось в отместку улететь и бросить их одних в этой жуткой пустыне?

– Не бойся, – тут же раздался в шлемофоне голое Нуми. – Он сейчас питается.

Ники робко напомнил ей об обещании не подслушивать его мысли, но она возразила ему таким тоном, словно была по меньшей мере лет на пятьдесят его старше:

– Здесь это просто необходимо. Неизвестно, какая глупость придет тебе в голову, а кроме того, нас могут подстерегать опасности. Догоняй, чего плетешься.

Ники несколько задела ее слова, но он тем не менее послушался. Он был выше ее на целую голову, но чувствовал себя ребенком, которого ведут удалять гланды.

Так они прошли больше тысячи довольно мучительных для Ники шагов. Дрожащее марево над горизонтом потемнело, стало темно-голубым и очень похожим на воду. Нуми бросилась вперед. Может быть оттого, что Ники все еще испытывал страх, он приказал себе идти сзади – нужно же прикрыть ее на случай опасности. И даже засунул руку в карман и нащупал там рогатку. Губы у него пересохли, и он пошел еще медленнее. Нащупал языком трубочку для воды и легонько нажал на нее. Струйка жидкости необычного вкуса брызнула ему в рот. Он чувствовал, что готов выпить целое ведро даже такой вот сладковатой пирранской воды.

Когда он наконец настиг Нуми, она сидела у воды, бесстрашно опустив в нее руки. Мелкие волны набегали ей на ноги. Мало не обманул их: не просто воду – целое море им предложил. Легкая зыбь убегала до самого горизонта и голубые волны сливались с голубизной бесконечно далекого неба. Нигде вокруг не было заметно ничего опасного.

Вид экспериментальной девочки, беспечно плещущейся в воде, заставил его напустить на себя важность, чтобы показать ей, что он способен думать и о серьезных вещах.

– Кхе, кхе, – прокашлялся он после столь продолжительного молчания. – Если это неизвестная планета, то мы должны ее исследовать. И записать свои наблюдения.

– Вот ты и записывай, – весело согласилась она. – Мой искусственный мозг и так все записывает. Потому я его и включила, а вовсе не для того, чтобы подслушивать твои мысли. Я тогда просто пошутила, но ты очень разозлил меня своим глупым ножом.

Николай молча проглотил и эту обиду и постарался войти в роль исследователя. Он стал записывать на диктофон:

«Мы находимся на пустынной планете. Нам не известно, в какой она звездной системе. Она вся покрыта песком. Здешнее Солнце краснее нашего. Очевидно, более старое. Или, может, более молодое. Вокруг нет никакой растительности, но есть вода. Большое озеро или море. Цвет воды такой же, как на Земле...»

Он наклонился и опустил левую руку в воду, затем взглянул на термометр.

«Вода теплее воздуха, который вполне пригоден и для людей, – продолжал он свой рассказ. – Но необходимо исследовать. Надо взять пробы воздуха, воды, почвы и исследовать все в лаборатории, а у нас нет никаких сосудов. Если на этой планете есть жизнь, то, очевидно, она сосредоточена в воде. Но пока ничего не видно. Нуми с планеты Пирра зашла в воду. Сейчас она медленно плывет лицом вниз, рассматривая дно...»

И тут его бесстрастность исследователя улетучилась.

– Нуми, – закричал он. – Немедленно возвращайся! Там могут быть акулы!

– Что это такое? – преспокойно спросила она.

– Огромные рыбы. Страшно кровожадные. Девочка продолжала медленно плыть, удаляясь от берега все дальше.

– Пока что я вижу какие-то растения на дне. И мелких животных, – радостно прокричала она. – Плыви сюда, знаешь, как интересно! Не бойся, в скафандре ты не утонешь, даже если не умеешь плавать.

Это он, Ники Буян не умеет плавать! Да он единственный во всей школе прыгал в бассейне с десятиметровой вышки!

Ее обидное предположение как бы подстегнуло его, он забыл об акулах и в красивом прыжке полетел с берега в воду. Жалко, девочка не могла его видеть, так как продолжала плыть, опустив голову в воду. Эластичный скафандр не мешал движениям, и Николай, сделав всего с десяток энергичных взмахов, настиг Нуми и обогнал ее. Только теперь он почувствовал прежнее беспокойство и подплыл к ней, чтобы в случае необходимости защищать ее. А чем защищать, когда у него даже ножик отобрали? Он посмотрел вниз.

Перед его глазами простирался волшебный мир.

Целые джунгли голубых, красных и оранжевых водорослей сонно покачивались словно в каком-то медленном танце. В этих зарослях стремительно носились взад-вперед тысячи небольших блестящих рыбок, без чешуи, с тупыми и широкими головами. Они вряд ли представляли опасность.

– Нуми, ты меня слышишь? – крикнул он.

– Конечно.

– Мало совсем правильно поступил, не разрешив мне взять нож. У нас на Земле тоже считается неприличным резать рыбу ножом.

Было неясно, поняла ли девочка его шутку, потому что в ответ она серьезно посоветовала ему:

– Наблюдай и диктуй! Раз мы представляем различные цивилизации, то, вероятно, и мир воспринимаем по-разному. Потом сравним наши наблюдения.

Как обычно, она была права, но Ники уже и не нуждался в особом приглашении. Чем дальше уносили их волны, тем оживленнее становилось внизу под ними. Появились уже более крупные рыбы, того же или почти того же вида. А вот то, что они делали, немало озадачило наблюдателей. Рыбы проворно устремлялись за своими меньшими собратьями и жадно откусывали хвосты у тех, кто не успел спастись бегством. Но бесхвостых рыб, похоже, это ничуть не тре-

вожило. В свою очередь, они настигали еще меньших рыбок и сами откусывали у них хвосты.

«Может, они как земные ящерицы, – записал свои впечатления Ники. – Наверно, им не больно, когда у них откусывают хвосты, а потом, вероятно, у них отрастают новые».

Тем временем подводное сражение становилось все более ожесточенным. Сотни и тысячи существ, достигавшие порой более метра в длину, жадно пожирали друг друга, ничуть не смущаясь присутствием иноземных наблюдателей.

«Наверное, и тут в силе закон, согласно которому большие и сильные пожирают маленьких и слабых, – печально подытожил свои наблюдения Николай Буяновский. – Неужели так во всей Вселенной?..» – и крикнул:

– Нуми, давай уже выходить!

– Почему? Разве тебе не интересно?

– А что тут интересного! Только и знают, что кусать друг друга.

Среди разноцветных водорослей грузно зашевелились какие-то большие черные тени. Ники заволновался.

– Я вижу, – прозвучал у него в ушах спокойный голос девочки. – Не пойму только, собирается ли он на нас напасть? Никак не могу понять его намерений, похоже, они у него есть.

– О ком ты говоришь? – спросил Ники и заозирался по сторонам.

В следующий миг ему все стало ясно.

В двадцати метрах от них зиял проем подводной пещеры, из которой высовывалась огромная голова ужасающего вида. Только пасть существа, изогнутая дугой, была больше метра в длину. Эта пасть медленно открывалась и закрывалась, словно бы примериваясь, как поудобнее их проглотить. В пасти поблескивали два ряда острых, зеленоватых от воды зубов, которыми, пожалуй, можно было перерезать целую корабельную мачту. На, них глядели четыре выпученных лягушачьих глаза, расположенных в один ряд.

Вряд ли кому приятен взгляд лягушачьих глаз, но когда их к тому же четыре, а не два, и торчат они вот на такой голове, да вдобавок ко всему и размером гораздо больше, чем у лягушки, выражаемое ими любопытство может вызвать отнюдь не приятное ощущение.

– Спасайся! – завопил Николай, толкнул Нуми в плечо и отчаянно заработал ногами.

Его ноги вспарывали воду будто винт корабля, руки загребали воду широкими и мощными взмахами. Он наверняка поставил какой-нибудь рекорд кролем или по крайней мере кролем в скафандре, потому что стекло его шлема внезапно заволочло песком. Ники встал на ноги. Нуми приближалась к берегу слишком медленно, неумело взмахивая руками, а в двадцати метрах от нее из воды торчала ужасная черная голова с равномерно открывающейся и закрывающейся пастью.

Ники снова бросился в воду.

– Почему ты возвращаешься? – задыхаясь, спросила она его.

– За тобой. Ты не можешь плыть быстрее? Держись за мои плечи!

– Я могу, но сейчас я пробую поговорить с ним!

– Дура! – заорал Ники. – Нашла с кем говорить! И он перевернул ее на спину, да так внезапно, что она не успела и воспротивиться, подхватил ее одной рукой под шлем и поплыл, волоча за собой, как утопленника. Прошлым летом в лагере их учили спасать утопающих, так что у него это выходило довольно ловко.

– Что ты делаешь? Отпусти меня, – слабо защищалась девочка, но только на словах. – Не видишь, что он на нас не нападает. Ему тоже интересно.

Но Николай не отпустил ее до тех пор, пока не выволок на песок, подальше от воды. Чудовище следовало за ними неотступно, а кто знает, может у него были и ноги. Он распластался рядом с Нуми, чтобы хоть немного перевести дух, а та, вместо того, чтобы хоть как-то позаботиться об их безопасности и достать хотя бы пистолет с усыпляющим газом, склонилась над ним и с какой-то особенной улыбкой произнесла:

– Ты очень мил.

– Дура! – рявкнул он и сел на песке.

– Ты испугался за меня, значит, уже полюбил. Ведь раньше ты меня не любил.

– Да, так тебя люблю, что сейчас вот возьму и отлуплю! – прокричал Ники и потащил ее подальше от воды. – Ты посмотри туда, ты только посмотри!

Чудовище плавало уже в десяти метрах от берега. Там было мелко, поэтому из воды торчала половина его огромной спины. Черно-серая, гладкая, отвратительно лоснящаяся жиром. Размерами она напоминала спину небольшого кита. Огромная пасть непрерывно открывалась и закрывалась, заглатывая воду и воздух одновременно и каждый раз обнажая ужасные пилы зубов. Над нею сейчас виднелись и две дыры, похожие на ноздри, но такие огромные, что, пожалуй, в них можно было засунуть голову. Над ноздрями располагался ряд из четырех глаз, смотревших на них с прежним пристальным любопытством. Два двухметровых, тонких, как крысиные хвосты, отростка, отходившие от ноздрей, колыхались на волнах подобно змеям.

Ники потянулся за своим газовым пистолетом, но Нуми жестом остановила его.

– Не надо. Неизвестно, как на него действует газ. Вдруг он утонет. Слышишь, не надо! Посмотри какой красавец!

Но Ники только презрительно сморщил нос и произнес:

– У него есть усы.

Словно это было самое важное в тот исторический миг, когда он с глазу на глаз оказался с представителем другого мира.

4

Усы не обязательны ни для одной
цивилизации. Сомо кусапиенс.
Встречи могут принести и вред

Но кто знает, что самое важное в такой исторический момент? Трудно сказать. Одни советуют начать с формулы треугольника, у которого квадрат гипотенузы всегда равен сумме квадратов катетов. Другие для этой цели предлагают число «пи», так как оно, вроде как одно и то же для всей Вселенной. Третьи же считают, что необходимо начинать с описания водорода как наиболее распространенного вещества в космосе. Да, но пусть кто-то сам попробует доказать вот такому усатому и кусачему чудовищу теорему Пифагора или же вывести число «пи» с его бесконечным хвостом цифр после запятой. Автор прекрасно помнит, как в бытность свою учеником каждый раз хотел кусаться, когда заходила речь о числе «пи». Вот почему лично он отказался бы от любых контактов с инопланетными существами, будь язык математики единственным способом общения с ними. Да и чудовище, по-видимому, не

испытывало особой нужды в математике для общения с Николаем Буяновским с планеты Земля.

Казалось, оно сразу же поняло его восклицание и, словно желая доказать, что усы у него не совсем обычные, внезапно подняло их вверх. Одеревенев каким-то таинственным образом, они торчали над водой, как штыри комнатной телевизионной антенны.

– Вот это я понимаю – усищи! – восхищенно воскликнул Ники.

– Помолчи! – раздался в шлемофоне голос Нуми. Она снова попыталась поговорить с чудовищем, изо всех сил напрягая оба мозга. Даже на лице у нее было написано, как сильно она их напрягала.

– Ничего не понимаю, – вскоре призналась она со вздохом. – Он испускает мощные излучения, которые похожи на мысли и образы, но они мне неизвестны.

– Мысли и образы, – презрительно повторил Ники. – Какие могут быть мысли у сома!

Сравнение пришло ему на ум случайно, но таинственное существо, пожалуй, и в самом деле походило на гигантского сома с тупорылой круглой головой и огромной пастью, с этими длинными усами. Вот только глаз у него было четыре и были они по-лягушачьи выпучены. Холодное любопытство в них, казалось, теперь уступило место выражению откровенной враждебности.

Похоже, чудовище и на этот раз поняло его, и, обиженно опустив усы, захлопало ими по воде как плетью. Потом снова угрожающе их растопырило. Может, оно все-таки было существом разумным? Ведь и дельфины похожи на животных, а вон какие умные!

Николаю стало жарко, и, взглянув на голубую точку, показывающую состояние воздуха, он осторожно снял шлем. Он уже умел с ним обращаться. Откинув шлем на спину, Ники крикнул чудовищу:

– Эй ты, как тебя зовут?

Слова его прозвучали не слишком любезно, как полагалось бы при встрече двух существ из различных миров, но Нуми, к счастью, его не слышала, так как в это время тоже принялась стаскивать свой шлем. Он дождался, пока она его снимет, и продолжил разговор, но уже несколько по-иному:

– Эй, ты меня слышишь? Понимаешь меня? Мы прибыли с других планет. Мы – люди. Она с планеты Пирра, а я – с Земли. А ваша планета как называется?

Усы снова закачались в воздухе, на сей раз не угрожающе, а скорее в знак того, что слова были услышаны. Страшная пасть принялась заглатывать воздух.

– Мы – люди, – еще громче прокричал мальчик. – Мы добрые. Хотим подружиться с вами. Тебя как зовут?

– Перестань задавать глупые вопросы, – прервала его Нуми. – Сам-то ты тоже вначале не хотел говорить как тебя зовут, помнишь?

Внезапно она громко заговорила на каком-то непонятном языке. Очевидно, это был язык пирранцев. Правда, мелодикой он напоминал земной язык, но Ники не мог уловить ни одного знакомого словечка. Что она говорила чудовищу? Может, и более умное, чем сказал Ники, только в ответ существо лишь помахало усами.

– Я и то не понимаю, что ты говоришь, а ты хочешь, чтобы оно тебя поняло, – заметил Ники после того, как девочка закончила свою тираду. – Сюда надо послать специальную экспедицию, с разной там аппаратурой и заниматься этими существами долгое время, быть может, годы.

Усы-антенны закачались в знак согласия.

– Спроси Мало, где находится эта планета, а потом скажешь вашим ученым.

– Наверное, очень далеко от нас, – подавленно ответила Нуми. – Раз нам пришлось и через подпространство проходить...

– Это не столь уж важно. Прилетят, когда смогут. И ты окажешься первым человеком на вашей планете, кто встречался с инопланетным существом. А я буду, первым на Земле. Постой, я должен это записать. Тебе с искусственным мозгом хорошо, а вот нам со своими ручками и магнитофонами еще долго придется мучиться.

Он надел шлем и принялся диктовать записывающему устройству:

«Дно моря покрыто разноцветными водорослями. Они служат пищей для маленьких существ. А крупные пожирают мелкую рыбешку, откусывая им хвосты. Потом мы увидели, возможно, самое большое существо из здешних. Усы у него больше двух метров в длину, но это явно не усы, так как они способны застывать неподвижно, и тогда походят на антенну. У него огромная пасть с двумя рядами страшных зубов, что указывает на то, что это хищник. Нуми говорит, что это чудовище обладает качествами мыслящего существа. Его мозг излучает какие-то образы, но ей не удалось их разгадать. У него четыре глаза, а пасть постоянно открывается и закрывается, словно оно пытается что-то нам сказать. Очень похоже на нашего сома, но размером побольше акулы. Похоже, все живые существа здесь относятся к одному и тому же виду, даже самые маленькие. Несмотря на это, они поедают друг друга и тем самым отличаются от земных животных, которые, будучи одного вида, друг на друга не нападают. Скорее, они ведут себя, как люди, которые, хотя и относятся к одному виду, но во все времена враждовали между собой и поныне убивают себеподобных. Мы, люди, относимся к виду «гомо сапиенс», что означает – «человек разумный». А эти существа постоянно кусают друг друга и походят на сомов, поэтому я, Николай Буяновский с планеты Земля, решил окрестить его «сомо кусапиенс». Мы с девочкой Нуми с планеты Пирра...»

Тут он перестал диктовать, потому что «сомо кусапиенс» внезапно свернул свои необыкновенные усы и исчез под водой. Казалось, он только ждал того, чтобы получить имя и убраться восвояси.

Ники снял шлем и разочарованно уставился в морскую ширь. Они постояли в ожидании минут десять, но существо так и не появилось. Вокруг не было ни души. Может, здешние существа отказались встречаться с людьми после того, как их мудрейший представитель осмотрел их и выслушал?

– Умойся и пойдем назад! – с грустью сказала ему Нуми.

Ники совсем забыл, что именно ради этого они и прибыли на планету, и сейчас эта затея показалась ему совершенно глупой и бессмысленной, но он тем не менее присел у воды, зачерпнул в пригоршню и без особого желания принялся тереть лицо. Когда он поднялся, Нуми придирчиво осмотрела его.

– Нет, не отмывается.

Он стал яростно тереть перчаткой испачканное место да так, что казалось, вот-вот сдерет кожу под носом.

Нуми самым бесцеремонным образом схватила его за уши и притянула его голову к себе, чтобы получше разглядеть.

– Буф-ф! Эта вода, похоже, не моет... – Тоненькими пальчиками она трогала его кожу и засмеялась. – Но ведь это волосы! Почему у тебя под носом растут волосы? Я было подумала, что это грязь...

Ники стал краснее красного солнца, светившего над их головами.

– Потому что у меня растут усы. Я же мужчина!

– Какие усы?

– А такие, – грубо ответил он ей. Он был зол, что она совсем извела его из-за какого-то почти незаметного черного пушка над верхней губой. – Как у того существа.

– И такие большие вырастут?! – изумилась Нуми.

Ники представил, как бы он выглядел с двухметровыми усами-антенной «сомо кусапиенса», и расхохотался.

– Усами называются волосы, которые растут над верхней губой. Они растут только у мужчин... – Вспомнив о мымре классной, он добавил: – Иногда, впрочем, растут и у женщин.

– Вот смех-то! А у нас...

Но Николай с обиженным видом прервал ее:

– В этом нет ничего смешного, раз уж решила изучать чужую цивилизацию, ясно? Тебе это может показаться странным, потому что у вас такого нет, но никто не дает тебе права смеяться.

Нуми безропотно проглотила эту пилюлю.

– Значит, земляне с усами?

– Опять ты ничего не поняла. Человек вовсе не обязан носить усы, но иногда это считается модным.

– И среди женщин? – полюбопытствовала Нуми, которая тоже была женщиной.

– Нет, у женщин это еще не вошло в моду, – ответил Ники, вспомнив, что их мымра часто приходила в школу и без усов. Если б это было модно, она ежедневно бы ходила усатой.

Он задумался, что бы еще сообщить по этому вопросу, но тут девочка быстро схватила своими тонкими пальцами один из волосков у него под носом и попыталась выдернуть его. Ники вскричал от боли и инстинктивно, как поступил бы всякий мальчишка, дернул ее за волосы. Нуми изогнулась как серебристая змейка в своем блестящем скафандре, вырвалась и упала на землю, но тотчас же перевернулась и ухватила его за ногу.

– Эй, ты что это делаешь? – закричал он. Она подняла наверх смеющееся лицо.

– Кусаю тебя. Как те там... – И снова впилась зубами в штанину скафандра.

Ники вдруг стало весело, он бросился наземь, повалил Нуми и, в свою очередь, укусил ее за ногу. Но скафандр для того и существует, чтобы оберегать от всего, в том числе и от укусов, потому и борьба их была недолгой. Еще некоторое время они возились в песке, как игривые щенки, потом у них заболели зубы. Тогда Нуми откинулась на спину и с блаженством закинула руки за голову.

– Буф-ф! Как мне здесь хорошо.

– Что здесь хорошего? – возразил Ники, обведя взглядом две пустыни – морскую и земную. – Только лишь и всего, что какие-то существа, которые ничего другого не знают, кроме как кусать друг друга.

– Есть в этом что-то приятное. Раз уж и мне захотелось.

– Значит, наши ученые правы, говоря, что встреча с иноземной цивилизацией может быть и во вред. Мне вот до сих пор кусаться хочется. Если мы хоть немного тут останемся, того и гляди откусим друг у друга по ноге.

– Сюда действительно надо направить специальную экспедицию. Хоть бы это было не слишком далеко.

– Мало мигом их доставит.

– Нет. Он принимает только меня. Потому что я ребенок и потому что понимаю его. Он сказал мне, что люди должны дорасти до того, чтобы сами смогли вступить в контакт с другими цивилизациями. В противном случае, это может оказаться опасным как для тех, так и для других.

Ники с уважением взглянул вдаль на песчаную дюну, которую пирранцы прозвали «Спасаящим жизнь».

– Умен. Тут ничего не попишешь – он прав. Хорошо еще, что хоть нам дали возможность увидеть других существ. Очень важно, чтобы люди знали, что, кроме них, в Галактике есть и другие разумные существа. Ваши должны обраться, когда ты им об этом расскажешь.

– Вот только поверят ли они мне? – задумчиво спросила девочка с Пирры.

– Я могу подтвердить. Полечу с тобой в качестве свидетеля.

Нуми даже подпрыгнула от радости.

– Правда, полетишь со мной?

Вокруг пустыня и море по-прежнему оставались пустыми. А где-то вдали существовала целая прекрасная цивилизация! Наверняка прекрасная, раз ее представляют такие вот девочки...

– Спасибо тебе за такое мнение обо мне. – Нуми улыбнулась ему. – Хотя я всего-навсего глупый эксперимент. Ты увидишь, что у нас есть действительно прекрасные девочки.

Значит, снова подслушала его мысли!

Ники мстительно ткнул ее кулаком в спину, но не слишком сильно и не очень сердито, и оба они, смеясь, побежали к своему волшебному Мало, который уже нетерпеливо тянулся к небу.

5

Куда девается время.
Может быть, Мало – не что иное,
как старый добрый Пегас

Очутившись вновь в Мало, они тут же плюхнулись на пол, и его мягкая утроба показалась Ники родной и уютной, словно материнские объятия. Они почувствовали невыразимое облегчение и не только потому, что приключение утомило их, – Мало уже успел поглотить гравитацию, и сейчас легкие, словно бестелесные, они уносились все дальше от планеты.

– Ведь, правда же, было интересно? – спросила Нуми.

– Фантастика! – согласился Ники.

– И главное, как он на нас смотрел, – совсем как человек!

– Нет, как два человека.

– Почему два?

– У него же четыре глаза.

– С тобой не соскучишься, – заметила Нуми весело. – На кого, ты сказал, он похож?

– На сома.

– Что такое сом?

– Рыба. Живет в реках. Только он не такой большой.

Нуми вздохнула.

– Не могу себе представить сома. Мне он напомнил пеки.

– А что это такое?

– Животное. Только с двумя глазами. И такой антенны у него нет.

– А как он выглядит?

– Точь-в-точь, как это существо. Только у него еще есть и ноги.

Теперь вздохнул Ники. Попробуй представь себе, как выглядит этот пеки, если тебе делать нечего! Нет, нелегко ему придется с этой девочкой! Она представляет себе одно, он – другое, и ни один из них не может знать, что же в мыслях видит другой. Какой уж там общий язык с абсолютно чужой цивилизацией!

Но вообще-то она чудесная девочка, поспешил сказать он про себя, замечая, что она тянет руку к уху. Умная, храбрая, очень красивая, приятная...

– Ну, ты, наконец, поверил, что все это правда? – спросила Нуми, прерывая поток его мысленных комплиментов.

– Да. А ты сейчас включила свой искусственный мозг или выключила?

– Выключила, потому что мне хочется спать.

«Черт бы тебя побрал! – мысленно ругнулся он. – Опять все комплименты впустую!» А чтобы она не догадалась, для чего он ее об этом спрашивает, Ники важно заявил:

– Ну ладно, спи! А я пока должен все хорошенько обдумать.

К ним уже вернулась нормальная тяжесть. Нуми повернулась на другой бок и погасила фонарик. А Ники в темноте тут же стал шарить за ухом, где у него была спрятана жвачка.

Великолепная жвачка! Ведь сколько раз он снимал и надевал шлем, а ей хоть бы что – приклеилась намертво! И все еще сладкая и ароматная. Все-таки этот «сомо кусапиенс» – забавное создание. Как он только топорщил усы! Наверняка, это антенна. Ведь даже у кошек усы служат для ориентировки, только вот у человека они ничему не служат. Была бы у него бритва, он бы их сбрил напрочь. Нуми они совсем не нравятся. Да и как они могут понравиться? Хотя бы усы как усы, а то не поймешь, то ли это усы, то ли просто грязь под носом. Надо бы рассказать ей кое-что о переходном возрасте, может, у них там, на Пирре, неизвестно это глупое явление. Тогда она поймет, почему он бывает порой таким раздражительным и упрямым. Но если он сбреет усы, в школе ведь его совсем засмеют. Мымра-то, поди, уже бесится. А мама и папа...

– Нуми, – встрепенулся он и чуть было не проглотил жвачку.

– Ну что еще? – сонно отозвалась она.

– Куда мы сейчас летим?

– Мы же решили посетить какую-нибудь планету, где есть люди. Я так и сказала Мало.

– А мы не станем там задерживаться?

– Ты что, спешишь?

– Нет, но мне домой надо. Я же родителям не сказал, где я.

– Разве ты не хочешь узнать, есть ли где-нибудь во Вселенной еще люди, кроме нас?

– Хочу, конечно, но ты скажи ему, чтобы недолго...

– Сначала нужно выспаться. А то когда я включаю искусственный мозг, потом не могу заснуть, и это еще больше меня утомляет.

«Наверное, мы быстренько обернемся, – подумал мальчик. – Раз Мало может проходить через подпространство... Придется пережить еще одно умирание... Зато как ахнут во дворе мальчишки, когда он им расскажет, как умирал в подпространстве! Да и в школе! Наверняка, его и в академию наук пригласят, в газетах о нем напечатают...»

– Нуми, ты спишь уже?

– Как тут заснешь, когда ты все время мне мешаешь, – пробормотала она еще более сонным голосом.

– Интересно, а хватит ему топлива, чтобы доставить нас на эту планету, а потом еще на Пирру и на Землю?

– Хватит. Там, где мы только что были, много песка.

– Он просто фантастичный! На одном песке! Настоящий космический Пегас!

– А кто это, Пегас? – вяло поинтересовалась девочка с Пирры.

– В одной из древних земных легенд рассказывается о коне с крыльями. Звали его Пегас. Сядишь на него – и он мгновенно доставляет тебя туда, куда пожелаешь.

– А что такое «конь»?

– А ты разве не видела, когда была на Земле?

– Может быть, и видела, но просто не помню, кого вы называете конем. Потом спрошу у электронного мозга, сейчас мне надо спать.

– Хотя вполне возможно, что ты коня и не видела. У нас на полях теперь только трактора, а на улицах в деревнях – легковые автомобили и грузовики. Вот разве что на каких-нибудь соревнованиях можно коня увидеть. А вообще-то это домашнее животное. Без крыльев, разумеется. Пегас это просто символ поэзии. И фантазии вообще.

– А чем он питался? – спросила Нуми. Похоже, ему удалось все-таки заинтересовать ее рассказом.

– Спроси что-нибудь полегче, – засмеялся он. – Обычные кони едят траву, а вот чем питался Пегас, не помню. Кажется, в легенде об этом ничего не говорилось.

– Может быть, поэзией? Или фантазией? – совсем серьезно предположила девочка.

– Сомневаюсь. Потому что бывают такие стихотворения, от которых его бы тут же пронесло...

– Что?

– Ну, он получил бы расстройство желудка... – Нуми рассмеялась, окончательно проснувшись, и повернулась к нему.

– У нас тоже есть плохие стихотворения. Знаешь, а ведь вполне возможно, что этот Пегас и есть наш Мало. Просто в одних легендах его представляли одним образом, в других – иначе. Тогда и ваш Пегас, наверное, поедал время.

«Что за чушь ты несешь?» – сказал он мысленно, уверенный, что ее второй мозг сейчас спит. А вслух произнес:

– Что значит «поедал время»? Ты же сказала, что он поглощает силиций из песка.

Девочка зашевелилась в крошечной тьме, очевидно, устраиваясь поудобнее, и ответила:

– Не знаю. Но, очевидно, он его поедает, выпивает. По крайней мере, я так думаю. Иначе, куда девается время? Ведь любая вещь или существо несут в себе время, одновременно находясь в нем – кто больше, кто меньше. Кроме того, время существует в пространстве. Чтобы с такой скоростью попасть из одного мира в другой, необходимо поглотить не только пространство, но и время. Точно так же, как Мало поглощает гравитацию при взлете и посадке...

– Постой, постой, – прервал ее Ники. – У нас есть целая теория о времени. Ее создал Эйнштейн. Правда, она не совсем мне ясна, но я о ней читал. Когда летишь со скоростью, близкой к скорости света, время начинает свертываться

и... – Ники замер, усиленно пытаясь вспомнить, что же он читал о теории Эйнштейна, и внезапно все в нем похолодело, и сердце словно остановилось.

– И что же тогда происходит? – подстегнула его Нуми.

Сдавленным шепотом он произнес:

– Нет, наверняка она неправильная. Если сейчас... если мы сейчас вернемся на Землю, там, согласно теории, должно пройти много, очень много времени, может быть, сотни лет. Нет, не может быть!

– Очень даже может быть, – невозмутимо возразила девочка с Пирры. – Наши ученые утверждают то же самое. Но у меня есть совсем иная теория. Она пришла мне в голову, когда я летела с Мало и хотела понять, что он из себя представляет. Может быть, ты опять скажешь, что я чокнутая, но вот как мне все это представляется: просто ради нас, чтобы мы могли быстрее достичь того места, которое нам нужно, Мало съедает время. И потому мы движемся, как на вашем Пегасе, с фантастической скоростью. Но для всех остальных время продолжает течь, так ведь? И для людей, и для животных, и для звезд. Если «черные дыры» образуются умирающими звездами, значит, время этих звезд истекло и они исчезают. В подпространстве нет времени, как не существует времени для человека, умершего и погребенного под землей. Потому мы снова умираем, а потом снова воскресаем в совсем другом мире и в совсем другом времени. Разве не так?

– Так, – машинально согласился Ники, хотя ничего не слышал из ее объяснений, занятый своими мыслями. – Но тогда, Нуми, тогда это означает, что и из Земле, и на Пирре...

Его слова были прерваны жалобным плачем. Девочка бросилась ему на грудь, хрупкое ее тельце затряслось от рыданий.

– Нуми! Ну что ты... в чем дело? – Он неловко обнял ее, пребывая в полной растерянности.

– Значит и на Пирре! И на Пирре... Там еще больше... – говорила, всхлипывая, девочка.

Только сейчас она осознала, чем обернулось ее легкомысленное желание увидеть Землю, увидеть другие миры. Несмотря на всю свою ученость, она оставалась ребенком и, как любой ребенок, не задумывалась о последствиях тех забав и шалостей, которые вначале могли показаться веселыми и интересными. Сейчас ее родные, может быть, еще живы, но когда она вернется на Пирру, там уже не будет того, что ей знакомо и близко. Потому что в космосе нет «сейчас». Там каждый из миров живет в своем, различном от других «сейчас».

Николай силился вспомнить, что он читал о теории относительности. Здесь, в космосе, чтобы добраться от одной звезды до другой, нужен такой вот Мало или Пегас, или ракета, такая же быстрая, как они, чтобы съесть и выпить время, отделяющее тебя от этой звезды. Но вместе со временем исчезнет и весь твой прежний мир, в противном случае ты не сможешь оказаться в другом мире. Ужасно! Чтобы познать другой мир, нужно потерять свой, может быть, лучший и более красивый! Ради каких-то тупых «сомо кусапиенсов», которые только и знают, что кусаться и с многозначительным видом топорщить усы, потерять целую Землю, потерять целую прекрасную Пирру, которую ты даже еще и не видел! Выходит, сейчас его родители уже давно унесли с собой в могилу тревоги о нем. И нет уже ребят с их двора. И школа давно рухнула или же на ее месте построили другую... Потому что если он сейчас вернется на Землю, то окажется в ее далеком будущем. Может, оно, это будущее, и лучше того, что было, но оно не будет принадлежать ему...

Жвачка застряла у Ники в горле вместе с рыданиями, и он выплюнул ее в темноту. Это помогло ему сдержать первый приступ плача и он услышал душевнораздирающие рыдания девочки, почувствовал на губах соленую горечь ее слез. Ее безудержное отчаяние заставило его собрать последние крохи мужества. В темноте он нащупал ее головку и стал легонько гладить ее по волосам.

– Не плачь, Нуми! Будет тебе, хватит! Так даже интереснее жить. Ну что сейчас делают другие люди? Плетутся вслед за своим временем и все на одной и той же планете. Мы по десять и даже пятнадцать лет теряем на школу и университет, чтобы хоть что-нибудь, совсем немного узнать о мире, да и это, к сожалению, впоследствии оказывается ошибочным. Вот ведь даже твой искусственный мозг не знает, что творится в других мирах. Это конечно жестоко, но за любое знание надо платить, люди иногда всей жизнью за это расплачиваются, а мы с тобой живы и здоровы, мы с тобой вместе и нам весело... И мы с нашим Пегасом сможем увидеть сколько угодно других миров, какие только пожелаем. С нашим Мало, я хотел сказать, – исправился он, но тут же решил, что за это Мало на него не обидится. Наверное, воспримет это просто как одно из имен, которое ему дали люди, мечтающие обогнать время, чтобы увидеть и узнать больше, чем им отпущено судьбой.

Он шептал ей эти слова, а голос его становился все более хриплым, гораздо более хриплым, чем полагалось для переходного возраста. Он даже удивился, что ему приходят в голову такие странные, но хорошие мысли.

– Не плачь. Вселенная полна умными и добрыми людьми. Мы расскажем им о том, что видели, и они будут нам благодарны за это, потому что у них нет такого Мало. Они еще будут завидовать нам, потому что останутся медленно умирать на своих планетах, а мы будем умирать только в подпространстве и снова воскресать в новых пространствах, и, вероятно, останемся вечными, как вечен этот наш волшебный конь. Ну что же ты, успокойся. Выключи все свои мозги и постарайся уснуть.

Последние слова он произнес совсем тихо, так как ему показалось, что она уже засыпает, и осторожно отодвинулся от нее. Но девочка снова прижалась к нему и, прерывисто всхлипывая, выдохнула ему в ухо:

– Ты... ты такой... очень...

Она не успела договорить, забывшись сном отчаяния. Даже дыхания ее не было слышно. Ники встревожился. Но нет, ничего, грудь ее медленно, но равномерно вздымалась. Тогда он сам поспешил уснуть спасительным сном, и уже во сне вволю выплакаться, потому что ему тоже было необходимо поплакать.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Вновь в подпространстве.
Как ведут себя вирусы.
В какую сторону вращается мир

Ники потянулся под лучами яркого солнца, пробивавшегося сквозь веки, и тут же вспомнил свой сон, в котором он убегал от кого-то страшного и о чем-то горестно и неудержимо плакал. Он открыл глаза. Никакого солнца и в помине не было. На коленях возле него стояла Нуми и улыбалась ему. А яркий свет, который он принял за солнечный, шел от маленького фонарика, лежавшего у ее ног.

– Не бойся, – сказала она ему. – Это был только сон.

– Что?

– Ты стоял на берегу моря и объяснял тому существу, что все они не цивилизованные, раз только и знают, что кусаться. А оно, рассердившись, вылезло из воды и погналось за тобой.

– Правильно, – смущенно засмеялся Ники. – Откуда ты знаешь?

Она показала пальцем на свое левое ухо.

– Извини, я больше не буду! Но я проснулась от того, что ты плакал, и захотела понять, почему ты плачешь и помочь тебе. Но это было в другом сне, не про чудовище. Я так и не успела понять, почему ты плачешь. А потом тебе приснилось чудовище.

Ники потрогал свои щеки и почувствовал, что они шершавые от высохших слез, и сразу понял, почему плакал во сне. Ему снова захотелось заплакать, но этого нельзя было делать.

– Я уже его выключила, – успокоила его девочка, поворачиваясь к нему ухом.

Он заглянул ей за ухо, но, конечно, ничего не увидел, кроме небольшого выступа под кожей. Нельзя было понять, нажала ли она на кнопку, но тем не менее он с важностью сказал:

– Хорошо.

– Хорошо да не совсем, – засмеялась она. – Как же я буду говорить с Мало?

– Ну ладно, включи его тогда, – согласился Ники и постарался не допускать плохих мыслей.

Она нажала пальчиком за ухом и прислушалась. И уже в следующий миг в панике ринулась к шлемам.

– Быстро! Будем проходить через подпространство. Только они успели надеть шлемы и застегнуть их, как страшной силы удар, которым Мало пробивал пространство, или же сопровождавший его ныряние в очередную «черную дыру», снова швырнул их на пол, распластав как марки по мягкой поверхности его чрева. Ники все же удалось глотнуть немного лекарства из трубочки. Затем последовало небытие, а затем – никто не в состоянии сказать, когда точно – раздался удар нового времени, в котором они воскресли. Оно обрушилось на

них буйным горным потоком, ошеломило, но и освежило тоже, как освежает чистая родниковая вода.

«Буф-ф! – воскликнул про себя Ники, который теперь даже в мыслях начал повторять странное словечко Нуми. – Ну и дает этот Мало. Не хватает, что одного как перст оставил, а тут еще такого страха нагоняет!»

Снимая шлем, Нуми спросила его:

– Какой перст оставил?

– Ты же обещала не подслушивать?! – рассердился Ники. – Какой перст, обыкновенный. Одного значит оставил, без семьи. И не только меня, но и тебя тоже. Разве у нас есть теперь семья? Нету!

– Нету, – дрожащим голосом подтвердила Нуми.

– Ну ладно, ладно! Только мне не хватает, чтобы ты опять разревелась, – гневно вскричал он, потому что ему самому хотелось зареветь. – Я проголодался. Веди меня в ту кастрюлю, а то я с голоду помираю!

Он, разумеется, заставил Нуми погасить фонарик, когда они раздевались у котла с кашей.

– Нужно уважать обычаи и законы чужой цивилизации, – напомнил он ей.

Потом, когда они уже сидели в питательном растворе, погрузившись в него по шею, он принялся рассуждать в темноте:

– То, что мы сейчас делаем, похоже на симбиоз. Симбиозом называют такое состояние, когда два живых существа совсем различных видов живут вместе или одно в другом. Вот и мы сейчас вроде микробов. Так же, как они живут и питаются в наших телах, так и мы живем и питаемся в Мало. Только ведь есть микробы вредные, а есть и полезные. Полезные тоже живут в нас, но они приносят нам пользу – помогают переваривать пищу и всякое такое. А вредные приносят нам болезни. Так что же мы для Мало? Приносим ли мы ему какую-нибудь пользу?

– Не знаю, – откликнулась в темноте Нуми. Ники вдруг стал отплевываться – каша чуть было не попала ему в рот.

– Не знаешь! Такие важные вещи и не знаешь! А если он от этого заболеет? Если умрет?

– Ты ведь сам говорил, что он бессмертный?

– Говорить-то говорил, но ведь, наверно, и пегасы, если они вообще когда-то существовали, повымирили от таких вот, которые ездили на них, когда им вздумается.

– Мой искусственный мозг ничего об этом не знает, – заявила Нуми. Похоже, она поторопилась спросить его об этом. – Случаи, подобные нашему, ему неизвестны.

– Вот видишь, – тоном наставника продолжил Николай. После того, как она рыдала у него в объятиях, как ребенок, к нему вернулось мальчишеское чувство покровительственного превосходства. – Ведь ты забралась в него, как вирус. Когда вирусы попадают в клетки нашего организма, они меняют их настрой как программу. Вот и ты изменила его программу, потому он тебя и слушается. А для него самого это может быть болезнью. Может, это причиняет ему боль. Нет, мы тоже должны сделать для него что-нибудь.

– Но что?

– Ты лучше знаешь.

– Я же говорила тебе, что ничегошеньки о нем не знаю. Просто я представляю себе то, что мне хочется, а он или выполняет это желание, или нет. И мне внушает, что делать.

– Тогда представь себе, что бы нам хотелось для него сделать.
– А тебе что хочется? – спросила Нуми, согласившись с его предложением.
– Еще не знаю, – смущенно промямлил Ники.
– Вот видишь, и ты не знаешь, – торжествующе заявила девочка. – А мне хочется его погладить, сказать ему что-нибудь хорошее, но я это уже не раз делала и знаю, что он вовсе не нуждается в этом.

– Надо подумать, – с пущей важностью заявил Ники, желая скрыть охватившую его тревогу за судьбу Мало, которая теперь была и их судьбой.

Он поднялся и стал вылезать из котла.

– Эй, вирус, что-то ты очень быстро наелся! – весело крикнула ему Нуми, которую, похоже, их судьба вовсе не тревожила.

Конечно, Ники еще не успел насытиться, но ему надоело мокнуть в этой теплой каше. От тревоги и голода в животе у него, казалось, скреблись «сомо кусапиенсы», но он решил не злоупотреблять таблетками, хотя в темноте спокойно мог бы незаметно проглотить одну. Ведь неизвестно, сколько они еще пробудут в космосе. А вот одну жевательную резинку он все же засунул в рот. Ему удалось переложить в карманы скафандра все свои жвачки вместе с остальными вещами: носовым платком, ручкой и альбомом, который дала ему Даниэла; он положил туда и разноцветный стеклянный шарик, и целую пригоршню скобок для рогатки, которую Мало не признал оружием. А одежда ему, очевидно, еще не скоро понадобится.

Сейчас, беззвучно жуя, он пробирался вслед за Нуми по кишкам-коридорам и старался запомнить дорогу, потому что теперь и ему это будет необходимо. А еще он пытался представить себе, как стал бы вести себя на его месте вирус. Ему это нужно было понять, чтобы научиться управлять программой Мало, и потом суметь вернуться на Землю.

Однако человеку очень трудно вообразить себя вирусом. Тот, кто пробовал, несомненно подтвердит это. Хотя, с другой стороны, вокруг нас полно людей, которые ведут себя именно как вирусы: они изменяют программу своих близких, доводят их до болезней, замучивают до смерти.

Когда они снова очутились в зрачке Мало, их ждал новый сюрприз. Перед ними росла, приближаясь, большая красивая планета, окутанная нежной голубовато-розовой вуалью и рваными клочьями облаков. Среди них виднелась сама планета – где зеленая, где голубая, где коричневая.

– Очень походит на Землю, – радостно воскликнула Нуми.

– Это не Земля, – возразил Ники, мысленно представляя глобус в кабинете географии. – Континенты другой формы. Может, это твоя Пирра?

– Нет, и не Пирра. Ты знаешь, мне кажется, что эта планета вертится не так, как наши, а в обратную сторону.

– Что ж тут такого! Я где-то читал, что и в нашей солнечной системе есть планеты с обратными орбитами.

– А что если мы попали в систему, целиком обратную нашей?

Он никогда не слышал о таких системах, зато читал о куда более страшных вещах.

– В антивселенную? С антивеществом? При соприкосновении с ними наша Вселенная и все ее вещество просто взорвется и исчезнет.

– Нет, антивселенная – это совсем другое. А в обратных системах вещество то же самое, только вращение электронов происходит в обратную сторону. У нас они вращаются справа налево, – сказала Нуми. Вполне возможно, что в космосе существуют целые такие системы, вращающиеся в противоположную сторону по сравнению с нашими, правда? До сих пор мы их не встречали и

поэтому вообще не знаем, как они выглядят и как мы себя в них будем чувствовать.

Ники не остался в долгу.

– Э-э, – насмешливо протянул он, – я-то думал вы все знаете. Наговорила целый короб ученых слов, а что выходит... Нормально себя будем чувствовать, будь спокойна! Раз Мало доставил нас сюда... Он-то знает, что к чему. Пошли собираться, а то у меня уже ноги по ходьбе плачут.

– Как это они у тебя плачут? – удивилась девочка с Пирры, но так и не увидела никаких слез, потому что в зрачке Мало стало совсем темно.

– Плачут, конечно. Мы тут все лежим или сидим, а им побегать хочется, – засмеялся Ники, исполненный самых радужных надежд перед встречей с красивой планетой, на которую они уже спускались.

2

Мало бросает своих пассажиров. В какой мере человек должен быть чувствительным

– Странно, – сказала Нуми, когда они выбрались наружу. – Не улавливаю никаких излучений. Ни радио, ни телевидения, как на вашей планете. Если здесь живут люди, то как же мы выучим их язык?

Ники это ничуть не обеспокоило, потому что ноги его уже радостно хохотали, подминая настоящую зеленую траву, а воздух был таким же вкусным, как в пионерском лагере во время утренней поверки. И вроде как ничто не вертелось в направлении, противоположном земному. Ники проскакал по поляне по кругу, потом прошелся зигзагами, словно спущенная с поводка охотничья собака. Он с удовольствием повалился бы в траве, но ему было стыдно перед пирранской девочкой.

А та с беспокойством осматривалась вокруг, желая как можно скорее отправиться на поиски людей.

– Иди сюда! – прикрикнула она на него. – Давай сверим компасы и часы. Хватит тебе скакать, как зампа!

Ники остановился возле нее, запыхавшись от бега.

– Как кто?

– Как зампа, – ответила она и, заметив, что он готов обидеться, поспешно добавила: – Это очень милое существо, все на Пирре его очень любят.

Тем не менее Ники почувствовал себя задетым.

– Если ты – экспериментальная, то я – нет, и мне хочется побегать, как нормальному человеку, а не как какому-то там животному, ясно тебе?

– Мне тоже хочется побегать, но сначала нам надо решить, что делать. Дай, я поставлю твой компас и часы.

Он протянул ей левую руку, на которой был ремешок с приборами. Нуми подкрутила верхнее кольцо компаса, задав направление светящейся стрелке, глянула в сторону Мало, чтобы проверить, правильно ли она определила направление, и испуганно вскрикнула.

Ники тоже обернулся, но крик застрял у него в горле. Длинный, как желтый перезрелый огурец, Мало висел в ста метрах над поляной и поднимался все выше.

– Позови его! Быстро!

Прижав палец к уху, Нуми отчаянно зашевелила губами в немом призыве, однако Мало не прореагировал. Через несколько секунд он и вовсе исчез в голубизне чужого неба. Словно никогда его и не было. Даже трава под ним ничуть не примялась.

– Он сказал тебе что-нибудь? Глаза Нуми были полны слез.

– Нет.

– Вот видишь? Он просто бросил нас, чтобы избавиться, как от вредных вирусов. Надо было нам сделать для него что-нибудь... Вот, и учебники мои унес, и портфель...

– Я звала его. Представляла, как он снова прилетает и снова забирает нас, и мы летим к другим мирам...

– Может, твое желание не было достаточно сильным? – с сомнением в голосе произнес Ники. Лично он пока не чувствовал особой охоты отправляться к другим мирам.

Поляна и холмистые возвышения на горизонте, нечто похожее на речку, и лес рядом с ней – все это выглядело настолько земным, что, пожалуй, можно будет и кое-какую еду раздобыть.

– Не знаю, – ответила Нуми дрожащим голосом.

– Ничего, и без него справимся! – заявил Ники, не столько чтобы утешить ее, а чтобы подавить собственный страх.

– Я чувствую, что он вернется.

– Эх, знала бы ты, сколько я всего переживал за свою жизнь, – сказал Николай с таким видом, будто прожил по меньшей мере сто лет. – Пошли!

– Куда?

– Ты скажешь, куда, ты ж умнее, у тебя два мозга.

– Ты на меня сердишься? Почему?

– А кто захотел сюда прилететь?

– Неужели вы, земляне, все такие – несправедливые? Я... я...

– Ладно, хватит. Слезами горю не поможешь! Я предлагаю идти направо.

Личико Нуми просветлело.

– Мы с тобой думаем совсем одинаково. Я тоже решила, что надо идти направо.

Они одновременно двинулись с места и пошли... в противоположные стороны.

– Ты куда? – Ники остановился, почувствовав, что девочки нет рядом.

– А ты почему туда пошел?

Тут они разом захохотали. Ведь они стояли лицом к лицу, и когда пошли направо... Всем известно, в природе нет «лево» и «право», это человек их определяет в отношении себя.

Желая показать себя кавалером, Николай вернулся назад, и тут ему в голову пришла прекрасная идея. Он вытащил из кармана скафандра лезвие.

– Покажи мне, как работает эта штука. Мы поставим здесь большой знак-отметину, чтобы знать, где были. А потом придем сюда и будем ждать Мало.

– Ты – молодец! – похвалила его Нуми. – Только не надо быть несправедливым. Обещай мне, что никогда больше не будешь несправедливым. Мне от этого стало так больно. Вам, очевидно, не больно, раз вы так...

– Почему, и нам больно, – смущенно отозвался земной житель.

– Тогда почему...

– У нас на Земле все очень непросто. Сейчас нет времени тебе объяснять. Давай лучше очертим здесь круг и снимем дерн.

На приборе для резания была кнопка, передвигавшаяся взад-вперед, совсем как на земных электрических фонариках. Чем дальше вперед ее передвигаешь, тем глубже режет невидимое лезвие. Похоже все-таки, это был лазерный или какой-то другой луч, потому что лезвие разрезало почву в мгновение ока, словно бы расплавляя ее.

Они очертили большой, довольно кривобокий круг и начали резать, двигаясь друг другу навстречу. Затем нарежали круг на квадраты и принялись выворачивать толстые куски дерна и складывать из них пирамиду, которую можно было заметить издалека. Всякий раз, когда они отваливали очередной кусок дерна, из-под него в паническом страхе разбегались в разные стороны мелкие букашки. Одни прятались в соседней, не потревоженной еще траве, другие зарывались в глубь черной земли.

– Вот видишь, мы сейчас тоже поступаем несправедливо, – заметил Ники. – Ведь все эти букашки ни в чем не повинны, а мы, может, и убили кого-нибудь из них, сами того не желая.

При этих словах Нуми сразу же перестала вспарывать землю.

– Я это только так сказал – для примера, чтобы ты убедилась, что не все так просто.

Однако она отказалась продолжать работу, и Ники сам построил пирамиду. Осмотрев ее, он очистил перчатки от земли и великодушно предложил:

– Говори теперь – где право, а где лево. Неуверенно, словно забыв, куда надо идти, она подняла правую руку.

– Хорошо, туда и пойдем, – согласился Ники, хотя до этого намеревался идти в противоположном направлении.

Держась рядом, ребята молча зашагали к неизвестности. Их шлемы, откинутые на спину, беззвучно покачивались в такт ходьбе.

– Я так проголодался, – признался Ники, когда они прошли сотню шагов, – что готов хоть траву есть.

– Проглоти одну таблетку, – великодушно предложила Нуми.

– Нельзя. Сейчас, когда с нами нет Мало, кормить нас некому. Но если ты не возражаешь, жвачку я бы...

– Хорошо, я не буду на тебя смотреть.

– Почему не будешь на меня смотреть?

– Потому что когда ты жуешь, у тебя отвратительный вид, – чистосердечно призналась она, и Ники не посмел достать жвачку из-за уха.

Из-за этого у него испортилось настроение, и он решил, что больше не скажет ни слова. Прекрасная поляна все не кончалась, а сердиться на кого-нибудь и молчать даже в мыслях ужасно трудно. Одним словом, шагов через сто Николай снова не выдержал.

– Если ты устала, давай отдохнем.

– Я не устала, – коротко ответила девочка.

– Ты все еще сердишься на меня? – спросил Ники, забыв о том, что это ему полагалось быть сердитым.

– Нет, но мне горько.

– Отчего?

– Потому что мы были несправедливы. Я не знала, что от этого тоже бывает горько. Думала, что только тогда, когда к тебе несправедливы...

– Слишком ты чувствительная!

– А это плохо?

Что на это скажешь? Действительно, хорошо или плохо быть чувствительным? Вероятно, многие сталкивались с этой проблемой, и всякий раз оказывались в затруднительном положении.

– Это очень сложный вопрос. Иногда это хорошо, иногда – нет.

– А сейчас – как? – Нуми, видимо, решила не оставлять его в покое, постоянно задавая свои глупые, как ему казалось, вопросы.

– Сейчас это плохо. Мы не знаем, где находимся и что нас ждет...

– Тогда я не буду. Постараюсь не быть чувствительной.

Он с удивлением взглянул на нее и, смягчившись, сказал:

– Женщина всегда должна быть чувствительнее мужчины. Это ей идет.

– А на сколько чувствительнее?

– Ну и вопросы ты задаешь! Спроси что-нибудь полегче.

– Если тебе неприятно, я не буду больше спрашивать!

Нет, с этой девчонкой все-таки что-то происходит. Такая стала послушная, что дальше некуда. Может, она признала его превосходство? Или просто испугалась после того, как Мало их бросил? Так храбро себя вела о «сомо кусапиен-сами», а тут?.. Ну, конечно, просто она испугалась! Сколько бы мозгов ни было у девчонки, а все-таки в храбрости ей с мальчиком не сравниться. Потому-то она сейчас и подчиняется ему с такой готовностью.

Признаться, от этой мысли Ники и сам немного струхнул – ведь теперь он должен быть предводителем, теперь ему и за нее надо отвечать! Он даже вспотел в скафандре. Хотя, может, это чужое Солнце уж слишком негостеприимно жгло их обнаженные головы.

– Нет, я не против твоих вопросов, – сказал он, чувствуя себя намного старше из-за ответственности за их судьбу. – Раз ты из другой цивилизации, то должна задавать вопросы, иначе как ты сможешь нас понять? Только сейчас не время. Давай-ка лучше включи свой второй мозг. Пусть он наблюдает, пусть записывает, может, и подскажет нам, что делать.

Она послушно нажала кнопку, а он постарался больше не отвлекаться по пустякам.

Это удалось ему без труда, так как странного вида куча, которая маячила вдали, вроде как зашевелилась и вполне могла оказаться кучей живых существ. Ники быстро достал из кармана газовый пистолет, так как одной рогаткой со скобками тут явно было не управиться.

– Что ты делаешь! – тихо вскрикнула Нуми. – Ты их обижаешь!

– Как это я могу их обидеть, когда я даже не знаю, кто это!

– Вот именно. Ты еще их не видел, а уже считаешь их врагами.

– Слушай, – тоже шепотом отозвался он, хотя незнакомые существа были еще далеко, – ты ведь обещала быть менее чувствительной? Так что теперь будешь слушаться меня! Я подчинялся тебе, пока мы были в Мало, а здесь позволю распоряжаться мне.

Да, издалека эта планета действительно не была похожа на земной глобус, но все, что Ники на ней увидел, очень походило на земное, и от этого он чувствовал себя увереннее. И если те существа впереди окажутся овцами, несмотря на странный оранжевый цвет, значит, все в порядке.

Знакомство с Цуцу. Какой вкус у апельсинов, поджаренных на машинном масле

И все же что-то было не так. Там, где у земных овец были головы, у этих животных висели толстые оранжевые хвосты. Зато на месте хвостов торчали головы. Сбившиеся в круг животные встретили их хвостами наружу. Встретили полным молчанием. Очевидно, хвостами они блеять не умели. Головами же уперлись друг в друга и словно перешептывались о чем-то.

Городской житель Николай Буяновский овец кроме как по телевизору никогда не видел и потому сразу подумал, что они действительно попали на планету, где все наоборот.

Внезапно рядом со стадом поднялась огромная грязно-оранжевая копна, странно похожая на человека. Однако ребятам трудно было понять, действительно ли это человек, так как лица его они не видели из-за низко надвинутого на голову мохнатого капюшона, от которого до самой земли спускалась такая же лохматая и толстая бурка. Похоже, она была сделана из шерсти этих обратных овец. Но вот странная копна выпростала руку из-под бурки и немного приподняла капюшон. Показалась морковно-красная борода, над которой все же имелось нечто похожее на нос и глаза.

– Кажется, он весьма умен, – сказала Нуми, смерив взглядом оранжевого пастуха. – Он сразу же догадался, откуда мы. В мозгу его появились звезды.

Капюшон склонился в глубоком поклоне. Ники в ответ тоже поклонился. Несколько поколебавшись, Нуми тоже поклонилась. А потом шепотом сказала:

– Нам не следовало этого делать. В мыслях у него появилось смятение.

Оранжевая копна что-то пробормотала.

– Постарайся выучить его язык, – шепнул Ники девочке, а вслух произнес: – Добрый день. Мы – пришельцы из другого мира. Из двух других миров. А как называется ваша планета?

– Он испугался, – тихо сказала Нуми и шагнула к пастуху.

Она несколько раз ударила себя рукой в грудь и произнесла:

– Я – Нуми. Он, – Нуми указала на Ники, – Ники. – Потом отважно прикоснулась к бурке пастуха. – А вы?

Из-под капюшона донеслось нечто вроде «цуцу».

– Цуцу?

– Цуцу! – более внятно подтвердил пастух. Воздев руку к Солнцу, Нуми сказала:

– Солнце.

– Додо. Додо! – донеслось из щели между огромной бородой и низко надвинутым капюшоном.

– Он понимает, – радостно объявила Нуми. – Я выучу его язык. Ты займись пока чем-нибудь.

Легко сказать: займись! Единственно, чем Ники хотелось бы сейчас заняться, так это чего-нибудь пожевать. Но только не жвачку, от которой еще больше терзал голод. Кроме того, оказывается, жвачка делала его уродливым. Интересно, а эта трава съедобна? Хотя овцы ее не едят...

– Цуцу! – обратился Ники к пастуху и, показав пальцем на свой рот, принался усиленно жевать, затем погладил себя по животу.

Пастух, перед которым ребята казались совсем крошками, проворно вытянул из-под бурки какой-то жирный шар желтоватого цвета и протянул его Ники.

Ники поднес шар к носу. Он был мягким на ощупь и издавал весьма странный запах.

– Чем пахнет? – заинтересованно спросила Нуми.

– Апельсинами, поджаренными на машинном масле и приправленными крысиным ядом.

– Не могу себе представить этот запах.

– Я – тоже, – признался Ники.

– Не ешь это. Еще заболеешь.

Однако у Ники челюсти сводило от голода. Впервые за столько времени он держал в руках нечто, предназначенное для еды.

– Если только он не завертится направо, я его съем за милую душу.

Он отщипнул от шара маленький кусочек и засунул его в рот. Размял языком, осторожно пожевал, задумался, словно вслушиваясь в то, что происходит у него внутри, потом ухмыльнулся.

– Не завертелся.

– Дурачок! Заболеешь ведь, вот увидишь, – предупредила его Нуми, но любопытство явно взяло в ней верх. – Какой у него вкус?

– Такой же, как у апельсинов, поджаренных на машинном масле, – со смехом ответил Ники и с жадностью впился зубами в желтоватый шар, как вконец изголодавшаяся собака. – Хочешь кусочек?

– Нет, – сердито отвергла его предложение Нуми. – Противно на тебя смотреть. Ты снова стал некрасивым.

– А ты отвернись, – ответил он с набитым ртом. – Учи язык, не теряй времени зря.

Отвернувшись от него, Нуми принялась оживленно расспрашивать о чем-то пастуха. Она показывала то на траву, то на части своего тела, то на овец. Серебристые рукава ее скафандра мелькали как молнии. Пастух тоже выпростал руки из-под бурки и начал помогать себе жестами, отвечая на ее вопросы. Рукава его одежды были сделаны из такой же лохматой оранжевой шерсти, что и бурка. Заметив, что мальчик проглотил последние остатки шара, он достал из-под бурки еще один, который Ники с готовностью принял.

– Спроси его, что это такое! – приказал он Нуми. И, удивительное дело! – пирранской девочке удалось произнести несколько слов на языке пастуха и даже связать их в нечто похожее на предложение. Разумеется, она помогала себе и руками.

Пастух указал в сторону овец, которые продолжали стоять неподвижно, повернувшись к людям хвостами.

– Так я и подумал, – сказал Ники. – Только вкус у него совсем не такой, как у нашего сыра.

– Не мешай! – прикрикнула на него Нуми.

«Тоже мне, раскомандовалась», – сказал себе Ники и отошел в сторону. Уселся на траву и теперь уже не так жадно принялся поедать второй шар. Желудок его, казалось, скулил от удовольствия, как щенок, которого погладили по шерстке. Насытившись, он лег на спину и уставился в небо. Смотреть там было особенно не на что: воздух, редкие, небольшие облака, горячее Солнце, походившее как две капли воды на земное. «Красота! – подумал он. – Но только бы недолго ею любоваться. Хоть бы Мало вернулся, не то нам – крышка. Может, он отправился туда, где есть песок, чтобы подзаправиться? Или же под-

лечиться, если мы вдруг заразили его какой-то болезнью? А может, просто скрывается, раз не любит показываться людям на глаза... А вдруг он решил совсем избавиться от нас и оставить здесь навсегда? Но тогда он должен был бы выбрать для нас подходящую планету с хорошими людьми. Раз уж он такой добрый. Пока эта планета вроде как ничего – красивая, но вряд ли на ней живут одни пастухи да овцы...»

Ники сел, чтобы еще раз оглядеться, и увидел, что Нуми уже довольно свободно болтает о чем-то с пастухом. «Великая вещь – язык!» – подумал он. Если они когда-нибудь доберутся до Пирры, он непременно попросит, чтобы и ему засунули в голову такой волшебный мозг. Тогда он им покажет, тем, которые на Земле, и по части языков, и вообще...

Однако в следующий миг ему пришло в голову, что, когда он вернется на Землю, где пройдут века, ему и показывать-то будет нечего, небось, и у землян будет по меньшей мере два мозга. Ему стало грустно и жарко.

– Ты скоро кончишь? – крикнул он Нуми.

– Да, – отозвалась она. – Мысли этого пастуха исключительно бедны. Он почти ничего не может мне рассказать.

Вспомнив, что причиной всех его тревог была Нуми и этот ее Мало, Ники с издевкой заметил:

– Конечно, у вас на Пирре пастухи умнее!

– У нас нет пастухов.

– И то правда, вы же одни таблетки едите!

– Мы едим не только таблетки, но и животных не убиваем, как вы, чтобы употреблять их в пищу! Мы все производим сами. Пошли!

– Куда?

– Пастух рассказал мне, что неподалеку живут другие люди. Здесь люди делятся на две категории – звездные и беззвездные. Только я не поняла, какая между ними разница. Сам он относится к беззвездным. Спросил меня, какими мы будем, и когда я ему сказала, что мы с других планет, он снова перепугался и принялся кланяться. Потом, правда, успокоился. Сказал, что мы, очевидно, не настоящие звездные люди, потому что звездные не разговаривают с беззвездными. А кроме того, они сейчас спят. Они днем спят, а ночью – бодрствуют. Может, поэтому их и называют звездными.

Ники подошел к стаду и с некоторой опаской подергал одну овцу за хвост. Животное подняло голову и кротко посмотрело на него, ну совсем как земная овца.

– Спроси его, почему овцы так стоят.

Указав на овец, Нуми что-то спросила. Пастух ответил, указав пальцем на Солнце.

– Они так стоят, потому что им жарко, – перевела его слова Нуми. – Когда Солнце зайдет, они повернутся и начнут пастись.

– А ему самому не жарко?

Нуми отважно подергала пастуха за бурку и произнесла три незнакомых слова. Пастух ответил ей длинной тирадой.

– Ему не жарко. Днем жарко только звездным людям. Беззвездным – холодно. Я тоже его не понимаю, – добавила она, уловив в мыслях Ники недоумение. – Когда мы найдем этих звездных, тогда больше узнаем.

– А от какого человеческого племени они происходят? Не от того ли случайно, которое возглавлял... как его там... Утнапиштим?

– Он ничего не знает об их происхождении, не знает даже как называется их планета.

– Тогда пошли. Этот беззвездный не представляет никакого интереса. Таких и у нас хоть отбавляй.

– Ты снова начинаешь думать дурно, – с укором произнесла Нуми. – А ведь он дал тебе поесть.

Тогда Ники вытащил из кармана одну из своих жевательных резинок и дружелюбно протянул ее пастуху.

Огромный пастух робко взял тоненькую пластинку в пестрой блестящей обертке. Было видно, что она ему понравилась. Подумав, что надо бы показать, как обращаться с подарком, Ники забрал у него жвачку, медленно развернул фольгу и только тогда поднес ее к губам пастуха. Он нарочно сильно задвигал челюстями, демонстрируя, что надо делать. Послушно пожевав несколько раз, пастух тут же проглотил жвачку.

Ники хотел было помешать ему, но было поздно. Кроме того, глаза пастуха сияли нескрываемым счастьем, так что любые объяснения становились ненужными. Он просительно протянул свою огромную ручищу к пестрой обертке. Разгладив ее хорошенько, Ники подал ее ему, в ответ на что тот так просиял, что даже нос его засветился, словно свежевывмытая морковка, и принялся так усердно кланяться в знак благодарности, что капюшон опять закрыл лицо до самой бороды. Не обращая на это внимания, он достал из-под бурки третий шар странного сыра.

Ники принял подарок, хотя сейчас сыр показался ему довольно противным. Тем не менее не следовало обижать человека, к тому же, неизвестно, когда еще они смогут раздобыть еду. И Николай поклонился в знак благодарности. Пастух ответил ему таким глубоким поклоном, что борода его коснулась травы.

И Нуми тоже поклонилась. У нее получилось это очень кокетливо и мило. «Как это у нее здорово выходит! – отметил про себя мальчик. – Она все-таки мировая девчонка!»

Нуми весело погрозила ему пальцем.

– Слушай, читай-ка лучше его мысли, – сердито буркнул Ники. – Оставь меня в покое!

– У него сейчас нет никаких мыслей. Он просто радуется бумажке, которую ты ему дал.

– Тогда не будем ему мешать, – предложил Ники и, чтобы скрыть смущение, махнул на прощанье пастуху рукой. – Чао!

Но пастух, очевидно, даже итальянского не знал и потому ничего не ответил.

4

На кого нападают духи. Все ли в Галактике храпят

Они прошагали несколько часов, но так и не увидели никакого селения. Очевидно, пастух неправильно им объяснил, чем тоже здорово напоминал земного пастуха. Тот, кому на Земле доводилось хоть раз спрашивать у пастуха дорогу, подтвердит, что слова: «Да это совсем рядом, во-он там!» – означают по крайней мере три–четыре часа ходьбы.

Время от времени ребята останавливались передохнуть, и Ники откусывал понемногу от жирного шара. Нуми наотрез отказалась отведать деликатес, объяснив это тем, что не голодна. Впрочем, иди их пойми – женщин с Пирры.

Может, они такие же, как его мать и ее подруги? Те тоже отказываются от еды, особенно от наиболее вкусных вещей, словно в них яд. А главное, все равно не худеют. Но зачем Нуми, тоненькой, как стебелек, соблюдать диету?..

Только к вечеру они набрали на какую-то одинокую постройку. Это был очень странный дом. Широкий внизу, он кверху сужался, этажи его вились словно по спирали, делая его похожим на раковину улитки. Однако раковину покинутую, потому что здание это совсем обветшало. В нем не было даже дверей, а только темнел вход в туннель, уводящий куда-то вглубь.

Ники подошел к туннелю и крикнул «Алло?», но крикнул шепотом, как обычно он разговаривал по телефону с классной руководительницей, сбивчиво объясняя ей, почему не сможет прийти в школу на следующий день.

В доме все безмолвствовало.

– Войдем? – шепнула ему Нуми.

– А вдруг там живут духи? – ответил он ей еще более таинственным шепотом.

Ники, конечно, шутил, но девочка с Пирры, как водится, не поняла его шутки. Пришлось рассказать ей кое-что о духах и привидениях.

– Вообще ассортимент богатый, – заключил Ники. – Вурдалаки, вампиры, оборотни, кикиморы, русалки...

– Ну а взаправду-то они существуют?

– Буф-ф, – воскликнул он, – так ведь о чем я тебе столько времени толкую: это все только поверья, которые бытуют среди темных, неграмотных людей. Привидения! Если в них веришь, они тебе и являются. А коли не веришь, то их и нет.

– А ты в них веришь?

– Что ж я, по-твоему, совсем темный?

– И тебе не страшно?

– Как я могу их бояться, когда в них не верю? Экспериментальная девочка задумалась.

– Мой мозг тоже говорит, что существование подобных созданий невозможно, так как это противоречит законам природы. Но вот что я думаю, Ники: а вдруг они нападают и на тех, кто в них не верит? Давай-ка лучше уйдем отсюда.

Николаю никогда не приходила в голову подобная мысль: чтобы привидения да нападали на тех, кто в них не верит. Ему вдруг стало страшно. Но ударить в грязь лицом перед девочкой, которая сейчас во всем его слушалась, не хотелось. Он включил фонарик и, опасливо озираясь по сторонам, вошел внутрь здания.

Коридор, повторяя витки улиточной раковины, уводил вверх. Стены его были старые и обшарпанные. Действительно, странный дом! Он совсем не походил на жилой, либо же в нем обитали существа, не похожие на людей. Шедшая сзади Нуми сказала шепотом:

– Этот дом такой старый, что, наверное, и духи в нем давно повымерли!

– Духи – бессмертны, сколько можно объяснять! – в сердцах напомнил ей Ники, раздосадованный тем, что она не только ничего не вынесла из его лекции о духах, но впридачу напоминает ему о них.

Свет фонарика озарял следы всеобщего запустения. Нигде не было видно ни одного более или менее подходящего местечка, где бы можно было переночевать. Никакой мебели и никаких духов. Если они и существовали на этой планете, то наверняка покинули это здание от скуки, ибо им некого было пугать.

– Интересно, на них действует усыпляющий газ? – не унимаясь, продолжала свои наивные вопросы девочка.

– Они не спят, значит – не действует!

– Тогда зачем ты достал газовый пистолет?

Вот ведь зловредная девчонка – все замечает! Он поспешно спрятал в карман свое единственное оружие, чтобы еще раз показать ей, что не боится.

– Я зловредная, – виновато прошептала Нуми, – потому что мне страшно.

Она снова прочитала его мысли. Значит, он даже в мыслях не должен испытывать страха, если действительно хочет не ударить лицом в грязь. Поистине трудная задача. На словах-то каждый может проявлять безумную отвагу, но вот подавить страх в мыслях, когда есть чего пугаться... Попробуйте сами и вы убедитесь, как это трудно.

– Поднимемся на самый верх, – сказал Ники, чтобы окончательно успокоить и себя и ее. – Ночью сюда могут забрести какие-нибудь звери.

Похоже, местным строителям была неведома лестница, так как наверх вел все тот же винтообразный коридор. То там, то сям, справа или слева виднелось нечто похожее на комнаты, хотя и без дверей. Они скорее напоминали ниши в стене и были такие же пустые и грязные, как и все здание.

– Давай наденем шлемы, – предложила Нуми. Так никто не услышит, как мы говорим.

Предложение было дельным и, помогая друг другу, ребята быстро натянули шлемы.

– Переночуем тут, а завтра пойдем дальше, – прошуршало у Ники в ушах.

– Чего ты шепчешь? Ты же в шлеме... – Нуми не очень весело засмеялась.

– Правда, я совсем забыла.

– Ты прямо как наши девчонки, – заявил ей Ники, хотя знал, что и любой земной мальчишка начинает говорить шепотом, когда чего-нибудь боится.

Неожиданно коридор вывел их на широкую круглую площадку под открытым небом. Крыши в доме не было. Ники поспешно выключил фонарик, чтобы его сильный свет не привлек чье-нибудь внимание. На уже потемневшем небе появились первые звезды, собранные в незнакомые земному глазу созвездия. Не было здесь ни Большой, ни Малой Медведиц, а там, где обычно ровно и спокойно светила Венера, мерцало какое-то яркое светило, но это была звезда.

– Очевидно, здесь была смотровая площадка, – громко сказал Ники, желая показать, что нисколько не боится. – Мы и под открытым небом можем спать, вместо того чтобы забиваться в эти грязные ниши.

– Тебе не кажется, что здесь кто-то есть? – прошептала Нуми.

– Ну вот, и тебе уже всюду духи мерещатся, – насмешливо сказал ей Ники. – Не бойся. Даже если они существуют, то остались там, на Земле, им сюда никак не добраться. Уж не Мало ли их доставит?

– А привидения храпят? – уморительным вопросам экспериментальной девочки, казалось, не будет конца.

– Что значит – храпят? Я же тебе сказал: они не спят.

– Тогда кто это храпит?

Николай прислушался и, действительно, уловил нечто похожее на похрапывание.

– Ерунда! Может быть, это местные сверчки так поют.

– Какие еще сверчки?

– Слушай, если я тебе начну объяснять все, что есть на Земле... Ну, это насекомые такие. Они не страшны. Ночью они поют.

– Извини, может, я снова становлюсь зловредной, – виновато прошептала Нуми, – но это вовсе не похоже на пение, а самый натуральный храп.

Похоже, слух у нее был острее, чем у Николая, и он снова прислушался. Теперь и он услышал пусть мелодичное, но самое настоящее похрапывание.

– Раз ты знаешь, как храпит спящий человек, значит, и у вас на Пирре храпят, да? Разве может быть такое, чтобы все обитатели Галактики храпели?

– Все, может, и не храпят, но если обитатели этой планеты когда-то переселились с Земли?.. Ты же видел – пастух очень походил на землянина.

– Ну уж, таких тупых пастухов вряд ли можно найти на всей Земле! Если хочешь знать, у наших пастухов и радиоприемники есть, и телевизоры.

– Извини, – сказала Нуми. – Но что нам делать?

– Как что, разбудим его, конечно. Как же мы заснем, если он станет храпеть всю ночь, – бесстрашно заявил Ники Буян, в глубине души надеясь, что ему предложат спастись бегством.

Но Нуми стала настолько послушной, что безропотно согласилась с ним и на этот раз, и теперь ему надо было действовать быстро и решительно, если он не хотел, чтобы она снова уличила его в лицемерии.

5

Снятся ли плохим людям хорошие сны.

Кому принадлежат звезды

Наши герои прошли мимо последних нескольких ниш в коридоре, даже не заглянув туда, так как решили, что они пустые. К тому же их манил, заставляя ускорить шаг, кусочек звездного неба, показавшийся в конце коридора. И вот сейчас, стоило им снова вернуться в коридор, осторожно ступая на цыпочках, как храп моментально усилился. Ники погасил фонарик и прислушался. Хорошо, что этот волшебный шлем позволял улавливать все внешние шумы, не выпуская наружу их собственные голоса.

– Это – здесь! – сказал он, указывая рукой на ближайшую нишу-комнату.

– Я забыла сказать тебе одну вещь, – зашелестел у самого его уха голос Нуми. – На левой стороне шлемофона есть рычажок. Передвинь его, и ты сможешь видеть в темноте. Я уже вижу его.

Он никак не мог нащупать этот рычажок, и тогда она, взяв его за руку, поднесла ее к рычажку и вместе с ним передвинула его. Лицевое стекло его шлема словно внезапно просветлело, и Николай стал видеть. Впечатление было такое, что он смотрит сквозь темные очки, по тем не менее очертания предметов обрисовывались довольно четко.

Это новое качество волшебного шлема обрадовало Николая, но он не был бы Ники Буяном, если бы тут же не заявил, что такие вещи ему не в диковинку.

– На инфракрасных лучах работает, да? У нас тоже есть такие приборы ночного видения. В танках и самолетах...

Но девочке с Пирры было не до его технических объяснений. Еще более встревоженно она сказала:

– Видишь? Вон там, лежит!

В дальнем конце ниши действительно лежал какой-то ворох одежды, из-под которой время от времени доносилось то громкое, то приглушенное всхрапывание, сопровождавшееся мелодичным посвистыванием носом.

Ребята продолжали стоять в нерешительности, а странный оркестр спокойно вел свою партию.

– Разбудим его? – спросила Нуми, снова взваливая всю ответственность на земного мальчика.

От прежней смелости Ники почти не осталось и следа, но в такие минуты нерешительности в голове иногда рождаются замечательные идеи.

Почему бы тебе не попробовать прочитать его мысли? – сказал он. – Может, ему что-нибудь снится? Тебе же удалось увидеть мой сон.

– Тогда мне надо подойти поближе и успокоиться, – сдавленным шепотом отозвалась девочка.

Они бесшумно приблизились к вороху одежды. Нуми обошла ворох с той стороны, где предположительно находилась голова, и наклонилась над ней. Желая ее успокоить, Ники предупредил, что будет ее охранять, и затаил дыхание, стараясь не мешать ей собственными мыслями.

Нуми довольно долго оставалась в таком положении, а когда заговорила, голос ее звучал гораздо спокойнее:

– Похоже, это добрый человек. Ему снятся хорошие сны.

Наивная девчонка, подумал Ники. Небось, и плохим людям иногда снятся хорошие сны. Но вслух он только спросил, что она прочла в мозгу спящего.

– Сначала было очень красиво. Звезды, множество звезд, разноцветных, как в радужном туннеле Мало. И он летит среди них, маленький, как младенец, летит, как птица, раскинув руки. И поет, поет... Тсс! – прервала она свой рассказ и снова прислушалась. – О, сейчас ему снится нечто ужасное! Ему очень страшно. За ним гонятся. Кто-то за ним гонится, и он старается убежать. Бедный, ему так страшно!..

Внезапно, издав невнятный вопль, ворох вскочил. Ребята отпрянули не менее испуганные, а человек – это был явно человек – ринулся в другой конец ниши и забился в угол. Лохмотья на нем тряслись, как белье на веревке, если за нее подергать. Ники, когда был поменьше, частенько так делал, чтобы подразнить мать.

– Скажи ему, чтобы перестал трястись, – приказал он Нуми, так как самым перепуганным среди них был все-таки незнакомец.

– Он меня не услышит. Для этого нужно снять шлем.

– Наверно, шлемы его тоже пугают. Сними. Я буду тебя охранять, – распорядился он, вооружившись фонариком и газовым пистолетом.

Ники нажал на кнопку фонарика и человек рухнул наземь, ослепленный ярким светом. Руки его дрожали, и в них не было никакого оружия. Видимо, он вообще не был в состоянии ни нападать, ни защищаться. Теперь они могли снять шлемы, откинуть их на спину и спокойно рассмотреть второго представителя здешней цивилизации.

Нуми произнесла несколько незнакомых слов, очевидно, выученных у пастуха. Человек приподнял голову, взглянул на нее сначала робко, а потом вдруг преобразился. Он захлопал себя по рваной одежде и, храбро выпятив грудь, тоже что-то сказал на своем непонятном языке.

Направив на всякий случай пистолет с усыпляющим газом ему в лицо, Ники спросил Нуми, о чем он говорит.

– Я не совсем поняла, – ответила девочка. – Что-то вроде того, что он готов, но на что – не могу взять в толк.

Ники тут же пришло в голову, что человек, должно быть, скрывается в этом заброшенном доме и видит во сне, как его преследуют. Это окончательно его успокоило, да и весь внешний вид человечка был скорее смешным, нежели страшным.

Ростом он был почти с Николая – довольно низкий для взрослого мужчины, а это, несомненно, был взрослый мужчина, хотя в лице его, безбородом, с толстыми лоснящимися щеками, было что-то детское, особенно в ясных глазах, взиравших на пришельцев с отчаянной смелостью. Одежда, когда-то, очевидно, оранжевая, как одежда пастуха, давно потеряла свой цвет. Она покрывала довольно упитанное тельце с короткими руками и ногами. Вообще вся его фигура выглядела комичной, чему немало способствовала и его горделивая осанка. Явно он понимал, что пришельцы ему не угрожают.

– Не мешай мне! – сердито прикрикнула на Ники девочка, снова отгадывая его мысли. – Сам говорил, что нельзя смеяться над представителями других цивилизаций. Он, может, и смешон, но гораздо умнее пастуха.

Она сделала рукой жест, доказывавший ее миролюбивое настроение, и пригласила незнакомца сесть. И сама села на пол, подавая пример. Выражение отваги в детских глазах толстяка сменилось испуганным удивлением. Ники властно указал ему рукой на пол – не хватает еще, чтобы девочка с такой высококоразвитой планеты, как Пирра, сидела в ногах у этого клоуна! Толстяк понял жест и покорно уселся в своем углу.

– Он все еще напуган, – сказала Нуми, – и принимает нас за каких-то звездных людей. Все его существо дрожит от страха, хотя он и храбрится. Странно, что это за звездные люди, которых все так боятся?

– Спроси его, что он готов сделать, – посоветовал ей Ники, которому было важно узнать, не стоит ли перед ними беглый преступник.

Нуми что-то спросила, толстяк ответил. Однако слова его звучали совсем не так грубо и хрипло, как речь пастуха, а лились с удивительной мелодичностью. Они походили скорее на воркование голубя...

– Он говорит, что никогда не отречется от истины. Даже если мы отрубим ему голову.

– Ты уже так много понимаешь? – удивился Ники лингвистическим способностям Нуми.

– Половину я прочитала в его мыслях. В них он представил, как ему секут голову.

– Скажи ему, что мой нож остался в утробе Мало, так что сейчас голове его ничто не угрожает, – весело заявил Ники, почувствовавший себя хозяином положения. – Посему пусть подробно расскажет нам, в чем состоит истина, за которую секут головы.

– Прощу тебя, не мешай мне своими насмешками, – возмущенно сказала Нуми и вступила в оживленную беседу с толстяком.

В процессе разговора она явно все более обогащала свои познания в местном языке, правда, ей все еще частенько приходилось помогать себе жестами, строить гримасы, выражая различные чувства и настроения. В ответ толстяк все более оживленно что-то ворковал.

Неожиданно он вскочил с места и комично заскакал по пустой и пыльной комнате-нише.

– Что это с ним? – удивился Ники, который чуть было не нажал на спуск своего газового пистолета, решив, что коротышка намеревается напасть на них.

– Сейчас же убери пистолет! – вскинулась Нуми. – Слышишь, что я тебе говорю, спрячь немедленно! Он просто наконец понял, что мы не имеем ничего общего со здешними, звездными. А когда я объяснила ему, что мы прилетели с других звезд, просто обезумел от радости.

Толстячок продолжал подскакивать и кружить на месте, издавая звуки, весьма похожие на любовное воркование голубя.

– Это как песня, – сказала Нуми и начала медленно переводить. – Мир бесконечен... И в нем бесчисленное множество миров. И добрых людей в нем не счесть... Дальше не могу понять... Он говорит, что звезды принадлежат ему. Все звезды принадлежат ему, ибо они принадлежат всем. Ты что-нибудь понимаешь, Ники?

– Так вот в чем его истина! – разочарованно протянул Николай. Он уже было себе представил, что им попался важный государственный преступник, раз ему грозила казнь.

Нуми прервала песню-воркование толстяка и в свою очередь заворковала совсем почти как он. Потом выслушала его ответ и утвердительно кивнула.

– Тоже мне, открыл Америку, – снисходительно произнес Ники Буян. – И за это его собираются убить?

– Не понимаю, – сказала Нуми. – Какую Америку открыл?

– А такую, что все звезды всем принадлежат. Ладно, хватит заниматься чепухой. Спроси-ка его лучше, здесь ли он живет и почему этот дом такой странный. Может, у них все дома такие? И еще спроси, нет ли поблизости города и как устроено их общество? Вообще, спрашивай о конкретных вещах, чтобы мы в конце концов смогли понять, где находимся и что нам делать дальше.

То ли толстяк устал от своего танца – явно и на этой планете толстяки быстро устают от чрезмерной активности, – то ли его образумил новый поток вопросов пирранской девочки, но он снова уселся в свой угол и уже спокойнее заворковал дальше.

Он рассказал им, что дом этот принадлежал звездным, но сейчас заброшен, так как ныне звездные строят себе куда более красивые и удобные дома; и поэтому сюда никто не приходит, и он устроил себе здесь убежище. Почему их называют звездными? Потому что звезды принадлежат ему и всем? Да, и именно за это звездные снимут с него голову...

– Странная история! – заключила Нуми, переведя своему земному другу рассказ толстяка.

– Никакая не странная, а просто дикая, – возразил Ники, как известно, не отличавшийся особой деликатностью в обращении. – Явно мы до тех пор не разберемся, пока не встретим этих самых звездных.

– Хотя я ничего и не понимаю из его рассказа, все-таки чувствую, что он – хороший человек, – добавила добросердечная девочка с Пирры. – Дай ему одну из твоих жвачек.

– Вот еще! Если я каждому хорошему человеку буду давать жвачку... Ведь он сам только что пропел, что добрых людей бесчисленное множество. А жвачек у меня всего три.

– Постыдись, Ники!

– Да ведь он проглотит ее, как тот дикарь-пастух!

– Очень тебя прошу, Ники! Постыдись!

Он сердито выкрикнул полюбившееся ему пирранское словечко, но все же вытащил из кармана нераспечатанную пластинку в пестрой обертке. К счастью, толстяк только с любопытством взглянул на нее, но брать не стал. Потом что-то проворковал. Ники обрадовался:

– Не хочет, правда? Я сразу понял, что он умнее пастуха.

Нуми же в недоумении хмурила лоб.

– Он сказал, что нам не следует поступать так, как поступают звездные: они непрестанно заставляют беззвездных есть и те оттого толстеют.

– Похоже, он самый несчастный беззвездный, – засмеялся Ники. – Посмотри, как разъелся, бедняга! Только почему звездные плохие, раз дают ему еду?

Все еще не совсем уверенно Нуми проворковала толстяку новые вопросы, но дожидаться ответа они не успели. Внезапно в коридоре послышался шум. Запахло горелым.

Толстяк вскочил со своего места и прислонился к стене, как и раньше, гордо выпятив грудь. Все произошло так неожиданно, что ребята не успели даже надеть шлемы на головы. Ники предусмотрительно погасил фонарик, но было поздно. В следующий миг во входном проеме ниши замелькали худенькие серебристые фигурки и воздух, казалось, мгновенно пропитала вонь двух коптящих факелов.

6

В ход идет рогатка. Вмешательство в дела чужих цивилизаций не всегда полезно

От факелов было больше копоти, чем света, но наши герои все же разглядели новопривывших. Очевидно, это и были звездные люди, за которых их уже дважды принимали. Сходство, на первый взгляд, было действительно большое. Они были тонкими и по-юношески стройными, а их одежда состояла из некоего подобия платья, сшитого из легкого, серебристо-белого материала. Платья были стянуты в талии широкими черными поясами, на которых, словно пуговицы, поблескивали металлические звезды. В руках они держали длинные кривые ножи, хотя от этого казались не страшными, а скорее смешными со своими тонкими голыми ножками, обутыми в сандалии, маленькими лицами, похожими на лица младенцев, вот-вот готовых расплакаться.

Четверо из них тут же окружили своего толстого сопланетника и приставили к его телу ножи. Толстяк еще выше вскинул голову. Этим, вероятно, он хотел подчеркнуть свое презрение к ним.

Начальник стражи – скорее всего это был именно он, потому что Ники насчитал на его животе целых восемь звезд, – гневно что-то прокаркал. Да, речь его, несмотря на хрупкость тела и младенческое личико, напоминала не мелодичное воркование толстяка, а карканье ворона. Потом он соорудил плаксивую гримасу пришельцам из иных миров, и что-то прокаркал по их адресу.

Ники вдруг захотелось угостить его хорошей порцией газа, но девочка, угадав это намерение, жестом остановила его.

«По мне так толстяк посимпатичней, – подумал мальчик, – и он не похож на преступника. Настоящие преступники так себя не ведут. Но, наверное, не стоит вмешиваться в их дела. Ведь мы далеко не все еще понимаем». Нуми кивнула ему в знак согласия. Потом она что-то проворковала на здешнем языке.

Восьмизвездный закаркал не так гневно и быстро, девочка, видимо, поняла его, так как тут же начала переводить.

– Я сказала ему, что мы прилетели с других звезд, а он ответил, что в таком случае мы – тоже звездные, а значит, совершаем преступление, укрывая беззвездного. Я возразила ему, ведь мы не знали и никогда раньше не встречали этого беззвездного, но он повторил, что мы совершили преступление, заговорив с ним.

Ники, приосанившись, важно приказал своей переводчице:

– Объясни ему, что нам неизвестно, что у них считается преступлением, а что нет. И что мы прилетели для того, чтобы познакомиться с их жизнью. Пусть он отведет нас к ихнему начальству. Кто над ними стоит? Царь или президент? Пусть нас ведет к нему, а с такими как он мы разговаривать не станем. Непременно скажи ему это, нужно же их как-то припугнуть!

Нуми снова заворковала, помогая себе руками, когда ей не хватало слов. Важный вид Ники и твердый тон, видимо, повлияли на восьмизвездного. Его младенческое личико скривилось в плаксивой гримасе, став просто отвратительным. Тот, кому доводилось встречать взрослого мужчину с младенческим лицом, непременно подтвердит, какой он несимпатичный.

Восьмизвездный сделал знак страже у выхода, и она посторонилась. Потом почтительным жестом он пригласил пришельцев следовать за ним.

Нуми и Ники инстинктивно схватились за руки и стали спускаться вниз по крутому коридору. Факелы дымили и коптили над их головами, и они почти не видели, куда ступают, однако фонарики зажигать не стали, чтобы не испугать этих явно примитивных человеческих существ.

Снаружи их ждали две странные, скособоченные повозки, запряженные еще более странными животными – нелепая помесь балканского мула с долгошейей перуанской ламой в оранжевую и зеленую полоску. В одну из повозок впихнули толстяка (у него уже были связаны руки), и она медленно тронулась. В другую залез восьмизвездный, жестом пригласив пришельцев последовать его примеру.

Больше двух часов тряслись они в этой кривой повозке по темным дорогам, пока не въехали в столь же темный город. Нуми время от времени пыталась выудить у восьмизвездного хоть какие-нибудь сведения, но он лишь неохотно ронял отрывистые слова, как бы боясь разговаривать. А может, на него произвели большое впечатление их скафандры и огромные шлемы.

Город весь был застроен похожими на наблюдательные пункты улиточными домиками, маленькими и большими, с крохотными окошками. По кривым и неровным улицам шныряли уже знакомые им существа, босоногие и в коротких платьицах. Большинство их несли на плече длинный или не очень длинный предмет, похожий на подзорную трубу. При виде повозок они останавливались, пялили на них глаза и что-то спрашивали, а восьмизвездный что-то им каркал в ответ, после чего те принимались хлопать ладонями по своим звездным животам. Вероятно, это было какое-то приветствие или знак одобрения.

– Почему в вашем городе так темно? – спросила Нуми восьмизвездного.

Сморщив личико, тот ответил, что огней не зажигают, чтобы лучше видеть звезды.

– А это не мешает вам работать? – снова спросила девочка, чтобы вовлечь его в разговор.

– Работать? У нас работают беззвездные и только днем. Звездные же днем отдыхают, а ночью сторожат свои звезды.

Нуми перевела его слова мальчику с Земли и спросила его, понимает ли он что-либо, потому что сама она ничего не понимала.

– Сомо кусапиенсы и то были понятней, – ответил он.

– Ваши звезды очень красивые, – сказала упрямая Нуми, не отказываясь от своей попытки склонить восьмизвездного к разговору.

Она имела в виду звезды над головой, но ее спутник тут же уставился на свой живот.

– Красивые, но дорогие. У меня есть даже одна желтая, – и он с гордостью показал на черный пояс.

– Странно. – Он говорит, что звезды дорогие, – перевела Нуми.

– Вот и у нас, на Земле, звезды дорого достаются...

– Как это так?

– Эй, послушай! Хотя у тебя и два мозга, не так-то легко изучать две цивилизации сразу. Займись пока этой!

– Ты опять думаешь обо мне плохо! – огорчилась девочка.

– Вовсе нет. Поверь.

– Не думаешь, но отчего-то сердисься.

– Не будь такой чувствительной. Это вредно. А сейчас к тому же и опасно.

Кто знает, что задумали эти сморчки.

– А что такое «сморчки»? – тут же последовал вопрос ненасытного мозга экспериментальной девочки.

– Вот эти и есть сморчки. Большие, плаксивые, отвратительные младенцы... Ты только глянь, что они вытворяют!

Повозка как раз проезжала мимо группы тонконогих человечков, которые окружили огромного человека в грубой оранжевой одежде. Они прыгали возле него, остервенело вопя, и колотили его своими кулачками. А тот даже не пытался защищаться, стоял, опустив голову, хотя наверняка мог бы в одну минуту расшвырять их своими сильными руками.

Нуми спросила, в чем его вина, и восьмизвездный ей ответил, что этот человек – беззвездный, и что он не имел права сейчас находиться на улице. Сейчас ему полагалось спать.

Но ведь еще рано, – осторожно заметила Нуми, не найдя других слов для возражения: ей было жаль беднягу. Оба ее мозга отказывались понимать, зачем нужно кого-то бить, чтобы заставить его спать. Ведь это может только прогнать сон.

Тот, кому доставалось вечером перед сном, знает, как трудно заснуть после колотушек.

– Вовсе не рано, – поучительно ответил ей восьмизвездный. – Беззвездные должны много спать и много есть, чтобы хорошо работать.

– Их планета, кажется, действительно вертится в обратную сторону, – гневно сказал Ники Буян, выслушав перевод Нуми.

Босоногие звездные, облепившие огромного беззвездного, и впрямь были похожи на страшных, жестоких детей.

Так как повозка остановилась, чтобы и стража могла полюбоваться веселым зрелищем, Ники незаметно вытащил из кармана рогатку, вложил в нее проволочную скобку и выстрелил по босым ногам сморчков.

Один из них подскочил и схватился за тонкую икру. Остальные сморчки оставили беззвездного в покое и, недоуменно каркая, столпились возле пострадавшего.

– Твоя работа, – рассердилась Нуми. – Как ты это сделал?

– С чего ты взяла? – прикинулся возмущенным Ники. – Что я могу сделать в нашем теперешнем положении?

– Не лги! Я по твоим чувствам догадалась, что это твоя работа. Ты радуешься и гордишься. Так как ты это сделал?

Ники постарался не вызывать в своем мозгу представление о рогатке и засмеялся:

– Угадай! А ваша цивилизация может сделать что-то так, чтобы никто не смог понять, как это сделано?

– Ты опять говоришь глупости, – отрезала девочка с Пирры. – Я все равно узнаю, как ты это сделал. Ты думаешь, что ты помог этому бедолаге? Сейчас ему попадет еще больше. Они решат, что это сделал он. Стыдись, Ники. Пусть тебе немедленно станет стыдно!

И действительно: сморчки с еще большим озлоблением набросились на свою беззвездную жертву.

Ники немедленно попытался почувствовать стыд, но ему это снова не удалось, потому что так уж устроены земляне. Они не могут устыдиться медленнее или быстрее. Им просто становится стыдно, или не становится. А сейчас ему к тому же мешал и гнев. Его так и подмывало выпустить весь заряд своих скобок по ногам этих озверевших человечков с лицами плаксивых младенцев, но он уже убедился, что вмешательство в дела чужих цивилизаций может привести к нежелательным последствиям.

К тому же повозка отъехала достаточно далеко и скобки не смогли бы поразить цель с необходимой силой.

7

Встреча со стозвездным. Что стоит дороже: звезда или жевательная резинка

Их высадили перед самым высоким зданием города. В этом здании также был один-единственный коридор, который спиралью возносился вверх, на террасу, находившуюся на крыше. Он был освещен закрепленными на стенах мигающими и коптящими фонарями. Они издавали ужасную вонь горелого жира. Другая повозка с толстым преступником куда-то уехала. Ребят сопровождали восьмизвездный и двое стражников, на животах которых блестело по две звезды.

– Я знаю, почему эта цивилизация остановилась в своем развитии. Они не имеют понятия о лестницах, – шепнул Ники своей подруге с Пирры.

Нуми ничего не ответила, и он усомнился в мудрости своего открытия. В конце концов, и обезьяны умеют лазить. Во всяком случае, при наличии лестниц можно гораздо быстрее взобраться на крышу, а, судя по всему, эти люди почти все время проводили на крышах.

– Куда мы идем? – спросила Нуми у начальника стражи.

– К стозвездному, – ответил он ей.

– А кто он такой?

– У него больше звезд, чем у остальных. Поэтому он здесь самый умный и сильный.

– А есть кто-то сильнее и умнее него?

– Тысячезвездный. Но он живет в столице звездных. К нему вас может отвести только стозвездный.

Нуми перевела этот разговор мальчику, и он сказал:

– Ну что ж, полюбуемся на это чудо природы, прежде чем нас отведут к другому.

Стозвездный лежал на мягкой подстилке и разглядывал в трубу вечернее небо. Он был столь надменен или же ленив, что даже не мог держать в руках подозрную трубу. Ее подносили к его глазам два других сморчка с несколькими звездочками, тогда как весь живот лежащего на террасе был усыпан пришитыми к одежде жестяными звездами.

«Интересно, как тысячезвездный умудряется носить на себе столько звезд? Они у него, наверное, и на задку сияют», – подумал Ники Буян.

Нуми тихонько выбрала его:

– Хватит шутить, сейчас мы должны быть серьезными!

Ее шепот вынудил стозвездного оторваться от дела. Властным жестом он отстранил двух слуг с подзорной трубой и приподнялся. Восьмизвездный услужливо подложил ему под спину две подушки, чтобы тот мог расположиться поудобнее, после чего вытянулся в струнку и что-то закаркал. Кажется, он докладывал о случившемся.

– Что он ему говорит? – спросил Ники, обеспокоенный тоном доклада.

– Я не все понимаю, но, похоже, что-то гадкое... Похваляется, что ему удалось поймать известного преступника Короторо, которого мы пытались укрыть. Он арестовал нас и привел к стозвездному лишь потому, что мы смахиваем на звездных, и он не осмелился передать нас прямо в руки судей. Это право принадлежит стозвездному. Он и словом не обмолвился о том, что мы сами захотели сюда прийти.

– Подлец! – прошипел Ники, ничуть, впрочем, не испугавшись, хотя над ними нависла серьезная опасность. Уж очень тощие ножки были у этого стозвездного.

Ники подумал, что одного выстрела из рогатки вполне хватит, чтобы привести его в чувство.

– Почему вы укрывали преступника? – обратился к ним стозвездный начальник. – Разве вы не знаете, что Короторо – самый опасный преступник под нашими звездами?

– Мы просим прощения, – любезно ответила девочка. – Мы случайно оказались на старом наблюдательном пункте. Мы не знакомы с Короторо и не могли знать, что он – беззвездный.

Она не назвала толстого певца «преступником», испытывая к нему симпатию.

– Это сразу можно заметить, – каркнул стозвездный. – Он толстый и на его поясе нет звезд. Вы лжете! Я отдам вас в руки палачей.

Ники терпеливо ждал, когда ему переведут, размышляя в то же время о том, как им отсюда выбраться. Одними скобками делу не поможешь. Это, увы, не оружие. Если усыпляющий газ действительно быстро подействует, то, сговоровшись, они могут быстро надеть шлемы и опрыскать этих сморчков, как мух...

– Перестань думать о таких вещах, ты мешаешь мне понимать их! – разгадала его намерения Нуми.

Ники разобрала злость.

– Чего он кипятится?

– Как это – кипятится?

– Я же вижу, как он ерепенится.

– Что значит – ерепенится?

– Я тебе уже говорил, чтобы ты пока оставила в покое земную цивилизацию. Переводи, а то мне скучно.

Нуми вкратце рассказала об угрозах стозвездного.

– Эй, вы на каком языке разговариваете? – каркнул тот.

– На его языке, – указала Нуми на друга. – Он – с планеты Земля, а я с планеты Пирра.

– А где эти страны? Что-то я про них не слышал.

– Очень далеко. В дальних созвездиях.

– Что за глупости ты болтаешь? – снова, как ворон, каркнул стозвездный.
– Этому вас подучил Короторо? Преступник! Я велю немедленно отрубить ему голову.

Нуми была на удивление спокойна.

– Короторо тут ни при чем. Просто мы – из других миров, которые находятся у далеких звезд. Но скорее всего, у нас общее происхождение, потому что вы похожи на нас...

Стозвездный так и подскочил на своей подстилке.

– В далеких созвездиях нет жизни. Жизнь есть только под Большой дневной звездой. Наше общее происхождение – ложь! – Я – звездный, а Короторо...

– Пожалуйста, не сердитесь на меня за правду, – бесстрашно прервала его девочка с Пирры. – Так мы никогда не поймем друг друга. А нам очень хочется, чтобы все люди нашли между собой общий язык. Поэтому вы должны спокойно и любезно поведать нам свою истину.

Стозвездный сморщил свое младенческое личико, как бы собираясь расплакаться.

– Как? Вы – звездные, и не понимаете истину звездных?

– Я не говорила, что мы звездные. Я сказала, что мы прилетели с других звезд.

– Это – ложь, ложь, ложь и преступление! – зашелся от крика стозвездный сморчок. – Я немедленно передам тебя в руки палачей.

Услышав его слова, остальные сморчки тут же выхватили свои длинные ножи, так что Ники пришлось крикнуть:

– А ну-ка, не шутить!

У него в руках был газовый пистолет.

Они не поняли, что он им сказал, и, может, именно потому оробели. Стозвездный с удивлением посмотрел на Нуми.

– Что он сказал?

– Сказал, что вам не стоит так страшно с нами шутить, – перевела ему Нуми.

Начальник-сморчок растерялся при мысли, что его угрозы показались им шуткой. Нуми прочла его мысли и поняла, что он струсил: его ужаснула мысль, что им не страшна его власть.

– Скажи ему, что я не шучу, – промолвил стозвездный голосом осипшей вороны. Тот, кто слышал, как каркают осипшие вороны, легко может себе представить, что за звуки он издавал. – Скажи ему, что я сообщу вам нашу истину. Большая дневная звезда целиком состоит из огня. От нее родились маленькие ночные звезды, тоже состоящие из огня, и эти звезды – наши.

Нуми быстро перевела его слова, добавив от себя:

– Знаешь, тебе удалось его напугать! Он готов с нами разговаривать.

– Я не только его припугну, – фыркнул мальчик. – Я сейчас так ему врежу между глаз, что он и средь бела дня будет видеть звезды.

– Что он сказал? – нетерпеливо спросил стозвездный сморчок.

Переводчица смутилась: как такое переводить? И решила на полуправду.

– Он говорит, что все звезды состоят из огня. И все они большие. А некоторые даже побольше вашего дневного светила. И вокруг них миллионы миров, состоящих не только из огня, и там можно жить.

Стозвездный сморчок подпрыгнул от возмущения, но жестом приказал страже убрать ножи. Похоже, он все еще побаивался молчания земного маль-

чика, который стоял с нарочито независимым видом, держа в руке газовый пистолет.

– Передай ему, что он лжет почище Короторо. За такие сказки тысячезвездный собственноручно отрубит ему голову.

Нуми добросовестно перевела новую угрозу.

– От них всего можно ожидать. Раз он так глуп, кто знает, каким дураком окажется тысячезвездный! – ответил Ники с кривой усмешкой.

– Не говори того, что я не могу перевести, – возмутилась Нуми. – Ты разве не понимаешь, как это опасно?

Стозвездный владыка, видимо, не привык ждать и потому снова потерял терпение. Что он сказал?

– Он сказал... – смутилась Нуми, оттого, что ей опять приходилось что-то сочинять. – Он сказал, что не боится тысячезвездного, потому что тысячезвездный, наверное, поймет нашу истину.

– Нет, он ему не позволит говорить такие вещи. Существует один-единственный мир, и им правит тысячезвездный. И все звезды принадлежат нам.

– Он хотел сказать, что звезды никому не принадлежат, – сказала Нуми, догадавшись, что лучше вести разговор спокойным тоном, потому что стозвездный все еще боялся мальчика.

– Что? Он хочет сказать, что эти звезды не мои? – совсем охрип сморчок-начальник и хлопнул себя по животу.

– Эти – ваши, но те, наверху – ничьи, – ответила девочка, показав на небо.

– Но я их купил! Переведи ему! Я их купил. Вот эту, и ту, и вон ту, видишь? Все – мои! – стал тыкать в небо стозвездный.

Девочка с Пирры не знала, как ему возразить, услышав столь странные рассуждения, и решила все дословно перевести Ники, чтобы посоветоваться с ним, как быть.

Николай, недоуменно глядевший, как они по очереди тычут в небо, понял, что непосредственная опасность миновала, и гордо улыбнулся.

– За свою долгую и нелегкую жизнь встречал я разных идиотов, но этот, наверное, самый большой во всей Галактике.

– Ники, прошу тебя, не смейся, – снова рассердилась девочка. – Ну что я должна ему сейчас переводить?

– Спроси его, где продаются звезды, может, и мы купим себе парочку. Кроме шуток, спроси! Так мы выиграем время и сумеем побольше о них узнать. Это лучше, чем доказывать ему, что он дурак.

– Что он сказал? – боязливо спросил стозвездный, напуганный властным тоном земного мальчишки.

Девочка добросовестно перевела вопрос Ники и стозвездный начальник смягчился. Стремление этих людей купить звезды было ему близко и понятно. Ники оказался прав, несмотря на то, что не знал местного языка и обладал всего одним мозгом. Нуми бросила на него взгляд, полный благодарности и уважения.

– Вы очень странные люди, – сказал стозвездный. – Похожи на звездных, но не имеете звезд. И даже не знаете, где их можно купить. Потому-то и болтаете всякую чушь. Но я готов вам помочь, ибо нет большего позора для звездного, чем погибнуть под топором палача.

И он что-то каркнул своим адъютантам. Те в мгновение ока принесли короткую накидку, украшенную звездами, и накинули ее на своего хозяина. А тот принялся ощупывать рукав скафандра Нуми.

– И одежда у вас какая-то особенная...

– Это скафандры. В них удобно летать со звезды на звезду, – объяснила ему Нуми.

– Опять вы хотите меня рассердить, – сказал стозвездный начальник. – И почему я так добр к вам? Вы – очень подозрительные личности. Можете летать со звезды на звезду, а собственных звезд не имеете. Нет, тысячезвездный не простит мне, что я сразу не казнил вас.

– Он вас простит, – заверила его Нуми. – Мы попросим его простить вас. Он нас послушается.

– Послушается? – удивился стозвездный тому, каким тоном они говорят о стоящем в десять раз выше его самого.

– Конечно. Нас слушаются все разумные люди. Простодушная девочка, сама того не зная, сказала хитрость. Стозвездный не посмел ей возразить, иначе ему пришлось бы признать тысячезвездного неразумным. И то в присутствии других звездных.

Стража уже выстроилась за их спинами с поднятыми вверх ножами. Двое адъютантов тащили длинную подозрительную трубу.

– Куда нас поведут? – забеспокоился Ники,

– Покупать звезды.

– Ты сказал ему, что у нас нет денег?

Действительно, у него не было ни гроша. Он истратил все деньги, которые ему выдавали на неделю, и отправился в космос с пустыми карманами. А каждый, кто отправляется в такое путешествие без денег, знает, как это неудобно.

– Сказать ему? Но так мы никогда не узнаем, где и как их продают.

– Пока не надо! – важно заявил Ники, еле сдерживая смех. – Мы их купим. Даю одну жевательную резинку за сто звезд. Вот тебе еще одна жевательная резинка – еще сто звезд. Так мы станем ему ровней.

Нуми прикрыла ладонью рот, поперхнувшись от смеха, но тут же рассердилась.

– Я ведь просила тебя не шутить! Неприлично смеяться в гостях у чужой цивилизации. Что мне отвечать, если меня спросят, о чем ты говоришь?

– Я ничего смешного не сказал! Неужели ты думаешь, что сто звезд стоят больше одной жевательной резинки? У нас на Земле ценятся только редкие вещи. То, чего навалом, ничего не стоит. А звезд только в нашей Галактике сто пятьдесят миллиардов. Галактик тоже миллиарды. А жевательной резинки, думаешь, много? Особенно такой, из которой можно выдувать пузыри...

Доверчивая девочка серьезно взглянула на него и с жаром принялась обсуждать непонятный для нее земной закон.

– Странно! То, что ты говоришь, несомненно глупо, но какая-то логика в этом есть. Разве такое возможно – и глупо, и вместе с тем логично? Дай ему одну жевательную резинку, посмотрим, как он отреагирует.

– Ну, нет! Он мне противен. Сейчас я не отдам жевательную резинку и за миллиард звезд. Ты думаешь, что где-нибудь в другой галактике можно ее найти? Когда мы полетим на Пирру, я отдам ее вашим ребятишкам. Наверное, они не все такие экспериментальные, как ты, и она им понравится, – засмеялся Ники, довольный, что ему наконец удалось защитить честь своей жевательной резинки.

– Почему он смеется? – насторожился стозвездный, готовый тронуться в путь.

– Радует, что вы тоже столь же разумны, как тысячезвездный, и что вы отведете нас туда, где продаются звезды, – дерзко соврала Нуми и тут же устыдилась своей лжи.

Но разве можно было честно перевести бредни земного мальчишки? Хорошо, что на террасе было довольно темно и никто не заметил, как она покраснела. Оказывается, и на Пирре краснеют, говоря неправду. Может быть, не все, но такие девочки, как Нуми, тотчас же краснеют.

– Тогда – вперед! – предложил польщенный стозвездный и стал торжественно спускаться по витому коридору, слабо освещенному мигающими фонарями.

Во всяком случае, ему казалось, что он спускается торжественно, а может, начальникам на этой планете полагалось ходить именно так. Ники, однако, еле сдерживал смех. Потому что попробуйте накинуть на себя одеяло, расшитое блестящими звездами, оставив при этом ноги голыми выше колен, и шлепать сандалиями с таким трудом, будто вы год пролежали больным в постели. И вы обязательно поймете, что это выглядит отнюдь не торжественно. По крайней мере, в глазах земной цивилизации.

8

Только палачу можно сказать, что хочешь. Звездный рынок

Повозка, в которую им предстояло сесть, была вся разрисована звездами. Их было, наверное, штук сто, но кому охота считать в темноте? В повозку былипряжены не двое, а шесть животных – наполовину балканских мулов, наполовину перуанских лам в оранжевую и зеленую полоску. От этого, правда, она не стала мчаться быстрее, потому что за ней пешим строем двинулись двадцать стражников с длинными и обнаженными, как и их ноги, ножами. Это придавало шествию некоторую комичную – в глазах землян – торжественность.

На этой планете, очевидно, всегда было тепло, если даже ночью не ощущалось холода, а ее звездные обитатели расхаживали в коротких платьицах. Но беззвездным всегда было холодно, потому что у них не было звезд, которые могли бы их согреть. Какой-то сумасшедший мир! «Как им может быть холодно, когда в действительности тепло, и каким образом тебя могут согреть холодные звезды», – размышлял Ники, подпрыгивая на ухабах за спиной у стозвездного.

Нуми сидела рядом со стозвездным и засыпала его градом вопросов. Ники подумал, что эта девочка может утомить своими вопросами не одну цивилизацию, но стозвездный все еще ее терпел.

Улица, которая вела от дворца стозвездного к звездному рынку, больше напоминала аллею, во всяком случае, вдоль нее не было ни одного уже знакомого им улиточного домика. Вместо домиков торчали низкие каменные статуи, изображающие маленьких толстых человечков, у босых ног которых были начертаны какие-то знаки. В темноте их было трудно различить.

Нуми через плечо сообщила своему приятелю то, что ей удалось узнать. Оказалось, это памятники людям, сказавшим истину местным жителям. Тому, кто открывал миру хоть одну новую истину, тут же воздвигали памятник.

– Надо же! – рассмеялся Ники, вспомнив, как к ним отнеслись звездные. – А я-то было подумал, что здесь вообще не любят истин. В таком случае, мы достойны тысячи памятников, если расскажем им все, чего они не знают.

– Ники! – предостерегающе сказала девочка. – Опасность еще не миновала. Кто знает, что они с нами сделают, узнав, что у нас нет денег на звезды.

Ники захотелось сострить, чтобы показать, что ему ничуть не страшно, но он вовремя понял, что ведет себя так именно потому, что боится, и про-

молчал. Он вспомнил, что искусственный мозг Нуми включен и что она, вероятно, читала без труда все его мысли и чувства. К тому же, словно в подтверждение ее слов, стозвездный неожиданно прокаркал:

– Запрещаю вам разговаривать в моем присутствии. Когда вы имеете дело со стозвездным, нужно уметь молчать. Потому что вы все еще беззвездные.

Что с ним случилось, с этим капризным начальником? Он снова стал злобным. Может быть, на узкой террасе он чувствовал себя не совсем уверенно, а здесь, в присутствии большого количества стражников осмелел? К тому же, что за глупость: как им общаться с ним, если он заставляет их молчать?

– Прошу прощения, – проворковала Нуми почти так же, как толстый пёвец Короторо. – Мой друг не понимает вашего языка, и я просто пересказываю ему те истины, которые вы мне сообщаете.

– А-а, – уступил стозвездный. – Хорошо, можешь ему пересказывать, раз он настолько глуп, что не знает нашего языка.

– Что он опять сказал? – спросил Ники, уловив недобрые нотки в его голосе.

Нуми залилась краской, так как теперь должна была солгать и ему. Но неужели человеку обязательно сообщать, что его называли глупцом? Кто знает, какотреагирует на это ее беспокойный спутник! Не случайно же его прозвали Буяном! И Нуми смущенно сказала:

– Так, ничего особенного. К тому же я не все поняла.

Наконец шествие остановилось у широких ворот с двумя отвратительно коптящими фонарями по обеим сторонам. Это была какая-то высокая и длинная стена, уходившая в, темноту.

Адъютанты помогли своему стозвездному начальнику медленно и торжественно покинуть повозку. Но вылезая из повозки, трудно сохранить торжественный вид. Ники предпочел свой способ. Он ухватился рукой за боковую стенку повозки и, совершив изящный прыжок, выпрямился прямо перед носом перепуганного начальника. И сразу же понял, что допустил ошибку. Младенческое личико стозвездного тут же скривилось в плаксивой гримасе.

– Скажи ему, – поторопился сказать Ники, – что У нас, на Земле, министры выходят из повозок именно таким способом.

– А это правда? – усомнилась Нуми, потому что ей надоело врать. И решила сказать совершенно другое: – Мой приятель просит прощения, но он совсем не знает здешних обычаев.

– Скажи ему, что мы прощаем его в последний раз, – свирепо каркнул стозвездный сморчок, восприняв извинение как подтверждение своей власти.

Он повернулся к ним спиной и направился к воротам. А его многочисленная стража окружила ребят и, выстроившись в колонну, зашагала следом.

За стеной находился большой двор, где уже собрались сотни таких же боконогих звездных, производя ужасный шум своими резкими голосами. Но стоило воротам открыться и в них появиться важному стозвездному хозяину их города, как голоса моментально стихли. Звездные тут же расступились перед ним коридором и принялись почтительно кланяться. Ники сразу заметил, что те, у кого звезд на поясе было меньше, кланялись ниже. И не только их поклонны, но и длина подозрных труб, как бы определялась числом звезд на их животах. Все держали в руках такие трубы, только у одних они были покороче, у других подлиннее. Подзорная труба стозвездного была раза в два длиннее остальных, и ее несли двое.

Во дворе было светлее, но зато там стояла невыносимая вонь от коптящих фонарей. Стозвездный прошел сквозь живой коридор к маленькому земляному

холмику. На нем возвышалось нечто вроде стола, но могло оказаться и сундуком, потому что не имело ножек. За столом-сундуком стоял человечек, похожий на других, но не в серебристо-белой, как у остальных, а в темной, как бы сливающейся с мраком одежде. В руках у него была короткая деревянная палка.

– Продолжай, – приказал ему стозвездный. – Послушаем, чем торгуют сегодня.

– О, всемогущий стозвездный! – Человечек поклонился так низко, что ткнулся носом в сундук. – К сожалению, сегодня нет в продаже новых звезд. Но выбор большой и рынок взбудоражен. Продается даже одна большая розовая звезда.

– Сколько за нее просят? – спросил управляющий.

– Пять синих. Но так как пока нет кандидатов, то продающий готов уступить ее за две синие и восемь желтых.

– Чудесно! Значит, цена на большие розовые звезды растет, – обрадовался начальник, видимо потому, что на его поясе мерцало несколько розовых звезд. – Ну-ка, расскажи, что еще предлагают. А то мои гости желают кое-что приобрести.

Нуми шепотом перевела их разговор, и Ники так же шепотом ответил ей:

– Как тебе удастся сохранять серьезность? Я вот-вот лопну от смеха.

– Не спрашивай, а то не выдержу, – ответила она.

Человечек в темной одежде ударил палкой по столу-сундуку и пронзительно крикнул:

– Продается одна желтая, средней величины, в третьем квадрате. Начальная цена – пять белых. Желающих прошу поднять подзорные трубы.

Над головами молчаливой толпы звездных взметнулся десяток труб. Человечек снова стукнул палкой:

– Кто на одну больше?

Из поднятых труб осталось только четыре. Человечек ударил в третий раз: кто даст на две звезды больше? Трубы заколебались и три из них опустились.

– Иди и получи ее! – сказал распорядитель торгов в сторону единственной поднятой трубы.

– Где он может ее получить? – спросила Нуми у стозвездного.

– Там, в дальнем конце двора есть смотровая площадка. Покупателю покажут, в каком квадрате находится его звезда и выдадут соответствующий документ.

– Но каким образом он станет ее обладателем? – недоумевали оба мозга экспериментальной девочки.

– Ее бывший собственник снимет со своего пояса только что проданную желтую звезду, а взамен получит семь белых. Выгодная сделка. За одну средней величины желтую звезду – семь белых, очень даже неплохо.

– А та, настоящая звезда, что он с ней станет делать?

– Экая ты странная, – возмутился ее невежеством стозвездный. – Как это, что он с ней станет делать? Будет глядеть на нее, радоваться, а она будет его согревать. Желтые звезды теплее белых.

– Это не так, – осторожно заметила девочка с Пирры. – Белые звезды намного горячее, но выглядят маленькими, потому что находятся дальше. Желтые холоднее, а розовые и красные – самые холодные, они попросту угасают.

Стозвездный снова вскипел:

– Я тебе уже говорил, чтобы ты не болтала глупостей, пока вы считаетесь моими гостями. Вот когда я отдам вас в руки палача, тогда говорите все, что угодно. Глупости разрешено болтать только перед тем, как палач отрубит тебе голову. А теперь слушай: белые – самые дешевые, потому что они самые большие и их мало. Как видишь, даже у меня их всего две!

Девочка с Пирры смутилась. Сказанное стозвездным было похоже на тот земной закон, согласно которому звезды ценились дешевле жевательной резинки; это была та самая нелепая логичность, столь непонятная ей.

– Но я знаю... – робко начала она.

– Ничего ты не знаешь, – насупился стозвездный. – Но будешь знать, когда и у тебя появятся звезды. Вы должны купить, как минимум, по одной синей и по две желтых, если хотите, чтобы я с вами разговаривал.

– Но как их покупают? – забеспокоилась девочка.

– Ты же видела. Желтые покупают за белые, синие за другие, более дорогие, можно, конечно, и комбинировать.

– А на что покупают белые?

– Странные вы люди! – каркнул стозвездный. – Я только потому еще и не отдал вас в руки палача. Очень, очень странные! Как вы можете не знать, на что покупаются белые? Одна белая стоит пяти беззвездных и пятидесяти голов домашнего скота. Для начала вы должны купить себе хотя бы двадцать белых.

Нуми отказалась от мысли подсчитать, сколько беззвездных и сколько скота им требуется, чтобы купить столько звезд. К тому же ее мозг ужаснулся, узнав, что людей, которых здесь называли «беззвездными», продавали наравне со скотиной. Ужаснулся ее настоящий мозг, другой, искусственный, ужасаться не мог. Он всего лишь собирал информацию и давал советы.

– Переведи хоть что-нибудь! – сказал Ники, заметив ее замешательство.

Нуми дрожащим голосом рассказала ему про положение, в котором они оказались. Ники возмущенно крикнул:

– Ну и ну, значит, эти мерзавцы – настоящие рабовладельцы!

– Что значит «мерзавцы» и «рабовладельцы»? – спросила Нуми, подумав, что ей нелишне знать эти понятия для дальнейшей беседы со стозвездным.

– Потом объясню. Скажи ему, что мы должны выйти, чтобы посоветоваться.

Очень резонно Ники подумал, что спастись бегством в толпе будет трудно. Нужно любой ценой выйти со двора в темноту.

– Что он сказал? – нетерпеливо спросил стозвездный. В этой Галактике все начальники легко выходили из себя. – Мне необходимо знать, какова ваша цена, для того, чтобы отмерить точную дозу моего к вам уважения!

– Но мы не владеем ни беззвездными, ни скотом! – вырвалось помимо воли у экспериментальной девочки. Она так и не научилась по-настоящему хитрить, хотя и была вынуждена несколько раз солгать.

– Ка-ак?! – вскричал плаксиво стозвездный. – У вас нет ни беззвездных, ни скота? Стало быть, вы из тех звездных, которые отказываются ими владеть? Последователи Короторо. Раз так, мы немедленно вас обезглавим. Таков приказ тысячезвездного.

И не слушая возражений Нуми, он подал знак страже. Они окружили ребят, направив на них острия ножей. Стозвездный еще раз махнул рукой и гневно двинулся к выходу по образовавшемуся перед ним человеческому коридору.

Как снимают с неба звезды.
Безуспешный торг.
Кому ставят памятники

Нуми в двух-трех словах рассказала земному другу, что их ожидает.

– Не бойся, – решительно шепнул Ники. – Это даже к лучшему. Как только выйдем со двора, приготовь свой газовый пистолет. Я дам сигнал.

Однако выйдя со двора, стозвездный вдруг снова переменил свое отношение к ним. Нуми уловила это по излучениям его мозга, так как в темноте на младенческом личике ничего нельзя было прочесть. Но причина его поведения осталась для нее загадкой. Она лишь спросила себя мысленно: все ли начальники так капризны?

Стозвездный, властно каркнув, отстранил стражу, и она отошла от ребят на почтительное расстояние. Похоже, не хотел, чтобы стражники слышали что он будет говорить. Потом доверительным тоном сказал, обращаясь к девочке:

– Слушай, не такой уж я плохой. Ты мне дашь свою одежду, в которой можно летать со звезды на звезду. А взамен я дам каждому из вас десять беззвездных и двадцать голов скота. На том и порешим. А тысячезвездному я про вас говорить не стану.

Нуми растерянно перевела предложение сморчка. Николай вскипел; он вспомнил, как ему удалось напугать стозвездного, и крикнул:

– Скажи этому звездному торгашу, что нам не нужны его звезды. Скажи ему, что все звезды и без того наши.

– Он снова рассердится, – возразила девочка.

– Могу накинуть еще по десятку белых звезд, – вмешался стозвездный начальник, решив, что мальчик разгневался и сделка не состоится.

Бесхитростная девочка снова попала в затруднительное положение. Она с удовольствием подарила бы свой скафандр, но как потом вернуться на Пирру?

– Мой друг с Земли говорит, что у нас достаточно звезд. Потому что все звезды – наши.

– К палачу! К палачу! – закаркал стозвездный и уже было дал команду страже, но тут Николай ткнул его пальцем в живот. Прямо в жестяное созвездие.

– Эй! – крикнул он ему. – Посмотри вверх! Стозвездный испуганно уставился в небо, туда, куда указывал пальцем Николай. Никто до сих пор не позволял себе столь грубо вести себя со стозвездным.

– Видишь вон ту звезду? Сейчас я ее сниму! Переводи, Нуми!

Нуми перевела, хотя все еще не понимала, что он задумал. Мальчик же, незаметно вытащив из кармана маленький фонарик, сделал вид, будто бы замахнулся в небо. Потом тайнственно опустил руку, протянул ее к самому носу стозвездного и разжал ладонь. В следующий миг оттуда хлынул ослепительный свет, можно было подумать, что на ладони сверкает звезда.

Стозвездный в ужасе закрыл глаза. Стража окаменела. Момент был удобным для бегства, но Ники показалось, что теперь уж стозвездный сморчок больше не посмеет их запугивать. Заметив, что он немного оправился, Ники снова взмахнул рукой, желая показать, что возвращает звезду на место.

– Куда делась звезда? – боязливо спросил стозвездный сморчок.

– Вон там, разве не видишь? – Ники ткнул неопределенно в небо одной рукой, и пока сморчок вглядывался в звездные россыпи, другой незаметно сунул фонарик в карман.

Конечно, определить, какая именно звезда побывала на ладони у мальчика и снова вернулась на прежнее место, было трудно, но стозвездный начальник был потрясен. И долго молчал, прежде, чем решился обратиться к Нуми.

– Скажи этому милому человеку, – сказал он, противно сюсюкая, – что мы можем заключить с ним отличную сделку. Он даст мне настоящую звезду и я стану тысячезвездным, а вас сделаю стозвездными и дам каждому по городу. – Он поколебался и добавил: – Нет, я вас сделаю двестизвездными. Или даже пятсотзвездными и подарю полгосударства.

Еще не придя в себя после фокуса с фонариком, Нуми механически перевела. Ники в ответ едва не расхохотался. Хорошо, что он погасил фонарик и его победоносная улыбка не была видна.

– Переведи этому типу, что ничего не выйдет. Настоящие звезды должны сиять в небе. Таков закон.

– Кто выдумал этот закон? – недоверчиво спросил стозвездный.

– Скажи ему: миллионнозвездный.

– Ты лжешь! – крикнул стозвездный, услышав ответ мальчика. – Звезд не так уж много, чтобы существовал миллионнозвездный. Все звезды распроданы, а новые появляются редко.

– Звезд очень много, – назидательно и кротко сказала девочка с Пирры. – Никто не может их сосчитать. И они никому не принадлежат. Каждая...

Стозвездный, однако, был так разгневан, что уже не слушал ее.

– Значит, отказываетесь подарить мне одну-единственную звездочку? Так, да? Ну, ладно же! Хуу-хо!

Этот крик предназначался страже, которая сразу подбежала к детям.

– Стреляй! – скомандовал Ники, но было поздно. Нуми не послушалась его совета и не приготовила пистолет, а свой Ники положил в карман еще во время фокуса с фонариком. Ребята не успели опомниться, как босоногие стражники набросились на них и заломили им руки.

Стозвездный начальник был доволен. Тонем приказа он сказал Нуми:

– Скажи этому глупому человеку, что мы не сразу отрубим вам головы. Я даю вам время поразмыслить до завтра. Если завтра вечером вы снова мне откажете, мы обезглавим вас на площади перед звездными и беззвездными, вместе с Короторо.

– Но мы вам говорим истинную правду. Нельзя снять звезды с неба. Они – огромны, это целые миры...

– Тем лучше, если это правда, – теперь в голосе стозвездного звучали поучительные нотки. – У нас существует закон: если кто-то твердит истину, а звездные ее не принимают, то ему немедленно отрубают голову. Но если после оказывается, что истина эта правдива, тогда звездные ему ставят памятник.

– Но это жестоко, – робко возмутилась девочка. – Неужели нельзя подождать?

– Всякая истина вредна, пока она не станет истиной для всех. А стало быть, ее распространитель должен быть наказан. Но если она принимается, его следует награждать. Мы очень справедливы, и потому сначала наказываем, а уж потом вознаграждаем. Мы не можем поступить наоборот.

– Какая же это справедливость? – воскликнула Нуми. – Рубить головы людям за правду!

Даже ее искусственный мозг ужаснулся, представив, что всем тем, которым были поставлены памятники вдоль аллеи, сначала отрубили головы.

– Однако ты глупа, – сказал стозвездный начальник, все еще склонный поучать этих двух пришельцев, так как не потерял надежды заполучить в подарок настоящую звезду. – Ну сама посуди. Справедливо ставить памятник за истину? Справедливо! А можно ставить памятник живому человеку? Нельзя? А для человека что лучше: иметь или не иметь памятник после смерти?

Нуми почувствовала, что голова ее идет кругом от подобной логики. Да так, что вот-вот упадет с плеч.

– Этот все еще торгуется? – спросил ее Ники, готовый расплакаться от бессилия и боли, которую ему причиняли веревки, стянувшие кисти рук.

– Кажется, мы останемся без звезд и без голов. И кто знает, когда нам поставят памятник, – ответила девочка.

– Не падай духом, – сказал Ники, спохватившись, что сейчас ей как никогда нужна его поддержка, и повысил голос, чтобы не казаться испуганным. – Скажи этому идиоту, что мы обещаем обдумать его предложение – до завтрашнего вечера. Я упрошу миллионнозвездного выделить ему настоящую звезду. Но при условии, что нам развяжут руки. Иначе я не смогу снять ее с неба.

– Но ведь это ложь! – даже в такой момент воспротивилась девочка с Пирры.

– Может, и ложь, но, если ты успела заметить, за правду здесь секут головы. Давай, переводи!

– А «идиот» – это звучит нормально? Можно применить это слово, обращаясь к представителю иной цивилизации?

– Э-э-э-эх, – совсем потерял терпение Ники. – Если хочешь, скажи ему: «Разлюбезный господин», или «О, глубокоуважаемый стозвездный болван», или что-то в этом роде!

Простодушная Нуми не знала и этих выражений, а соответствующие слова на здешнем языке ей тоже были неизвестны. Так что она перевела новое предложение Ники, обходясь и вовсе без обращения. Может, от этого оно выглядело убедительней. Глаза стозвездного начальника сверкнули в темноте, и хотя он в ответ всего лишь важно кивнул головой, она уловила радостные излучения его мозга. Это сулило временное отдаление нависшей над ними опасности.

10

Как поступать со странными людьми.

Битва и избавление

Знакомым витым коридором, на каждом повороте которого коптели вонючие фонари, их ввели в мрачное подземелье. Стозвездный принял условия Ники, потому что им развязали руки. Потом за ними опустили решетку из толстых жердей, закрыв ее на железную цепь, пропущенную через прикованное к стене кольцо.

Нуми, жалобно охая, стала растирать свои хрупкие запястья. Они здорово болели, несмотря на перчатки.

– Буф-ф! Не могу себе представить, что эта цивилизация тоже зародилась на Земле!

А Николай уже деловито ощупывал цепь, обдумывая, как и когда удобнее совершить побег. Сейчас или днем, когда звездные спят. Он воскликнул:

– Ну и типы, однако! Дурачье! Сделать железную цепь ума у них хватило, а до примитивных керосиновых ламп не додумались. Одна вонь стоит, а свету никакого. Надену-ка я шлем.

Последний фонарь находился довольно далеко от них, в коридоре, но все помещение, казалось, было пропитано дымом от сгоревшего жира.

– А зачем им свет? Ты ведь слышал: днем беззвездные на них работают, а звездные по ночам любят неба. Свет им только мешает. Станный народ! А говорят нам, что мы странные и хотят отрубить нам головы. Ну и логика!

С развязанными руками Ники снова почувствовал себя уверенным и сильным, к тому же до вечера было достаточно времени, чтобы найти выход из положения. Было достаточно времени и для мудрого разговора.

– За свою долгую и нелегкую жизнь, Нуми, – сказал Ники незнакомым ей грустно-писклявым голосом, – я убедился, что никто не любит странных. Каждый желает, чтобы все остальные были похожи на него. Сначала ты мне тоже показалась странной, и меня так и подмывало тебя отлупить.

– Отлупить меня? – растерялась девочка, которую, похоже, никто никогда не бил.

– Да, всего-навсего отлупить. А не отрубить голову, потому что все-таки я добрый человек.

– Как так отлупить? По какому праву?

– За свою долгую и нелегкую жизнь, Нуми, – продолжал Ники особым голосом, – я понял, что сначала тебе хочется кого-нибудь отлупить, а уж потом ты себя спрашиваешь: а по какому праву? И то не всегда.

– Какая еще долгая и нелегкая жизнь, – возмутилась девочка, сообразив, что он притворяется. – Тебе ведь всего четырнадцать лет?

Ники рассмеялся и рассказал ей про своего прадедушку, который был еще жив, здоров и бодр. Прадед никогда не поучал его, как это делают другие взрослые, а всегда начинал издали: «За свою долгую и нелегкую жизнь, Ники, я убедился, что...» После следовало нечто вроде того, что человек должен каждый день чистить зубы и одеваться потеплей, когда на улице холодно. Впрочем, это был милейший старик, и Ники им гордился. К тому же, не просто дед, а прадед.

– Смешно так говорить, когда тебе всего четырнадцать, – не сдавалась Нуми.

– Что же ты не смеешься?

– Потому что ты явно насмехаешься над прадедушкой. А он, наверное, желает тебе добра.

– Да я вовсе не насмехаюсь! Я...

Ники не успел закончить, потому что кто-то тихонько окликнул их в темноте на непонятном языке. Прислушавшись, Нуми спросила на том же языке:

– Кто здесь?

– Это я, Короторо.

– Где вы?

– Напротив вас. Значит, это вы – те самые странные звездные, которые утверждали, что прилетели с других звезд? Почему же вас упрятали за решетку?

– Потому что мы и им показались странными, – ответила Нуми.

Ребята стали всматриваться в полумрак. На противоположной стене узкого коридора виднелась подобная решетка, но за ней они ничего не разглядели, вероятно потому, что одежда певца была темной, а не серебристой, как у звездных.

– Посветить? — спросила Нуми.

– Не надо. Привлечешь стражу, — остановил ее Ники, который уже обдумал план бегства, и в этом плане фонарик играл важную роль. — Спроси его, хочет ли он бежать вместе с нами.

– А мы что, собираемся бежать? — удивилась экспериментальная девочка с Пирры.

Николай в свою очередь подивился двум ее мозгам.

– А тебе что, здесь нравится?

– Нет, но мы очень мало узнали об этой цивилизации.

– Мне и этого хватает. А ты, коль такая любопытная, оставайся. Но эксперименту тогда — конец!

– Какому эксперименту?

– Да ведь ты — эксперимент. А когда тебе отрубят голову с ее двумя мозгами, плакал эксперимент твоего отца.

– Как это — «плакал»?

– Эх, — потерял терпение Николай, — ты еще не знакома с земной цивилизацией, а хочешь изучить эту.

– На Земле мне тоже не поверили, — мстительно напомнила ему девочка.

– Да, но там тебе никто не хотел отрубить голову. Скорее всего, тебя просто поместили бы в сумасшедший дом. А там чисто, светло, всячески о тебе заботятся.

– Ничего хорошего в том, что тебя запирают.

Ники растрогала ее наивность.

– Верно, но если мы вернемся на Землю, нас запрут вместе. Вот будет весело!

– Но почему нас должны куда-то запереть?

– Потому что рассказ о наших приключениях будет звучать невероятно, и мы тоже будем казаться землянам странными. Как вы на Пирре поступаете со странными людьми?

– У нас нет странных.

– О, тогда у вас безумная скучища, — засмеялся Ники. — Ладно, хватит болтать. Расспроси толстяка, много ли стражников охраняют тюрьму, где их посты и готов ли он бежать с нами.

Нуми заворковала с невидимым Короторо через решетку, но Николай не мог оставаться без дела и потому занялся цепью. Он коснулся лезвием режущего аппарата последнего ее звена и осторожно нажал на гашетку. На этот раз пришлось нажать посильнее, чем прежде, когда они резали дерн. Железо мгновенно нагрелось, и он отдернул руку, только сейчас вспомнив, что у него есть перчатки. Теперь его руки были защищены, а волшебное острие разрезало толстое железо мягко и бесшумно, как сыр. Цепь, глухо звякнув, сползла с решетки.

– Что случилось? — испуганно спросила Нуми, но он шикнул на нее, сам затаив дыхание.

Однако ничего не произошло. По-видимому, стража просто не услышала.

– А теперь будешь меня слушаться! Что скажу, то и станешь делать, — приказал Ники, рассердившись на себя за неосторожность: нужно было придерживать цепь. — И никаких вопросов! — добавил он строго, боясь, как бы Нуми опять не полезла к нему со своими вопросами. Из опыта он уже знал, что она это делала в самый неподходящий момент. — Помоги толкнуть решетку!

Решетка была тяжелой, а петли, очевидно, ржавыми. Они долго возились, прежде чем им удалось приоткрыть ее. Петли противно заскрипели. Эхо в тишине подземелья превратило их скрип в пронзительный визг.

– Шлемы! – крикнул Николай и натянул шлем на голову с проворством истого пирранца.

Нуми еще возилась со своим шлемом, когда в коридоре послышалось шлепанье множества сандалий. Ники боком протиснулся в узкую щель, зажав в одной руке фонарик, а в другой газовый пистолет. А что, если осечка? Тогда – спиной к стене и – пинками их, пинками в звездные животы. А потом – сабельным ударом по шеем! Хоть бы они не порвали скафандр своими ножами! Жаль, что не смогли освободить Короторо, он бы им помог...

– А теперь, Нуми, держись! – крикнул он ей в шлемофон.

– За что держаться? – зазвенел ее вопрос у него в ушах.

Буф-ф! В который раз он убеждался, как нелегко общаться с чужой цивилизацией!

– Ты опять подумал обо мне плохо! – не замедлила отозваться она.

– Нашла время читать мои мысли, дура, – вскипел Ники. – Дай только освободиться, такую трепку тебе задам! Делай, что тебе говорят! Встань рядом и приготовь свой газовый пистолет...

Он не успел договорить, потому что прямо к нему метнулось несколько фигур. Ники хорошо видел на ночном визоре шлема блеск длинных ножей, кроваво-красных в свете ближайшего фонаря. Он отделился от стены, вытянул руку и нажал на кнопку фонарика.

Вспыхнувший свет произвел эффект бесшумного взрыва. Ослепленные стражники в ужасе заверещали. Вдохновленный результатом, Ники шагнул вперед и направил на них газовый пистолет. Тот, кому доводилось прыскать на себя или на кого-нибудь дезодорантом, или уничтожать мух аэрозольным препаратом, знает, как это делается.

Препарат пирранской цивилизации подействовал безупречно. Один за другим стражники валились на земляной пол. Некоторые сразу падали на спину, другие же, покачавшись как пьяные, бухались на колени, а потом уже ложились на свои звездные животы. Спустя какое-то мгновение все было кончено. Сейчас стражников можно было пересчитать. Их было пятеро.

Ники занял воинственную позу, гордясь своей невероятно легкой победой.

– Хоть бы ты им не причинил серьезного вреда, – услышал он взволнованный голосок Нуми. – Этот газ предназначен для зверей, а не для людей.

Действительно странная девочка! Они были готовы заколоть ее ножами, а она беспокоится об их здоровье! Однако ее голос возвратил его к действительности.

– Включи фонарик!

На этот раз она послушалась, не задавая своих дурацких вопросов, и он, убрав фонарик, взял в руку волшебное лезвие. Вскоре цепь на решетке камеры Короторо со звоном упала на пол, чуть не до смерти напугав певца.

– Скажи ему, чтобы не трясся, а помогал! – крикнул Ники девочке, потому что Короторо, ослепленный ярким светом, забился от страха в дальний угол камеры.

– Он меня не услышит, я должна снять шлем.

– Не смей! – закричал Ники, увидев, что она пытается стащить с головы шлем. – Наверное, в воздухе еще много газа, не хватает, чтобы и ты заснула. Давай попробуем вместе!

Освободить Короторо оказалось трудной задачей, так как решетку пришлось тянуть на себя. Толстяк же продолжал трястись от страха в своем углу. После невероятных усилий им удалось отогнуть решетку ровно настолько, чтобы Ники смог проникнуть в камеру сквозь щель. Он с силой ухватил за локоть перепуганного толстяка и потащил за собой. Но щель оказалась слишком узкой для его живота.

– Поддерживай его, – приказал Ники девочке, потому что толстяк едва держался на ногах, а сам уперся плечом в решетку.

Им удалось сдвинуть ее еще на несколько сантиметров, и общими усилиями – Нуми изо всех сил тянула, а Ники толкал, – вывести Короторо из темницы.

В коридоре он как-то сразу обмяк – наверное, надышался газа. Тогда, по приказу Ники, ребята подставили ему свои плечи и, обхватив как больного, повели, еле переставляя ноги. Тот, кому доводилось тащить на себе больного, отлично знает, что обмякшее тело весит вдвое больше.

Ники пыхтел, как паровоз, мысленно осыпая певца самыми ужасными проклятиями, пока Нуми не остановила его:

– Почему ты так плохо о нем думаешь? Он не виноват.

– Мог бы быть и не таким толстым, правда?

– Возможно, он и в этом не виноват.

Ники был так зол, что непременно влепил бы ей пощечину, если бы его руки были свободны. И если бы имело смысл давать пощечину человеку, щеки которого скрывал шлем.

– Что такое «пощечина»? – спросила запыхавшаяся девочка с Пирры.

– погоди! Сейчас узнаешь! – ответил Ники, вспомнив, что иногда пощечины раздают с лечебной целью, и влепил две звонкие затрешины певцу, толстые щеки которого будто специально предназначались для этой цели. Пощечины подействовали безупречно. Тот ожил и уверенно встал на ноги. А к Ники вернулось прежнее хладнокровие.

– Веди его и освещай путь фонариком, а мне дай свой пистолет. Кажется, в моем кончился газ!

Девочка послушно отдала свой пистолет и повела под руку Короторо, который шел, не соображая, куда его ведут и что с ним собираются делать.

Но использовать пистолет им не пришлось. Два охранника в коротких юбочках, стоявшие у выхода, при виде слепящего света пришли в такой ужас, что буквально окаменели как статуи. Конечно, можно было пустить немножко газа в их младенческие носики, но газ нужно беречь. Да к тому же эти двое вряд ли посмели бы их преследовать.

И стражники действительно остались на своих местах. Не решались напасть на них и те звездные, которые бродили с подозрными трубами по ночным улицам. Они или застывали при виде ребят, или мчались прочь, закрыв глаза. Их пугала не только звезда, упавшая с неба на ладонь Нуми, а сам вид необыкновенных существ с непомерно огромными из-за шлемов головами.

Вскоре ребята увидели пустую повозку – два звездных, ездока бросили ее, чтобы побыстрее скрыться. Ники тут же сообразил, что повозку можно использовать, потому что толстяк вряд ли был способен бегать так быстро, как они.

– Сними шлем и вели ему сесть в повозку, самим нам его не поднять, – приказал он Нуми.

Она послушно отстегнула шлем, а потом, помогая себе жестами, стала переводить беззвездному толстяку приказания Ники.

Ники тоже снял шлем и попросил выключить фонарик.

Свет погас, как внезапно гаснет падающая звезда и это вселило бодрость в Короторо. Окончательно придя в себя, он понял, что его хотят спасти, и с торопливой неуклюжестью взобрался на повозку. Двое друзей ловко прыгнули следом.

— Скажи ему, пусть правит, он наверняка знает как.

Нуми перевела приказ, и Короторо взял вожжи в свои короткопалые руки. Пара животных, которые тоже оцепенели от непривычного для них света, послушно тронулась с места.

— В какую сторону мы поедем? — спросила Нуми.

— К пирамидке, конечно. Скажи, чтобы пошевеливался, ежели ему жизнь дорога. А ты — зови Мало. Зови всеми своими мозгами. Если он нам не поможет — нам крышка. Наверное, нас будет преследовать целая армия.

Нуми взглянула на компас и рукой указала Короторо направление. Животные вытянули свои длинные шеи и повозка загрохотала по каменистой дороге. Тронулись вроде бодро, но какой скорости можно ждать от оранжево-зеленой помеси балканского мула и перуанской ламы! Такой, от которой лишь разгорается нетерпение, а раздражение переливается через край.

Но Николай не стал на них сердиться. Ему даже стало весело. От свежего ночного воздуха, от ощущения свободы, которую, казалось, он чувствовал на вкус (потому что подлинную свободу можно попробовать даже на вкус), от ровного мерцания звезд, из-за которых их троица попала в такой переплет.

11

Песни Короторо. Ники Буяну в конце концов становится по-настоящему стыдно

Через два часа они прибыли на место. Ламомулы, или мулоламы, наверное, думали, что неслись во весь опор, судя по их тяжелому дыханию и по оранжево-зеленому поту, выступившему на спинах. Воздух вырывался у них из ноздрей со свистом, как из лопнувшего паропровода. Но толстый Короторо, встав на цыпочки, благодарно потрепал их по холке.

Пирамидка из травяного дерна одиноко торчала среди поля, но Мало не было видно.

— Я чувствую, он вот-вот появится, — сказала Нуми, прислушавшись.

— Если бы мы во всем полагались на чувства... — пробормотал Николай, намекая на ее неуместные терзания во время битвы со звездными.

Он озирался, ожидая погони, но все же надеялся, что звездные достаточно напуганы светом фонарика и снотворным газом, чтобы преследовать их.

Нуми задел намек насчет ее чувств, тревожило ее и долгое отсутствие Мало.

— Я не уверена, слышала ли я его голос, но я знаю, что он появится. Наверное, он внушил мне эту уверенность.

— А что он внушил тебе делать?

— Ждать.

— Этого и внушать не нужно, — поддел ее Ники. — Что нам еще остается?

— Ну почему ты такой? — огорчилась девочка. — Почему ты не радуешься, что мы спаслись? Посмотри, как радуется Короторо!

Толстый певец и вправду так радовался, что принялся отплясывать вокруг пирамидки, будто совершал какой-то обряд. Несмотря на свой вес, он ступал

удивительно легко, грациозно вертел над головой руками и порхал как настоящая балерина. Конечно, балерина несколько смешная, но вся его фигура в темноте выражала такое упоение, что танец Короторо походил на священнодействие. Танцуя, он издавал удивительно теплые, мелодичные звуки, и Ники задумался, почему голос толстяка столь красив в отличие от каркающих голосов звездных и низкого грубого голоса пастуха. Может он принадлежал к особой, третьей здешней расе, или певцы просто рождались с такими голосами?

– Скажи ему, чтоб не спешил радоваться. Пусть лучше подумает, что делать дальше.

– Нужно уважать чувства представителей чужих цивилизаций, – наиздательно ответила Нуми, вспомнив о недавней обиде, нанесенной ей в связи с ее собственными чувствами.

– Ну разумеется! – засмеялся Ники. – Лучше хорошенько послушай, не летит ли Мало, потому что если он не прилетит, я не знаю, какую песню мы с тобой запоем!

– Прости меня! Я не хотела тебя обидеть. Но излучение от плохих мыслей настолько сильно, что у меня в голове начинает звенеть.

– Да, а когда я думаю о чем-то хорошем, то ты не обращаешь на это никакого внимания!

Их ссору прервал своим воркованием толстяк.

– Он поет что-то осмысленное, или просто так, воркует? – поинтересовался мальчик.

Нуми вслушалась в пение Короторо, а потом стала медленно переводить: «Сейчас я вам пою о свободе... Я пою вам о свободе танцевать... Я пою вам о свободе петь под звездами...» Дальше я не все поняла. Ага! «Я еще пою о праве танцевать под Дневной звездой, матери всех остальных миров...»

– А вот это – неверно, – вмешался Николай. – У каждого мира есть своя звезда-мать.

Охваченный ритмом слов и мелодией танца, Короторо не слышал их. Он сделал еще один плавный и, сколь ни странно для его неуклюжего тела, изящный круг вокруг пирамидки. Потом протянул руку к звездам и заворковал новую мелодию. Нуми стала переводить:

Все мы – дети звезд,
вечерних и дневных,
все мы – звезды, искры поднебесья.
Мы в пространствах светимся ночных,
и о звездах я пою вам песню.
О белых звездах вам, друзья, пою,
о розовых, о желтых и о красных,
о тех, что не увидеть в телескоп –
волшебных и прекрасных.
Сколько в небе звезд! Не сосчитать!
Я о небе, полном звезд, пою.
Сколько звезд горит у нас в сердцах!
И о звездном сердце моя песня.
И о человеке-смельчаке,
и о том, что все мы с вами – звезды,
и должны скорей, пока не поздно,

черноту ночной беззвездной тьмы
звездностью сердец заполнить наших!..*

Короторо медленно опустился на колени и замер, глядя в звездное небо, как в бездну, которую нужно заполнить. Потом он встал и склонился в глубоком поклоне перед своими спасителями.

Николай захлопал, но девочка с Пирры остановила его:

– Почему ты шумишь? Разве ты не слышал, какую прекрасную песню он спел для нас?

– Но я... – смутился мальчик. – Мне она понравилась. У нас на Земле так выражают свое одобрение.

– Вот и поступай так на Земле, а здесь, среди чужой цивилизации эти обычаи ни к чему, – сказала Нуми, показав, что и она может быть несправедливой.

Но Ники рассмеялся, решив ее задобрить:

– Здесь даже не одна, а две цивилизации! Кажется, я начинаю понимать, почему эти сморчки хотят отрубить ему голову. Вот только непонятно, зачем эти беззвездные им поддаются. Такие крепкие, сильные люди покорны, словно овны. Порасспроси-ка его, должен же я что-то записать об их цивилизации!

Устав от танцев, Короторо сел, вытянув вперед коротенькие ножки, и заворковал в ответ на вопросы чужеземцев:

– Беззвездные – необразованны, но добросердечны. Они с любовью выращивают скот, строят дома и тоскуют по звездам. Звездные дают им есть до отвала, заставляют работать, а им только того и надо. Беззвездным внушают, что других миров нет, что их мир единственный и самый лучший, а звезды принадлежат только звездным. Я же пою беззвездным, что это не так. Что иных миров много и что они лучше нашего.

– Но откуда он это узнал? – спросил Ники, выслушав перевод.

– Я вижу другие миры, когда начинаю танцевать. И когда сплю, тоже вижу.

– А хочешь увидеть их наяву? – спросила Нуми.

– А я их и вижу наяву, – убежденно заявил Короторо.

– Нет, ты их видишь в своем воображении. Но если ты отправишься с нами, ты увидишь их воочию. Скоро за нами вернется тот, кто доставил нас сюда. Он может лететь быстрее света Большой дневной звезды и мгновенно доставит нас туда. Летим с нами, если хочешь.

– Это правда? – не поверил Короторо.

– Скоро ты в этом убедишься. Он вот-вот прилетит. Я чувствую, что он уже близко, – ответила Нуми и тут же стала с жаром доказывать земному другу, что Мало непременно впустит в себя этого храброго и доброго певца.

– У тебя не все дома! – вскипел мальчик. – Что мы с ним будем делать? Во-первых, никакой он не храбрец, а во-вторых...

Он хотел сказать: «Ты только посмотри, какой он толстый, Мало его не прокормить», но устыдился, потому что это могло прозвучать эгоистично.

– Ники, как тебе не стыдно! – строго сказала девочка. – Его ведь убьют, если он останется здесь!

На этот раз Николаю стало действительно стыдно. А певец, который сидел, глядя в небо, внезапно вскочил, будто что-то услышал. И весело затанцевал вокруг пирамидки.

* Перевод стихов Сергея Литвиненко

Конечно же, он ничего не услышал, потому что только экспериментальная девочка с Пирры, обладающая сразу двумя мозгами, могла слышать, как Мало несется через пространства.

12

Возвращение Мало. Последнее вмешательство в дела чужой цивилизации

Ничего, кроме воркования Короторо и фыркания ламомулов, щипавших травку, не услышал и Ники. Он был встревожен, потому что звезды уже начали бледнеть. Скоро должен был наступить день, а Мало все не появлялся.

– Что это его опять прихватило? – спросил Ники, кивая на Короторо.

– Поет о нас, – укоризненно ответила Нуми. – Здорово. Начинается так: «Радуйтесь, люди, говорит вам Короторо...» Потом что-то благодарственное по нашему адресу, что мы, мол, прибыли спасти истину. Длинная песня, я не все понимаю... А вот слушай дальше: «Приближается час истины. Истины, чьи крылья светлее лучей Большой дневной звезды. Истины, чье дыхание теплее тепла Большой дневной звезды. Истины, чей аромат тоньше аромата самого красивого цветка в мире...»

Нуми замолчала, чтобы услышать следующие слова песни и снова стала переводить:

«И я отправлюсь в путь вместе с настоящими звездными людьми, чтобы принести в своих ладонях настоящую правду о других мирах...»

– Ники, он принял наше приглашение! – шумно обрадовалась девочка.

– Потом нам придется вернуть его обратно, – насупился Ники. – И они все равно его убьют...

– Может, он решит остаться где-нибудь в другом месте, – возразила Нуми.

Допев свою песню до конца, Короторо снова поклонился своим спасителям.

– Скажи ему, чтобы не кланялся так часто, иначе я не возьму его с собой, – попросил Ники. – Все люди равны, мы же не звездные сморчки...

– Но это, наверное, их обычай, Ники! Не сердись! С ним нам будет веселее, вот увидишь. Ты ведь слышал, какие прекрасные песни он поет! Гляди! – ликуя крикнула она. – Вон туда гляди!

Короторо, не разбиравший слов девочки, тоже уставился в небо, туда, куда указывала Нуми, а потом встал на колени, словно перед алтарем.

От бесчисленного множества звезд отделилась и стремительно понеслась вниз одна звезда. Она быстро увеличивалась в размерах, становясь солнечно-желтой.

– Это он? – взволнованно спросил Ники.

– Я ведь тебе говорила! А ты не верил. Он не стал нас ждать здесь, чтобы его никто не увидел. Это было бы вмешательством в жизнь здешних людей.

– Но ведь его увидит Короторо!

– Ты разве забыл, что мы берем его с собой?

– До чего же красив, – сказал мальчик. – Несется, как метеор!

Он испытывал не только признательность к этому загадочному существу, сейчас он испытывал к нему любовь, ту, которой любят отчий дом.

Космический Пегас описал плавный крут над их головами, выбрал место для посадки и опустился в десяти метрах от пирамидки из дерна. Устроившись

поуютней, как это делают птицы, сидящие на яйцах, Мало выключил огни. Ламомулы испугались и со всех ног бросились бежать, таща за собой ужасно тархтящую повозку.

Никто не стал их догонять, потому что они уже не были нужны.

– Ну, Короторо, – заторопила толстяка Нуми. – Нам пора, надо взлететь, пока нас никто не видит.

Толстый певец, однако, не сдвинулся с места. Он стоял на коленях перед Мало, будто молясь ему.

– Не бойся, милый Короторо. Это всего лишь добрая звезда, которая доставит нас на другие звезды, – постаралась объяснить ему Нуми, используя местные представления и выражения. – Потом, если ты захочешь, мы снова вернем тебя сюда. Ты всего лишь убедишься, что твоя истина о других мирах не выдумка.

– А если – выдумка? – с неожиданной для ребят мудростью спросил певец. – А если звездные окажутся правы?

– Но ведь ты сам пел о ней в своей песне!

– Я верю вам. И очень счастлив, что моя истина – не выдумка.

– Почему же ты не хочешь лететь с нами?

– А если она все-таки окажется выдумкой?

– Буф-ф, ничего не понимаю! – чуть не расплакалась девочка. – То ты веришь, то не веришь! Зачем же ты поешь о ней, раз не веришь в нее?

– Я верю, верю в нее, – поспешил успокоить ее Короторо. – Но если это окажется выдумкой, значит, я обманывал людей. А если нет, то это уже будет не моя истина. А сейчас она только моя, понимаешь?

– Не понимаю, – беспомощно проговорила девочка и обратилась за советом к Ники.

Успокоенный присутствием Мало, Николай уже снова обрел способность шутить.

– За свою долгую и нелегкую жизнь, – начал он голосом своего прадеда, – я, кажется, не встречал подобного певца. Он...

– Ники, – всхлипнула девочка. – Ты опять хочешь сказать что-то нехорошее.

– Наоборот, я...

Но Короторо прервал их настойчивым воркованием, наверное, почувствовав, что они ссорятся из-за него.

– Я пою лишь о тех истинах, которые принадлежат только мне, понимаешь? – решил объяснить свое поведение Короторо. – Я не могу петь о других истинах. Если я потом расскажу, что побывал на других звездах, никто мне не поверит. Сейчас беззвездные знают, что это мои песни. Они их любят и верят мне. И все больше людей будет мне верить. Даже некоторые звездные поверили мне и отказались от своих звезд, начав работать, как простые беззвездные.

– Он продолжает философствовать? – Ники почувствовал раздражение. По его мнению, они только зря теряли время.

– Не хочет. Говорит, никто потом ему не поверит. А сейчас ему верят. Опять эта странная логика! погоди, я посоветуюсь со своим мозгом. – Она прислушалась к себе и тут же сказала: – Похоже, люди здесь больше верят в истину, о которой поется в песнях, чем в действительную. Странно, правда?

– Напомни ему, что его убьют! Певец грустно покачал головой.

– Да, меня убьют. Но тогда еще больше людей мне поверят. И будут петь мои песни. А когда поверят все, мне поставят памятник. А в памятники верят больше всего.

– Что он сказал? – спросил Ники. – Прошу тебя, побыстрее! Сейчас не до трепе...

– Что означает «треп»?

– Диспут, обсуждение, обмен мнениями... – затараторил Ники, напрягая всю свою волю, чтобы девочка не прочла в его мыслях подлинный смысл этого слова.

– Ага, – недоверчиво протянула Нуми и передала ему слова певца.

– Действительно странно, но, может быть, он прав. – Ники задумался, а потом как можно серьезнее сказал голосом своего прадеда: – За свою долгую и нелегкую жизнь, Нуми, я не раз замечал, что люди больше верят в камни, чем в истины.

– Я люблю его! – вздохнула девочка.

– Так уж сразу и полюбила! – в душе у Ники шевельнулась ревность. – Что ж, подумай тогда о времени. Знаешь, что может произойти? Когда мы вернем его обратно, здесь уже не будет ни звездных, ни беззвездных. Кому он тогда станет петь свои истины? Будущим людям они будут известны. Над ним станут смеяться! Он этого не вынесет. Это значит, убить его самым жестоким способом. Человек должен бороться за правду в свое время. Истины чужих цивилизаций – чужие истины.

Нуми удивленно посмотрела на него.

– Ники, оказывается, ты умеешь говорить также умно, как и мой искусственный мозг! Он сказал мне то же самое.

Мальчик не знал, обижаться ему, или чувствовать себя польщенным. Он сказал, смущенно улыбаясь: – Ладно, ладно! Не будем уповать на искусственный мозг! В путь!

И, чтобы ускорить прощание, подошел к стоящему на коленях певцу, поднял его и обнял.

– До свидания, Короторо! Держись! Не отступай перед дураками, для которых звезды служат лишь украшением собственных животов.

Он говорил, зная, что певец вряд ли поймет его, но тот как будто бы все понял и храбро распрямил плечи.

Нуми тоже обняла нового друга, всхлипнув на его плече.

– До свиданья, милый Короторо! Твои песни очень, очень хорошие! Я понесу их с собой в другие миры, чтобы и там их пели! – сказала она ему на его языке, и певец снова упал на колени перед своими спасителями.

Земной мальчик строго прикрикнул на певца, он не выносил, по его выражению, подобных телячьих нежностей и потому поставил Короторо на ноги. Даже вздернул кверху его толстый подбородок, чтобы тот поднял голову. И это было их последнее вмешательство в дела чужой цивилизации.

Расстояние до Мало оба проделали пятясь, махая Короторо руками на прощанье, покамест не исчезли в мягкой, податливой плоти загадочного существа. А Короторо продолжал стоять так, как бы он, наверное, стоял на постаменте собственного памятника.

Мало снова раскалился до солнечно-желтого цвета, взлетел вверх и стрелой вонзился в предрассветное небо.

На поляне остался Короторо и пирамидка из зеленого дерна. Он еще постоит так немного, а потом зашагает своей дорогой, всюду распевая свои песни,

пока ему не отрубят голову. И тогда лишь пирамидка останется единственным свидетелем того, что здесь когда-то побывали люди из других миров.

А здешние жители будут недоуменно прищелкивать языком при виде ее, как мы на Земле перед некоторыми подобными древними загадками. Одни будут верить, что они сотворены руками инопланетян, другие нет. Потому что люди всюду одинаковы.

13

Действительно ли человек –
наивысшее существо.

Что может случиться, когда целуются
представители двух цивилизаций

Мало был сейчас для ребят и матерью, и отцом, и родиной. Во всяком случае такое чувство испытали они, как только вошли в него. Они не знали, рад ли он им, потому что не понимали его чувств, но стоило им сбросить шлемы, чтобы те не давили на них лишним грузом, и принять горизонтальное положение, чтобы легче было перенести ощущение невесомости при взлете, как оба, не сговариваясь, снова подумали о Мало с благодарностью и любовью. И им хотелось верить, что он, всемогущий и всезнающий, примет эти их чувства.

Первым пришел в себя Ники. Как всякий земной мальчик, немного стеснявшийся всяких, как он говорил, телячьих нежностей, он предложил:

– Выключи этот твой мозг, а? Он ведь тебе уже не нужен.

– Небось, хочешь подумать обо мне что-то плохое, – сказала Нуми. – Пожалуйста, я его выключаю.

При свете фонарика Ники заметил, как рука ее сделала знакомый ему жест. Сейчас этот жест показался ему милым и кокетливым. Он искренне удивился:

– Почему я должен думать о тебе плохо? Ты мне ничего такого не сделала.

– А там, в темнице?

Он рассмеялся, потому что, конечно же, давно ее простил.

– Верно, ты несколько раз выводила меня из себя, но ведь вы, девчонки, все такие, независимо от того, сколько шариков у вас в голове...

– Это какие же такие?

– Такие... – смутился мальчик. – Досадные!

– Вы, мальчишки, тоже иногда бываете досадными.

– Возможно. Ну ладно, хватит нам друг другу досаждать! Я голоден, как волчица.

– Что значит «как волчица»? – тут же задала она один из досадных вопросов.

– Есть у нас такое выражение. Когда кто-то очень голоден, он говорит: я голоден, как волк. А я говорю: как волчица. Зачем придирайтесь только к волкам? Я – за равноправие.

– Ну, тогда я голодна, как волк, – сказала Нуми. – Пошли есть!

– Буф-ф! – воскликнул он. – Одной кашей такой голод не утолишь, придется глотнуть хотя бы одну таблетку.

– Что ж, съешь одну. Здесь мы ими так и не воспользовались. Знаешь, у тебя здорово получается это наше «буф-ф»!

Николай сконфузился, подумав, что она подтрунивает над ним, и сказал:

– Вот оно, вредное влияние чужих цивилизаций!

И поспешил проглотить таблетку. Потом прислушался к своему желудку и почувствовал, как все его существо охватывает сладостное чувство насыщения.

Нуми приподнялась на локте и вгляделась в его лицо.

– О чем ты сейчас думаешь? Мне очень хочется знать, а ты не позволяешь мне включить искусственный мозг.

– Думаю продиктовать об этой цивилизации записывающему устройству. Я так и не понял, как она называется, в какую сторону вертится? Вправо, влево? Во всяком случае, в каком-то ошибочном направлении.

Девочка весело рассмеялась.

– Мне очень нравится, что ты умеешь шутить. Хотя иногда шутишь с серьезными вещами. Я так не могу. Мне мешает искусственный мозг. Если что-то покажется мне смешным, он сразу же начинает это объяснять, и смешное перестает быть смешным.

Ники немного отстранился: ему стало неловко – и от ее признания, и от близости ее лица.

– Да, это так, с искусственными мозгами не посмеешься. Они ужасно серьезны.

– Но у меня есть и настоящий.

– Я думаю, что вот его-то ты и должна больше слушаться. Искусственный сообщает чужую информацию.

– Но тогда – плакал наш эксперимент, – повторила она его выражение.

– Пусть, – твердо сказал Ники. – Человек не может быть экспериментом, это обидно. Человек – наивысшее существо во Вселенной.

– А Мало?

– Мало... Мы ничего про него не знаем. Может быть, и он создан человеком. Ведь именно так говорится в вашей легенде.

– А что ты думаешь об этой цивилизации? Они ведь тоже люди.

Да, люди, но уж очень трудно назвать наивысшими существами звездных сморчков, которые выменивали и продавали звезды как стеклянные шарики для игры. Чтобы выйти из затруднительного положения, Ники уклончиво ответил:

– Жаль мне того симпатичного пузана.

Девочка с Пирры обрадовалась:

– Вот видишь, не такие уж мы и разные. Я тоже постоянно о нем думаю. И знаешь, что я придумала? Мы попросим Мало когда-нибудь снова доставить нас туда. Тогда там пройдет уже много лет и все будет совсем другим. И мы увидим, постигла ли эта цивилизация истины Короторо, поняла ли она, каким чудесным человеком он был.

– И возложим к его памятнику звездный венок, – добавил Ники.

Она посмотрела на него глазами, которые светились, как звездочки.

– Ты чудесный мальчик, Николай Петров Иванов Стоянов Петков...

– Не нужно перечислять все имена! – прервал он ее.

– Не понимаю, почему тебя прозвали Буяном, по я...

– Я ведь тебе уже говорил, что это сокращенный вариант моей фамилии – Буяновский.

– Ты – чудесный мальчик, Ники!

– Ладно, ты уже это говорила, – смутился он, и, не сумев придумать более удачной шутки, добавил: – К тому же мне это давно известно.

– Не прерывай меня, пожалуйста, – продолжала она таким тоном, будто высказывалась на пионерском сборе. На земном пионерском сборе, разумеется,

потому что Ники не знал, есть ли на Пирре такая организация. – Ты не можешь читать мои мысли, Ники, поэтому я должна тебе их высказать. Ты вел себя как настоящий мужчина. Если бы не ты, мы бы пропали. И Короторо тоже бы погиб.

Она еще больше приблизилась к нему и Ники чуть ли не в панике пробормотал ей в лицо:

– Подумаешь! Каждый может...

– И знаешь, что я еще подумала? Я подумала, что...

– Но я не желаю знать твоих мыслей! – прервал он ее, словно ему грозила какая-то опасность.

– ...Я подумала, что должна тебя поцеловать.

– Неужели и у вас принято целоваться? – глухо спросил Ники, потому что не знал, что ей ответить, и попытался встать.

Но она схватила его за уши и ткнулась ему носом в щеку. Мальчик стал вырываться и ему удалось, правда довольно грубо, освободиться из ее рук. Его уши так покраснели, что на той планете, которую они недавно покинули, вероятно, за них заплатили бы как за самые дорогие красные звезды.

– Я тебя прощаю, ты ведь экспериментальная, – сказал Ники. Но в его словах не было обиды. Они даже могли сойти за шутку. Герою в конце всегда полагается поцелуй, а ведь он чувствовал себя немножко героем этого приключения.

Нуми молча направилась куда-то. Он забеспокоился:

– Эй, эксперимент! Ты куда?

– Если ты еще раз назовешь меня так, я буду звать, тебя Буяном!

– Ты, кажется, рассердилась?

– Нет! Но я не понимаю, почему ты такой.

– Чужая цивилизация, что поделаешь!

– Да, верно! Ты производишь от обезьяны, – сказала девочка, показывая тем самым, что, вопреки искусственному мозгу, и она умеет иронизировать. А, может, оттого, что он был отключен. – Извини, но я включу свой искусственный мозг. Мне очень хочется понять, почему иногда ты ведешь себя, как настоящий мужчина, а иногда – как дитя.

– Не надо! Во всем виноват, наверное, переходный возраст.

– А что это такое?

Ники, смущаясь, рассказал ей про этот довольно неприятный период в жизни человека, когда ты еще не взрослый, но уже и не ребенок. Ты легко раздражаешься и без причины плачешь, после буйной радости тебя охватывает страшная безысходная скорбь.

– Потому у меня и голос такой хриплый, – добавил он.

Нуми глядела на него, как бы пытаясь увериться, что он действительно таков: ни ребенок, ни мужчина. Стало быть, у человека бывает третье состояние? Вдруг она с испуганным криком подбежала к нему.

– Что это?

Нуми схватила его за все еще красные уши и повернула к свету.

– У тебя вся щека в каких-то... – она не могла подобрать слова. – Тебе не больно?

– Нет, а в чем дело? – встревожился Николай, почувствовав зуд на щеке.

Да, щека его адски зудела, как бы выразился он на Земле. Его пальцы нащупали какие-то волдыри и прыщики.

– Может быть... Может быть, потому что... Я сейчас спрошу свой мозг, – сказала экспериментальная девочка и нажала кнопку за ухом. Немного послу-

шала и сказала: – Это несовместимость. Наверное, от моего поцелуя. Несовместимость организмов.

– Пройдет, – храбро успокоил ее Ники. – Наши доктора называют это аллергией. Ребенком я был очень аллергичен. К самым вкусным вещам не мог притронуться! К клубнике, к меду и шоколаду...

Он сконфузился, подумав, что его слова насчет аллергии к самым вкусным вещам могли быть отнесены и к ее поцелую.

Находясь в космосе впервые, Ники, естественно, не знал, что в данном случае это совсем иная аллергия. Я уверен, что каждый из вас, кто целовал существо с другой планеты, имел возможность убедиться, что щека его при этом немедленно покрывается прыщиками.

14

Что такое «трень-брень».

Прощание с героями

Нуми была неутешна.

– Но ведь это ужасно, – сказала она. – Представители двух различных цивилизаций не могут поцеловаться!

– Ну и не нужно им целоваться! Не так уж это важно! – вздохнул Николай, которому хотелось содрать кожу со щеки.

– Глотни из трубочки в шлеме немного лекарства. Может, поможет.

Ники решил последовать ее совету, скрыв лицо за шлемом. Наверное, с этими прыщиками он выглядел ужасно.

Капелька лекарства из трубочки сразу же подействовала. Язык и небо словно закололи тысячи иголок. Он даже перестал чувствовать зуд. Вдруг ему стало страшно: а что если это лекарство из чужой цивилизации подействует на него, как яд. Ведь ему стало плохо только от одного поцелуя! И он поспешил стащить шлем.

– Еще не прошло, – сказала Нуми. – Пошли, намажем ее питательным раствором Мало. Может быть, он поможет.

И она виновато протянула ему руку. Ники уже хорошо знал дорогу к котлу с чудодейственной кашей, но руку принял, потому что нарочно не взял фонарик. Если вы не забыли, детям предстояло раздеться перед тем, как залезть в котел.

Когда они пробирались ползком в непроглядной тьме, Ники забеспокоился.

– Как ты думаешь, Нуми, куда сейчас летит Мало?

– Не знаю.

– Как ты не знаешь? А если он нас занесет опять бог знает куда?

– Пусть заносит, куда хочет! – дрожащим эхом отозвался голос девочки.

Голос звучал как-то странно, и Ники осторожно спросил:

– Нуми, ты плачешь?

– Плачу! – всхлипнула перед ним темнота.

– Но почему? Ты не виновата.

– Наверное, на Пирре у меня уже нет ни мамы, ни папы, никого. И с тобою мы несовместимы.

Николай остановился. Ему показалось, что стены коридора вдруг сжали его с двух сторон с ужасной силой. Ведь вполне возможно, что и у него уже никого не осталось.

– Нуми! Ты где? – почти в ужасе крикнул он, представив, что он потерял ее в этом непроглядном мраке и что ему самому никогда не выбраться отсюда.

– Я здесь, – отозвалась она где-то рядом.

– Дай мне руку.

– Вот она, – сказала девочка.

Ники встал на колени и зашарил руками перед собой. Наконец они коснулись, а потом схватили хрупкий кулачок. Он дрожал в его ладонях, как воробышек.

– У меня уже все прошло, – заверил он ее. – Я уверен, что прошло, потому что ничего не чувствую. Не плачь, Нуми! Мы что-нибудь придумаем. Какую-нибудь интересную игру! Знаешь, какие неукротимые, шальные мысли приходят иногда мне в голову! Видно, меня зовут Буяном не только из-за фамилии...

– Осторожно, ты сломаешь мне пальцы!

Он отпустил ее руку, но тут же снова ухватился за нее.

– Хочешь, я передам знания моего искусственного мозга тебе, чтобы ты ими пользовался, а ты сделаешь так, чтобы шальные мысли приходили и мне в голову?

Не такую игру представлял себе Ники Буян. Да и как сделаешь, чтобы ей в голову приходили шальные мысли, когда там прочно обосновался этот трезвый искусственный мозг? Но главное, что она уже не плакала, и чтобы развеселить ее, он сказал голосом своего мудрого прадеда:

– За свою долгую и нелегкую жизнь, Нуми, я еще не встречал такой чудесной девочки, как ты!

– Правда? – тихо спросила она.

– Честное слово.

Теперь она стиснула его пальцы. Это был знак благодарности.

– Скажу потом Мало, чтобы он нашел для нас планету, населенную страшными зверьми, – замахнулся на будущее Ники. – Такими зверьми, которых нигде нет!

– Откуда же он их возьмет, раз их нигде нет? – немедленно отозвался логичный мозг экспериментальной девочки. – А мне хочется попасть на планету, полную прекрасных цветов.

– Ну, как хочешь! – уступил Николай, хотя вряд ли человеку могут прийти в голову шальные мысли, если он живет на планете, полной прекрасных цветов.

– Нет, – неожиданно сказала Нуми. – Будет так, как ты хочешь.

Теперь заупрямился Ники:

– Э, нет! Как хочешь ты!

– Но я хочу, чтобы было так, как желаешь ты.

– Хорошо. Ты хочешь, чтобы было так, как сказал я. Но так как я хочу, чтобы было, как хочешь ты, значит, должно быть так, как того хочешь тебе.

– Мы действительно несовместимы! – опять чуть не расплакалась девочка.

– Трень-брень, – сказал он. – Очень даже совместимы!

– Что это «трень-брень»?

Снова приходилось объяснять то, что не поддавалось объяснению!

– А вот что! Когда встретятся два мозга, то один начинает бречать одни глупости, а другой – другие.

Двигайся поживее, а то мне надоело приседать в этой теснотище!

– Но у нас есть третий мозг! – попыталась возразить девочка, как всегда, не поняв его шутки.

Ники слегка подтолкнул ее, чтобы она продвигалась быстрее.

– Верно! Двое с тремя мозгами быстрее найдут общий язык. Вперед!..

Они продолжали двигаться в сторону, противоположную той, куда их мчал фантастический Пегас.

Куда же он их нес? Это было известно только ему, но мы уверены, что если отправиться на поиски этих двух детей рода человеческого – Нуми с Пирры и Ники с Земли, то они отыщутся где-то среди звезд. Потому что Спасаящий жизнь, или, как его называли на пирранском языке, Малогалоталотим вряд ли позволит им погибнуть.

А пока что они мокли, погруженные по шею в питательном растворе его теплой материнской утробы, и продолжали спорить о совместимости. А когда девочка и мальчик принимаются спорить, то спор этот обыкновенно длится очень долго. Особенно, если они представители различных цивилизаций. В их оправдание заметим, что вопрос этот действительно важен. Как не взволноваться, размышляя: совместимы ли мы с самым близким человеком? Ведь только ему можно поведать о своей грусти по утраченному! Только он может помочь, чтобы ты не сошел с ума от отчаяния и одиночества. И только с его помощью ты можешь поверить, что все будет хорошо.

Даже с прыщами на щеке Ники ощущал девочку с Пирры ближе родной сестры. И это было естественно. Так бывает всегда, когда встретятся две цивилизации. Они могут ссориться, даже надавать друг другу тумаков, но друг без друга они больше не могут жить. Это неопровержимый закон природы. Вот почему мы не должны над ними смеяться, просто мы можем их не слушать. Пусть поспорят вдоволь, а мы для разнообразия взглянем на мир оком Мало!

Он уже набрал свою самую высокую скорость и летел в радужном звездном туннеле. А тот из вас, кто летел в таком туннеле, знает: там так красиво, что дух захватывает. И уже не думаешь, куда он тебя выведет, – к добру или злу, к зверю или человеку. Потому что, в какой бы конец Вселенной он тебя ни привел, все там будет, как в настоящей сказке.

Всего хорошего, Нуми! Будь здоров, Ники! Не покидай нас и ты, чудесный звездный конь, который так самозабвенно мчит смелых детей человечества сквозь времена и пространства!

КНИГА ВТОРАЯ

Ничто так не меняет человека, как космос
и переходный возраст.

Ники Буян

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Конец спору.

Что видят девочки, что видят мальчики
и кто из них – наоборот

Давайте снова скажем Нуми и Ники «Добрый день», хотя в космосе, конечно, нет ни дня, ни ночи; там все относительно, как утверждают ученые. Дни и ночи бывают только у планет, которые вертятся вокруг себя, как мы летом вертимся на пляже, чтобы солнышко припекало то спину, то живот. Если живешь близко к какой-нибудь звезде, будешь вечно жариться в ее ужасно знойном вечном дне. А если живешь далеко от звезд, будешь стучать зубами в вечной, ужасно холодной ночи. Но ведь и сами-то слова «день» и «ночь» придуманы людьми, а космосу все равно, когда у нас день, а когда ночь; вполне вероятно, что у тех, кто живет на других планетах, существуют свои слова для обозначения часов, лет и вообще времени. И эти слова известны одному только Спасающему жизнь – Малогалоталотиму, потому что он знает Вселенную по-своему и по-своему передвигается в ней, так что ему ни холодно, ни жарко.

Наши герои, съезжившись, сидели рядышком в зрачке Мало и напряженно всматривались в радужный туннель. Они уже давно нырнули в подпространство и выскочили, наверное, совсем в другую галактику. Ники все никак не мог привыкнуть к сильному удару, который получался, когда Мало внезапно нырял в подпространство, или в Ничто. Не помогало и лекарство из специальной трубочки пирранского скафандра. Ники каждый раз казалось, что на спину ему обрушивается четырехстворчатый шкаф, а в ушах гремят поврежденные выхлопные трубы доброго десятка мотоциклов. Потом в голову врывалось Ничто, он судорожно пытался хоть что-нибудь запомнить, но напрасно. То ли он умирал там, в подпространстве, где наш мир вообще не существует, то ли Ничто и запомнить нельзя. Запомнить можно что-то, а как запомнишь ничто? Попробуйте и сами в этом убедитесь! И тогда вы не станете сердиться на Нуми и Ники, да, кстати, и на автора, за то, что они ничего не могут вам рассказать об этом самом Ничто.

Потом следовал новый удар, после которого они опять просыпались в красивом Допплеровом туннеле. На этот раз что-то уж очень долго они в нем летели. Должно быть, планета, которую выбрал для них Мало, находилась не близко. Они успели снова насытиться питательным раствором в его утробе и поспать, а потом долго рассказывали друг другу разные земные и пирранские истории. И только теперь радужные полосы стали бледнеть. Сначала растаяли желтые и оранжевые, а потом остальные, и в круглом иллюминаторе проступила тьма межзвездного пространства; Мало снижал скорость.

– Он правда не сказал тебе, куда мы летим? – в который уже раз спросил Ники. – Может, ты мне приготовила сюрприз?

– Буф-ф! – воскликнула Нуми. – Я же тебе объяснила, что не могу разговаривать с ним так, как с тобой! Когда нужно, он мне внушает, что делать, и все!

Но Ники не унимался.

– А что ты ему все-таки заказала? Признавайся! Зверей или цветы?

– То, что ты хотел! Планету с неведомыми животными!

– Но ведь я же тебе сказал, что хочу того, чего хочешь ты! А раз ты хочешь того же, чего хочу я, стало быть, все должно быть так, как хочешь ты!

– Буф-ф, Ники! Ты опять за свое! У меня даже голова закружилась.

Ники засмеялся.

– А разве твой искусственный мозг может чувствовать головокружение?

– И он почувствует, если не перестанешь спорить.

– Ладно, не буду. Главное – где-нибудь приземлиться, а то мне уже осточертело.

– Почему «сто»? – с любопытством спросила Нуми и даже осмотрела мальчика, чтобы увидеть сто чертей. Вы, конечно, помните, что она великолепно говорила на земном языке, но ей были непонятны кое-какие выражения, которые употребляют земные ребята, потому что язык она учила по радио и телевидению.

– Я хочу сказать, надоело, – исправился Ники: объяснить слово «осточертело» было нелегко.

– Значит, тебе со мной скучно?

– Буф-ф! – воскликнул Ники совсем как пирранец. – Одна досада с вами, пирранскими девчонками, что ни скажи, сразу ни с того ни с сего обижаешься.

Глаза у Нуми погрустнели, и он поспешно добавил:

– Я же тебе сказал, мне с тобой очень хорошо, и у нас полная совместимость. А насчет свертывания времени, может, еще и выдумка. И может, все они на Земле и на Пирре живы и здоровы. Ведь еще никто не путешествовал в космосе так, как мы, и никто ничего не знает.

– Наука никогда не ошибается, – вяло возразила Нуми.

Ники привстал на коленях – он отсидел себе ноги.

– Она ошибается, но не нарочно. Сама видела, сколько раз ваша наука говорит одно, а наша совсем другое.

– Да, но про свертывание времени обе одного и того же мнения.

Это действительно так. Однако Ники не выносил, когда девчонки плакали; у него у самого на душе кошки скребли, и потому он стал изображать своего прадеда и заговорил стариковским голосом:

– За свою долгую и нелегкую жизнь, Нуми, я убедился, что мы вечно думаем про Вселенную одно, а потом оказывается, что она – нечто совсем другое. А когда мы поверим в это другое, впоследствии оказывается, что оно вовсе не такое, каким мы его себе представляли. И так далее, до бесконечности. В науке то же самое. Главное – не вылезать в космос в одних тапочках, так и насморк недолго схватить!

Тут Нуми, наконец, улыбнулась. Конечно, она не знала, как можно «схватить» насморк, но Ники, разумеется, прав, говоря о том, как люди могут заблуждаться, в то же время веря в свою правоту. Улыбка у нее была уже не радужная. И лицо было не пестрое, а обыкновенное и сияло ясным солнечным светом.

Круглый зрачок Мало был залит огнем неведомого солнца. Ники уже не боялся, что они могут упасть на звезду и сгореть в ней: Мало обходил ее по орбите, чтобы приблизиться к искомой планете. Как он мог заранее знать, что

на ней находится, – было одной из тайн этого загадочного существа, которую людям никогда не разгадать, пока они сами не приобретут такую же фантастическую способность.

В молчании ребята ждали, что покажет им зрачок Мало, способный видеть на миллиарды километров. И вот круглое оконце иллюминатора потемнело, черный космос был густо усеян звездами, как кекс изюминками. Одна из них начала расти и быстро превратилась в желтый шарик. Слабое сияние тут же ее выдало: она только притворялась звездой, а на самом деле была планетой и отражала свет своего солнца. Вы, наверное, знаете, что все планеты отражают свет солнца, которое дало им жизнь.

Интересно, какую планету предложит им на этот раз добряк Мало? Те, на каких они побывали до сих пор, оказались не очень интересными: то «сому кусапиенсы», которые только и знали, что кусать друг друга, то и вовсе глупые звездные жители, рубившие головы сторонникам истины.

Ники уже вспотел от напряжения. Хорошо, что пирранский скафандр впитывает любую жидкость, которую выделяет его тело. Эх, был бы у него такой скафандр на земле, тогда бы мама перестала твердить: «Не бегай, а то вспотеешь и простудишься!»

Вскоре неизвестная планета заполнила все пространство космоса. Внезапно тела ребят стали легкими – это Мало выключил гравитацию вокруг себя и легко, как перышко, стал опускаться на планету. Он и здесь все делал не так, как придуманные людьми машины, а наоборот. При взлете и посадке в нем вовсе не возникали перегрузки, которые так тяжелы для земных космонавтов; у него перегрузки бывали только тогда, когда он входил в подпространство. А сейчас в Мало на несколько минут создалась невесомость.

Ники уже в пятый раз испытывал чувство невесомости, и оно ему даже стало нравиться. Если бы они сидели сейчас не в зрачке Мало, а в его просторной утробе, служившей им постоянным жилищем, он бы, наверное, даже поплавал в воздухе. Однако в следующую же минуту они прошли сквозь одеяло из облаков, которым была укутана планета, и глазам их представилось чудное видение.

Казалось, что лежащую под ними равнину раскрасил веселый и счастливый художник. Она вся поросла огромными кустами и высокими стеблями, усаженными пышными цветами самых разных оттенков. Ники не мог оторвать глаз от этой картины.

– Как во сне, – сказал он тихонько, будто боялся спугнуть планету.

– Они отвратительные!

– Ты что? – опешил Ники. – Я никогда в жизни не видел таких красивых цветов.

– Какие цветы! – огрызнулась Нуми. – Более отвратительных зверей и представить себе нельзя!

– Что ты мне голову морочишь! Какие звери? Ну, подумаешь, я сказал про зверей, так ты теперь...

Нуми рассерженно перебила его:

– Я не знаю, что такое «морочить» голову, но ты явно надо мной издеваешься, потому что это я хотела планету с цветами. Но я действительно передала Мало твое желание! Ты хотел зверей – так получай!

– Нуми, зачем ты так, – осторожно промолвил Ники, которому не хотелось ссориться перед самой посадкой на неизвестную планету. – Я ведь и вправду вижу только цветущие кусты и цветы, цветы... множество цветов...

Ребята недоверчиво посмотрели друг на друга. Не выдержав испытующего взгляда Нуми, Ники отвернулся и в изумлении воскликнул:

– Смотри-ка! Цветы куда-то пропали! И зверей я не вижу...

Девочка с Пирры удивилась не меньше.

– Все исчезло! Одни горы...

– Горы и море! Ведь мы еще далеко, Нуми, и ничего пока не видно. Что же это было?

– Не знаю. Нужно спросить мозг.

Девочка подняла руку и нажала кнопку электронного мозга за левым ухом. Внимательно выслушала то, что говорил ей внутренний голос, и снова выключила аппарат.

– Он говорит, что когда человек долго находится в закрытом пространстве и не получает никаких впечатлений, у него в мозгу иногда возникают какие-то видения. И человек якобы видит то, что ему очень хотелось бы увидеть, или то, чего и вовсе не бывает на свете. Ваши ученые называют это эйдетическими представлениями.

– Эй... де... тическими? – запинаясь, выговорил Ники трудное слово, он вспомнил, как здорово разыгрывается фантазия, когда подолгу сидишь дома в плохую погоду, а читать нечего. Но нет это, наверное, что-то другое.

– Да, эйдетическими, – повторила Нуми. – Так их называют у вас, но у нас это тоже бывает.

– Ну, ладно, – решил подразнить ее Буян, – а вот ты почему увидела моих зверей? Ведь тебе хотелось цветов? Вечно у тебя все наоборот!

– Это у тебя все наоборот!

– Но я в самом деле хотел планету с цветами, потому что так хотелось тебе.

– И я хотела, чтобы было по-твоему... с животными... – губы у девочки задрожали.

– Ладно, ладно, ты еще зареви сейчас, что мы несовместимы. И вообще эти представления не эйдетические, а идиотические!

Ники увидел, что она не поняла шутки или не приняла ее, наверное, не хотела обижать электронный мозг, и снова ухватился за премудрости своего прадеда:

– В своей длинной и нелегкой жизни, Нуми, я убедился, что девчонки вечно видят не то, что видят ребята, кто бы из них на какой планете ни жил.

– А мальчишки всегда все видят наоборот! – засмеялась девочка и вскочила с места. – Пошли за шлемами!

Она не рассчитала прыжок, ударившись головой в, мягкую плоть Мало, и волчком завертелась в воздухе размахивая руками и ногами. Ники чуть подтолкнул ее, и Нуми завертелась еще быстрее, заливаясь веселым смехом. Ники тоже хохотал, глядя, какие она выделяет штуки; этого ни одно эйдетическое представление не может себе представить!

Наконец Нуми взмолилась:

– Останови меня, наконец! Пожалуйста, Ники, сама я не могу! Мало вот-вот приземлится!

Он ухватился за сапожок ее скафандра и потянул вниз. А потом они поползли по темным проходам Мало, которые пульсировали как живые. Нужно подготовиться к выходу на незнакомую планету, и еще неизвестно, чем она их встретит: цветами или зверями.

Стыдно ли бояться. Еще один закон Вселенной.
 Как выглядит балерина в скафандре.
 Кто-то похищает Нуми

Они ступили на планету, ощущая в теле ту же легкость. Правда, это не было ощущение невесомости, в которой становишься совсем беспомощным, но им казалось, что почва у них под ногами прогибается, и они то и дело спотыкались. Нуми сообщила, что притяжение на этой планете куда слабее, чем на Земле или на Пирре, – наверное, она посоветовалась со своим мозгом. Мало на этот раз не стал улетать. То ли не боялся, что его могут увидеть, а значит, здесь не было людей, то ли просто выжидал, чтобы посмотреть, понравилась ли им новая планета.

Горизонт обрамляли далекие, нежно-лиловые горы. Трава поднималась выше колен. Неподалеку стоял лес с необыкновенно высокими деревьями – может, там притаились дикие звери?

– Нуми, – спросил мальчик, – как ты думаешь, остался еще у меня в пистолете газ?

Голос Нуми отозвался в шлемофоне:

– Наверное. Ты не так уж много израсходовал, когда обрызгал звездных жителей.

– Здорово я их, помнишь? Рраз в нос – и готово! Вместо ответа Нуми велела:

– Глотни-ка из второй трубочки.

Ники нащупал языком эту трубочку в нижней части шлема и втянул в рот немного предохранительной сыворотки. Вот досада, даже у пирранских лекарей неприятный вкус! Должно быть, это еще один закон Вселенной, решил Ники и повернулся к Нуми; она сосредоточенно изучала щиток с крошечными приборами, прикрепленный к рукаву ее скафандра. Ники тоже посмотрел на приборы. Термометр показывал, что на планете можно ходить в одних трусах, но индикатор воздуха сменил цветовой сигнал; это означало, что им нельзя дышать. Интересно, каким же воздухом дышат эта высокая и тучная трава, эти огромные деревья?.. Почему Мало доставил их в такое место?

В шлемофоне снова раздался голос Нуми:

– Воздуха у нас в скафандрах хватит, а звери, о которых ты мечтал, наверняка дышат не так, как мы. Ведь на то они и неведомые и ни на кого не похожие! Но если хочешь, давай вернемся.

– Ну да, еще чего! – Ники даже вздрогнул: значит, девчонка слышала и то, как он упрекнул Мало, а теперь, небось, думает, что он боится.

– Нуми, твой электронный мозг работает?

– Конечно! Он нам здесь пригодится. Ведь я не могу включать и выключать его, когда на мне шлем.

– Ты обещала, что не будешь подслушивать мысли!

– Я же нечаянно. Это потому, что ты очень близко. И потом, вокруг нет никаких других излучений.

– Надо было придумать какую-нибудь штуку, чтобы выключать его через шлем. Трудно, что ли? Рычажок какой-нибудь...

– Там, куда мы летели с папой, мне бы сделали такой шлем. А эти шлемы – обыкновенные, для пассажирских космолетов. Ну, решай!

Опять эта девчонка, как и на планете звездных жителей, признается, что главный-то он, хотя у самой целых два мозга!

– Давай сначала разведем обстановку, – хмуро отозвался Ники; он знал, что, как ни напускай на себя храбрости, она наверняка уловит его страх.

Но разве это стыдно – бояться? Человек всегда опасается неизвестности. Герои потому и герои, что подавляют в себе страх. Если бы им было все равно и они ничего не боялись, то это не было бы геройством. Почему тогда мы, мужчины, так стыдимся страха, рассуждал Ники, доставая из кармана волшебное пирранское лезвие. Девчонки вон совсем не стыдятся, а сами куда трусливее нас. Может, они меньше притворяются, не такие задавалы, как мы...

Он уже не боялся, что его спутница прочтет его мысли, и даже взглянул на нее, но лица не увидел, потому что она наклонилась и раздвинула руками высокую траву. Наверное, Нуми догадалась, что он хочет снова поставить пирамидку, чтобы лучше ориентироваться, как это они сделали на планете звездных жителей, а может она смотрит, нет ли в траве каких-нибудь зверюшек.

– Я спросила у Мало, будет он нас ждать или улетит, но не поняла, что он ответил, – сказала девочка. – Но он не должен бросить нас одних...

– Давай все-таки сделаем пирамидку, – решил настоять на своем Ники. – Помоги мне, чтобы получилось побыстрее.

– Ники, прошу тебя! – воскликнула девочка. – Не может быть, чтобы в такой траве не было живых существ.

Что поделаешь, нравы чужой цивилизации надо уважать, а пирранцы не позволяют ни под каким предлогом убивать кого бы то ни было. Ники обеими руками раздвинул траву. Ни букашек, ни червячков... Может, под землей... Испытывая непривычные угрызения совести, он поднес лезвие к земле, поставил кнопку на первое деление и начертил первый квадрат. Почва мгновенно таяла под невидимым лучом пирранского инструмента.

Ники собрал траву в сноп и потянул его. Большой кусок дерна почти ничего не весил. Ники обернулся, чтобы показать девочке, что и под травой нет никакой живности и никто не пострадал, но Нуми, оказывается, уже была далеко. Большими прыжками она неслась к лесу, кувыряясь в воздухе, как цирковой акробат на трамплине.

– Нуми ты что? – окликнул ее мальчик. – Куда ты?

В ушах его зазвенел возбужденный смех, и это встревожило его еще больше. Тут Нуми снова подпрыгнула и сделала в воздухе изумительный поворот, кажется, в балете такие повороты называют пируэтами. А балерина в скафандре, как и акробат в скафандре – явление неестественное. Особенно когда эта балерина-акробат смеется таким странным смехом.

– Я учусь ходить! – объяснила наконец Нуми. – Тебе тоже нужно поупражняться, чтобы привыкнуть к слабой гравитации. Я чувствую себя, как ваше животное... ой, как же оно называется... Ах, да, – кузнечик! Раз, два!

Она снова подскочила в воздух метров на десять и прокричала:

– Пойду посмотрю на деревья!

– Не ходи без меня!

– Не бойся! Даже если кто-нибудь выскочит, я все равно убегу! Вот посмотри!

И она сделала прыжок вдвое больше. Для равновесия Нуми широко раскинула руки, и издали стала в самом деле похожа на какого-то инопланетного кузнечика или стрекозу в серебристом скафандре. Конечно, если тебе пришлось видеть такого кузнечика или стрекозу.

Ники и самому хотелось полетать в воздухе, но сначала надо закончить пирамидку, даже если Мало и не собирается улетать. Вон он стоит среди поляны, весь желтый, как огромная тыква. Точно таким Ники увидел его когда-то на Земле, у входа на выставку. Поверхность его не пульсировала, цвет ее не менялся; если не знать, кто такой Мало, и в голову не придет, что это – существо или механизм, а тем более – что он может летать в космическом пространстве. Даже ученику Николаю Буяновскому, усердно строившему пирамидку, не верилось, что сам он только что вышел из этой огромной тыквы на неизвестную планету.

В шлемофоне стало тихо, и он повернулся к лесу. Оказывается, Нуми уже добралась до опушки и висела среди ветвей огромного дерева, как посеребренная шишка на новогодней елке.

– Ты что делаешь? – крикнул он: Ники забыл, что она услышит его, даже если говорить шепотом.

– Ну, что ты кричишь, у меня барабанные перепонки чуть не лопнули! – ответила Нуми. – Я рассматриваю листья. Знаешь, они такие странные. Интересная планета, можно висеть на одной руке, а ветка даже не гнется. У нас на Пирре нет таких огромных деревьев.

Ники махнул рукой на пирамидку. Не так уж страшно, что она останется без вершины; главное, чтобы был опознавательный знак, видный издалека. Остальное сделает компас. Он и направление покажет, и расстояние подсчитает. Ники уже знал, как его настраивать.

Он убрал лезвие и подпрыгнул совсем немножко, не больше, чем на пядь, и оказался на две пяди выше травы. В животе стало холодно от испуга, но опустился он плавно и не ударился ногами о землю, а как будто ступил на нее. Хорошо! А выше можно?

Оказалось, что можно. Правда, он забыл расставить руки и не удержался на ногах; вообще неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы Ники не умел прыгать с трамплина, чему научился еще на Земле, в открытом бассейне. Оказалось, что и тело его привыкло к здешней гравитации, пока он трудился над пирамидкой. Он решил покувыркаться в воздухе, как это делала Нуми; присел, сильно оттолкнулся ногами и взлетел вверх. Трава осталась далеко внизу. Теперь надо прижать колени к груди и потом сильно оттолкнуться ими в воздухе... Тут в шлемофоне раздался испуганный крик девочки. Ники потерял равновесие, покачнулся, далекие деревья тоже закачались у него перед глазами... ни на одном из них не было серебристой шишки.

– Ники-и-и-и... Ой-ой-ой, Ники-и-и-и!

Только в последнюю секунду он вытянул вперед руки, чтобы смягчить удар, который, несмотря на слабую гравитацию, оказался чувствительным, и огромными прыжками помчался к лесу, не забывая смотреть себе под ноги, – какая Нуми польза, если он неудачно приземлится и свернет себе шею! Он налетел на крону дерева, съехал вниз по его стволу и вошел в лес. Ники был уверен, что именно тут еще недавно висела в воздухе Нуми, но ее нигде не было.

– Нуми-и-и! Где ты?

– Не знаю, – уже спокойнее ответила она. – Меня кто-то спеленал с головы до ног, не могу пошевеливаться. Лежу на спине. Ох, меня сейчас раздавит!.. Кажется, мы выходим из леса.

– Да кто это? – ужаснулся Ники.

– Похоже на толстую змею, но летает. О-о-ох, совсем раздавит!

– Зови Мало! Скорей зови Мало!

– Я и так все время зову его. О-о-о-ох!

Ники вернулся на опушку и осмотрел ее в надежде, что змея вылетит с этой стороны. Мало неподвижно стоял на месте. Неужели он не придет им на помощь? Какой же он тогда Охраняющий жизнь? Нуми рассказывала, что малогалоталотимы избегают встреч со всеми другими существами и не вмешиваются в жизнь на чужих планетах. Разве что в случае крайней необходимости, как и получилось тогда на Земле. Но разве не крайняя необходимость – вырвать девочку из лап неведомого зверя?

Он чуть не заплакал от чувства бессилия и вины. Вот тебе и звери, каких никто и никогда не видел! Зачем он только высказал такое легкомысленное желание! Чтобы повоображать перед Нуми и показать свою храбрость! Но пострадала-то она, а не он.

– Нуми-и-и-и! – еще громче крикнул он. – Этот подлец Мало даже не шелохнется!

– Ох, не называй его так! – простонала она. – Мы сами виноваты. Да и что он может сделать, ведь у него ни рук, ни оружия...

Она замолчала.

– Продолжай! – велел ей Ники. – Говори все время, чтобы я мог ориентироваться по голосу! И не бойся! Я тебя найду. Лягайся, брыкайся, даже кусайся! – посоветовал он, что было уже совсем глупо; разве можно кусаться сквозь шлем? – Попробуй высвободить руку. Посмотри на компас! Впрысни ему газ, пусти в ход лезвие!

В ответ Нуми только тихонько застонала, и Ники, совсем потеряв голову, помчался к другому краю леса, то и дело натываясь на стволы.

3

Ники тоже попадает в плен.
Николай Буяновский думает одно,
а Ники Буян делает совсем другое.
Как себя чувствует человек
на спине неведомого зверя

Трудно бежать вслепую; деревья перебрасывают тебя друг другу, как баскетбольный мяч. По компасу уже семь километров, не в каком направлении он бежит? Нуми время от времени подает голос или стонет, но не может объяснить, в какую сторону ее несут, направо или налево, далеко она или близко. Ведь по радио голос слышен одинаково с любого расстояния. Попробуй включить транзисторный приемник и догадаться, где находится диктор – в Софии или в Пловдиве, а может, и в Варне, да еще на какой улице.

Вдруг Нуми восторженно крикнула: «Отпустил!», но тут же в смертельном ужасе закричала: «А-а-а!» и умолкла. Ники со слезами звал ее, просил сказать, что случилось, где она. И услышал ее голос лишь тогда, когда уже совсем без сил упал на траву, наверное, где-то у опушки – между деревьями открывался просвет.

– Они кошмарные, – обреченно сказала Нуми. – Ники, не ищи меня. Мы только оба погибнем.

«Они»! Значит, зверь не один! Может, и правда вернуться? Ники спрашивал себя, а сам уже полз к просвету между деревьями.

Здесь трава тоже стояла высоко, и Ники шмыгнул в нее как ящерица. Он довольно долго не смел поднять головы; сердце билось так сильно, что казалось, будто земля под ним колыхается. Неизвестно, сколько бы он так лежал, если бы не услышал гремющий рык, будто раскат далекого грома, после чего земля под ним и в самом деле задрожала.

Ники приподнялся, уверенный, что вокруг него целое стадо диких зверей, и забыл обо всем на свете. Он просто оцепенел при виде открывшейся перед ним картины. Мальчик даже не сразу разобрался в том, что видит. Казалось, что метрах в ста от него дерутся слон, кит и осьминог; они сплелись в клубок величиной с хороший жилой дом и во все стороны размахивали шеями, хоботами, щупальцами – а может, хвостами? – и ногами, толстыми, как дворцовые колонны. Потом он решил, что это не кит и не слон, а какие-то доисторические чудовища, вроде тех, что нарисованы в учебнике. И только после этого рассмотрел в мечущемся клубке серебристый скафандр Нуми. Рядом с чудовищами она и впрямь напоминала елочную игрушку.

Ники хотел было крикнуть ей, что он здесь, но вместо этого снова спрятал голову в траву. Что делать? Выскочить с газовым пистолетиком? Да здесь нужны целые тонны газа, и целиться надо с самолета. Лучевое лезвие? Им и ногтя не отрежешь у такого зверя. А рогатку лучше и не доставать. Нуми права, они только оба погибнут, а какой в этом смысл? Лучше попросить Мало, чтобы он вернул его на Землю, пусть хотя бы там узнают, что творится в космосе...

Так рассуждал ученик Николай Буяновский, представитель земной цивилизации, прячась в траве. Как мышонок, чтобы его не заметили чудовища. Но Ники Буян заговорил по-иному, услышав в наушниках отчаянный крик Нуми: «Ники, где ты?»

– Я здесь, не бойся! Сейчас что-нибудь придумаем! – сказал Ники Буян.

– Не надо ничего придумывать! – отозвалась эта странная пирранская девочка. – Главное, чтобы тебя не заметили. Ох, мне все кости переломали! Хотя бы съели поскорее, чтобы кончилось это мучение.

Мальчик осторожно поднял голову, чтобы посмотреть, что происходит и почему Нуми подбрасывают в воздухе, как игрушку. Битва стихла, шеи и хоботы лениво покачивались, один из хоботов держал серебристый скафандр, двигал его вверх-вниз, будто лифт, и, кажется, показывал остальным.

– Нуми, слушай! – задыхаясь воскликнул Ники. – У тебя руки свободны! Когда он тебя опустит, коленные его лезвием! Я постараюсь отвлечь их внимание, а ты беги!

– Нет, это опасно! Для тебя опасно!

– Делай, что говорят, слышишь! – Ники разозлился на собственный страх. – Слышишь? А то потом я так тебе надаю, что...

– Как это надаешь? – возмутилась Нуми и заплакала. – Беги, Ники, беги! Оставь меня, это бессмысленно!

– Молчи, глупая, не то как дам! Делай, что тебе говорят, только подай знак!

И хотя девочка не подала ему знака, Ники выждал, когда хобот чудовища снова опустит ее на землю, и вскочил на ноги. Чтобы привлечь к себе внимание, он махал руками и дрыгал ногами. Но чудовища не выпустили Нуми – может, они его просто не заметили? Одним прыжком он оказался неподалеку от них, крича изо всех сил: «Лезвием их, лезвием!» Он летел с такой скоростью, что потерял Нуми из вида; оглохнув и ослепнув от собственной ярости, Ники уже не мог остановиться, будто это не он прыгает, а какая-то сила подкидывает

его куда попало и как ей вздумается. Он чувствовал себя как шарик для пинг-понга: брось его на пол, и тот будет подпрыгивать туда-сюда.

И все-таки что-то остановило его. Прямо в воздухе, посреди прыжка. Что-то плотно обхватило его за пояс и замедлило его полет. Это что-то было серо-черным, толще любого питона в зоопарке; и оно несло мальчика к серо-черным спинам не то китов, не то гигантских слонов. Из-за спин то и дело высывалась какая-нибудь жуткая голова с вытаращенными пластинчатыми глазами, готовая ухватить добычу. Ники уперся в питона кулаками, попробовал повернуться, но обруч стянул его еще сильнее. Он только краешком глаза успел заметить, что далеко внизу, на траве, лежит Нуми. Чудовища отпустили ее, чтобы схватить его.

– Беги! – крикнул ей Ники и выхватил оружие – лезвие и газовый пистолет.

Конечно, и думать было нечего, что ему удастся перерезать гигантский хобот чудовища: но если этот хобот поднесет его поближе к глазам зверя или его разинутой пасти, можно ткнуть ему в глаз лезвием или выстрелить газом в морду.

Нуми, кажется, угадала, что он собирается делать, и в его ушах зазвенел ее голос:

– Ничего не делай, слышишь? Ты их только разозлишь! Потерпи, скафандр выдержит. И спрячь оружие, не то потеряешь. Я свой пистолет выронила.

Наверное, она уже в безопасности, раз отдает такие длинные распоряжения.

Хобот пронес Ники мимо одной головы, потом как будто показал еще одной, а потом начал им размахивать в воздухе, словно маятник, Ники чувствовал себя как на качелях в парке аттракционов: сидишь на доске, висящей на цепях, а тебя носит взад и вперед. Он решил послушаться девочку и сунул в карманы свое оружие, которое ничем не могло ему сейчас помочь. Так у него хотя бы руки будут свободны. И хорошо сделал, потому что в следующий миг обруч расслабился, и он полетел вниз головой. Однако нога его, непонятно как, зацепилась за краешек обруча, и мальчик повис в воздухе. Кровь прихлынула к голове, перед глазами поплыли круги. Но надо было что-то делать. От этой качки можно и умереть.

Он собрался с силами, сделал рывок и обхватил двумя руками то, что так безжалостно его качало. И тут же почувствовал боль в щиколотке. Если бы как-нибудь высвободить ногу, можно бы и прыгнуть, потому что чудовище ослабило хватку. Но вот оно выпустило ногу Ники и вытянуло хобот прямо, как телеграфный столб. Ники немедленно съехал по нему вниз и ступил на землю. Однако тут же охнул от боли: в щиколотку будто вонзился нож. Надо было бежать как можно быстрее, но он не мог и шагу ступить. И тут его опять схватили, на этот раз – за локоть.

– Не двигайся!

Это сказала Нуми. Надо же, он рисковал жизнью, чтобы спасти ее, а она преспокойно стоит себе на месте!

– Ники, поверь мне, бежать нет смысла. Я уже сколько раз пробовала, но они опять меня ловили и начинали подкидывать. Стой спокойно. Мне почему-то кажется, что они не хотят нам зла. Им просто интересно нас рассмотреть...

Может, она права? Ведь чудовище в конце концов отпустило его. Но что это за чудовище?

Снизу ребятам были видны только гигантские ноги, будто колоннада у парадного входа в Народный театр. И еще прямо перед ними неподвижно и вяло висел огромный хобот. Больше ничего рассмотреть не удалось – ведь нельзя рассмотреть огромное здание, когда стоишь близко от него.

– Нуми, кто они такие? Ты хоть что-нибудь узнала?

– Нет, но их излучения не внушают ничего тревожного. Мне кажется, они не враждебны.

– Давай потихоньку двигаться назад, – предложил он шепотом, будто боялся, что его услышат, и взял Нуми за руку.

Ники осторожно попятился и потянул за собой Нуми, но хобот тут же преградил ему дорогу. На кончике его было нечто вроде копыта или огромнейшей ладони. Эта самая ладонь растянулась вширь, расправила складки морщинистой кожи, и оттуда показались длинные пальцы с острыми когтями. Ники в ужасе отпрянул и упал на траву.

– Не шевелись! – снова предупредила его Нуми.

Пальцы охватили шлем мальчика и потихоньку потянули кверху, будто хотели поставить его на ноги. Потом стали осторожно ощупывать скафандр, словно проверяли, не сломалось ли что-нибудь. И тут Нуми – ох уж эти девчонки, хотя б и пирранские! – вместо того, чтобы воспользоваться обстановкой и удрать, сделала то, чего Ники никак не ожидал.

Она медленно подошла к хоботу, прислонилась к нему и начала его гладить и похлопывать по нему, как люди гладят и ласкают любимую кошку или, в крайнем случае, лошадь. Хобот выпустил Ники и повернулся к девочке, и она еще теснее прижалась к нему, не переставая поглаживать. Хобот схватил ее, понес к голове, которая смотрела сверху во все свои вытаращенные глаза-пластинки. Сейчас этот зверь ее проглотит! Ники совсем онемел от страха. Он даже и думать забыл о бегстве, хотя момент был подходящий. И потому не будем приписывать ему чрезмерную храбрость. Он просто с трудом соображал в эту минуту.

Нуми уже поравнялась с головой, разинувшей пасть с огромными челюстями. Ну и челюсти! Если чудовище собралось пообедать, то их с Нуми ему хватит на один зуб! А Нуми хоть бы что, она и челюсти погладила! Правда, сбоку. Они оглушительно щелкнули, открылись, опять закрылись. Тогда Нуми осторожно высвободилась из объятий хобота и ступила на голову зверя, тоже чудовищную и по виду, и по размерам.

Она вела себя как малый ребенок, который бесстрашно подходит ко льву, потому что считает его игрушкой. Вот, и с другой стороны поднялся такой же хобот, она и его гладит точно так же и даже показывает, чтобы он брал ее за талию, а не за руки. Вот второй хобот поднял ее и понес... к другой такой же голове. Поднес к глазам, а глаза – с колеса грузовика, не меньше! Нуми и на эту голову ступила как на край крыши. Спокойно выпрямилась и прошла взад-вперед.

– Иди и ты сюда! – услышал Ники ее голос в шлемофоне. – Отсюда лучше видно. Буф-ф! Ничего не понимаю! Где чья голова, где чье тело?

И тут Ники пришла разумная мысль. Раз Мало доставил их сюда, на эту планету, и спокойно стоит себе на поляне, значит, он знает, что здесь им не грозит никакая опасность. Ведь недаром же он – Спасающий и Охраняющий жизнь! Ники успокоился и решил обойти зверей по земле и получше их рассмотреть. Ему казалось, что он обходит гигантские стволы деревьев, среди которых еще недавно пробирался в лесу, – такие у них были толстые ноги и такой сморщенной и загрубевшей, как кора, была у них шкура. Одна, вторая,

третья, четвертая... еще одна, ... и еще одна... Внезапно откуда-то сверху к нему потянулась какая-то штуковина, гибкая, как шланг, сужавшаяся книзу. Что это, хвост или хобот? Рассмотреть он не успел, помешали руки, которые он инстинктивно вытянул перед собой для защиты. Что-то легонько коснулось его, и он поступил так же, как его храбрая спутница с Пирры: обнял этот хвост (или хобот?), погладил его и потянул к себе. Бережно штуковина обхватила его и стала поднимать наверх с быстротой скоростного лифта. Через мгновение Ники уже стоял на ногах. Живой лифт, извиваясь, как змея, уходил в сторону, а Нуми махала ему рукой с расстояния пяти-шести метров:

– Эй, Ники, добро пожаловать к невиданным и неслыханным зверям!

Надо же, она еще и смеется! Ну и девчонка! Ведь каждый, кому удавалось забраться на спину такого чудовища, прекрасно знает, что в такой ситуации человеку не до смеха.

4

Нуми придумывает земные слова.

Нужен ли в космосе зонтик.

Со скольких сторон следует смотреть на вещи

Там, где родился Ники, говорят: у страха глаза велики. Нам неизвестно, есть ли такая поговорка на Пирре, но зато мы знаем, что Нуми увидела куда больше животных, чем их было в самом деле. Сначала ей показалось, что их несколько, потом – что двое, а в конце концов оказалось, что животное всего одно. Наверное, у страха глаза велики во всей Вселенной. И если так, значит, мы открыли еще один закон природы.

У гигантского животного было две головы, причем с каждой свешивался гибкий хобот, множество ног, точное число которых оказалось невозможно установить даже сверху, и два похожих на хобот хвоста, которые тоже умели хватать предметы с ловкостью человеческих рук. По спине его проходила глубокая борозда – совсем как впадина между двумя холмами.

Пока ребята разгуливали по спине гигантского животного и выглядывали то с одного его бока, то с другого, оно тронулось с места. Двигалось оно с удивительной легкостью и быстротой.

– Это потому, что здесь слабая гравитация, – сказала Нуми. – У нас такая туша не смогла бы жить. Ее бы придавила собственная тяжесть.

– Да, но нам-то что делать? – спросил ее Ники: он был уверен, что теперь они попали в безвыходное положение – с такой высоты и вовсе невозможно уд- рать.

– А это тебе решать – ведь это ты хотел увидеть неведомых зверей.

В голосе Нуми не было насмешки, но как следовало понимать ее слова в том положении, в котором они находились? Мало того, она еще и растянулась на спине животного, будто собиралась отдыхать.

– Буф-ф! У меня все кости переломаны. А ты легко отделался. Оно увидело, что ты похож на меня, и оставило тебя в покое. А меня, должно быть, исследовало. Ты не представляешь себе, как оно меня качало и кидало во все стороны! Хорошо, что скафандр выдержал!

– Конечно, он тебя исследовал! Он же сразу понял, что ты – экспериментальное существо!

Нуми ничуть не обиделась, не то что раньше, когда он обращался к ней с разными словами вроде: «Эй, экспериментик, как жизнь?» Она только сказала:

– Раз ты опять ко мне придираешься, значит, все в порядке.

Ники улегся рядом с девочкой.

– Ты права, – сказал он. – В нашем положении самое главное – спокойствие, крепкие нервы и здоровая пища, как говорят земные доктора. Я бы с удовольствием съел таблетку-другую.

– Я уже съела одну, – отозвалась Нуми. – Чудесное изобретение – эти наши таблетки!

– Чудесное для тебя. А я, сколько их ни глотаю, все равно хочу есть, когда жевать нечего.

Тут Нуми показала, что и она умеет поддразнивать; а когда они с Ники познакомились, она совсем не знала, как это делается. Ведь для того различные цивилизации и стремятся узнать друг друга, чтобы поучиться одна у другой разным полезным вещам.

– Знай я, что мы с тобой встретимся, – сказала Нуми, – я бы заказала специальный шлем, набитый жвачкой.

Ники ничего не ответил, потому что глотал вторую питательную таблетку из соответствующей трубочки в шлеме. Снова у него в желудке создалось ощущение полноты и сытости, но ведь земной житель привык пережевывать пищу, и челюсти у него сводило от голода. Жвачка лежала в кармане, снять же с головы шлем в атмосфере этой планеты он никак не мог. И потому мальчик стал смотреть в небо, которое со всех сторон затянули черные тучи.

– Наверное, пойдет дождь. Надо было захватить с собой в космос зонтики.

У зверя, на котором они ехали, зонтика, наверняка, не было, и он припустился бежать еще быстрее.

– Интересно, куда оно нас везет? – спросила Нуми.

Ники, задетый тем, что она не обратила внимания на его шутку о зонтиках, огрызнулся:

– К себе домой, деткам показать. Пускай и они посмотрят на диво-девчонку с двумя мозгами.

– Ну вот, Ники, ты опять, – огорчилась Нуми.

– А что ты меня спрашиваешь! Откуда я знаю!

– Значит, тебе не кажется странным, что у этого существа две головы, а то, что у меня два мозга, тебя раздражает! И это называется, ты меня любишь!

Ники тук же возмутился:

– Когда это я говорил, что люблю тебя?

– Но ты только что бросился спасать меня!

– Это совсем другое дело. Разве вы у себя на Пирре спасаете только тех, кого любите?

– У нас на Пирре мы все любим и уважаем друг друга. Потому что нет ничего дороже человека.

– Это совсем другое дело. И мы тоже... Ники хотел было сказать, что на Земле то же самое, но спохватился: и без своих телепатических способностей Нуми сразу поймет, что это неправда. Ведь тот тип, сторож на выставке, да и публика тоже, приняли её не только без любви, но и без уважения. И потому он добавил: – Я хотел сказать, что ведь и вы любите не всех одинаково, разве не так?

– Буф-ф, – вздохнула Нуми. – Не хочется спорить. А ты – большой спорник!

Николай захихикал.

– Нет такого слова!

– А как вы называете человека, который спорит по любому пустяку?

Ники промолчал, и Нуми торжествующе воскликнула:

– Вот видишь – спорник. Это я придумала такое слово!

– Ты сама спорница! – огрызнулся Ники. – Нет такого слова!

– Нет, есть! Раз что-то создано, значит, оно существует. Нуми создает слова, а Ники жует жвачку! – поддразнила его девочка и вскочила с места, словно боялась, что он ее стукнет в отместку за жвачку, которую она терпеть не могла.

Но она вскочила не поэтому. Просто ей пришла в голову одна идея. Девочка подбежала к ближайшей шее зверя, которая была длиной чуть не с километр, а ловко стала карабкаться по морщинистой шкуре. Зверь как будто догадался о ее намерении; он повернул к девочке голову и опустил ее пониже. Добравшись до лба животного, Нуми распростерлась на животе и замерла.

– Эй, ты что там делаешь? – не выдержал Ники.

– Хочу понять, о чем оно думает. – Эта странная девочка ни разу не назвала чудище или зверем или животным. Для нее каждая живая тварь была существом. – я чувствую какие-то сильные излучения.

– Раз он такой большой, той мысли у него должны быть большие, – брякнул Ники, но, поймав укоризненный взгляд девочки, добавил: – Я шучу, конечно.

Тут вторая голова потянулась к Нуми и разинула чудовищную пасть, будто хотела проглотить ее или что-то ей сказать. Ники задрожал. Гигантские челюсти два-три раза щелкнули над самым шлемом девочки, а она совсем спокойно сказала:

– Интересно, излучение у них совсем разное. Как будто одна голова думает одно, а другая – другое. Правая очень волнуется.

– Наверное, они тоже спорят, – поддразнил ее Ники. – За свою долгую и нелегкую жизнь я не раз убеждался, что стоит двум головам оказаться вместе, они тут же начинают спорить.

Нуми рассердилась – его болтовня мешала ей сосредоточиться.

– Перестань рассказывать мне про свою долгую жизнь, не то я его попрошу, чтобы оно тебе ее укоротило! Вот ей скажу! – и она легонько стукнула пальцами по оскалившейся голове, которая придвинулась совсем близко к ней.

Голова защелкала зубами еще сердитей. Тогда другой хобот вытянулся, схватил Нуми за ногу и швырнул ее к Ники. Упав плашмя, Нуми тут же озадаченно присела.

– Буф-ф! – сказала она. – Ничего не понимаю. Зачем это оно?

– Не дает спорить.

Задняя голова удалилась с угрожающим рычанием.

– Ой, Ники! Она, кажется, хотела проглотить меня! – испугалась маленькая пирранка.

– Ну да! Если бы хотела, то съела бы.

– А может, это другая голова ей помешала. У нее излучения тоже сильные, но спокойные. Ведь это ее хобот спас меня.

– Это тебе кажется! Если тебе муха сядет на лоб, ты же ее прогонишь? Вот и мы для него все равно, что мухи.

– Но оно проявило интерес ко мне!

– Нам неизвестные мухи тоже интересны. Нуми опять рассердилась.

– Слушай, спорник, если ты не будешь мешать, я все же попытаюсь что-нибудь понять. Помолчи немножко, прошу тебя, пожалуйста. Не одного же тебя мне слушать!.. Буф-ф, отсюда трудно уловить, излучение от обеих голов сливается, и не поймешь, где чье. Надо подойти поближе.

Но Нуми так и не удалось ничего понять. Не успела она подобраться к гигантской шее, как в почерневшем небе раздался оглушительный грохот, и яркие молнии разорвали его на сто кусков. Оба хобота схватили каждый по пассажиру и нырнули с ними под необъятное брюхо чудовища. Через минуту хлынул ливень, да такой, какого ни один из ребят не видывал на своей родной планете. Ники казалось, будто они попали в самую середину Ниагарского водопада. Так называется один знаменитый водопад на планете Земля; и если вам случалось видеть его по телевидению или в кино, то вы легко сможете себе представить, какие потоки обрушивались на спину чудовища, образуя у него с боков сплошную пелену воды.

– Вот видишь, оно заботится о нас, – обрадовалась Нуми, устраиваясь поудобнее на хоботе. – Это по-настоящему разумное существо.

Поступок животного действительно нельзя бы объяснить иначе, и спорить тут не приходилось. Низвергшийся с неба водопад наверняка смыл бы их со спины зверя, как пушинки. Но мальчик был зол, потому что хобот держал его за бедро, а разве удобно висеть на крюке?

– У него две головы, у тебя – два мозга, конечно, вы друг друга понимаете! Скажи ему, что у нас скафандры и мы не промокнем. Пускай он нас отпустит.

– Чем говорить глупости, – отозвалась Нуми, – ты бы лучше записал свои наблюдения. Разве ты забыл, что мы отправились в космос исследовать неизвестные планеты? А что может быть интереснее этого существа, ведь оно явно разумное и доброе.

Ники и вправду забыл о своем дневнике, но оказался кто угодно в лапах такого зверя, вернее, не в лапах, а в хоботе, – не только про дневник – и собственное имя забудешь.

Ники осторожно похлопал зверя по толстой шкуре. Угадав его желание, тот свернул хобот баранкой, и мальчик, выскользнув из неудобного объятия, уселся, как на стуле. Эх, если бы это была настоящая баранка! – подумал он.

В шлемофоне раздался звонкий смех.

– Ты что?

– Неужели ты и правда хочешь его съесть? – заливалась смехом Нуми.

– Слушай, перестань читать мои мысли! Ты мне мешаешь диктовать! – строго сказал ей Ники и включил записывающий аппарат, но тут же передумал. – Я лучше потом. А то ты опять начнешь надо мной смеяться.

Девочка искренне возмутилась.

– Как это – смеяться? Ведь мы договорились, что самое главное и самое ценное в нашем путешествии – твои записи! Ты принадлежишь к одной цивилизации и видишь события с одной стороны, а я принадлежу к другой цивилизации и все вижу с другой стороны. Если смотреть на событие с разных сторон, его гораздо легче понять.

Тогда Николай снова включил диктофон и начал добросовестно диктовать свои наблюдения. Сколь бы поверхностны или неточны ни были эти наблюдения, они пригодятся земной цивилизации. И ни разу Нуми не перебила его, не внесла ни одной поправки или дополнения.

5

Мясо и к нему салат.
Нужно ли знать, где у тебя
добро, а где — зло.
Ники мечтает об искусственном мозге

Ливень прекратился так же внезапно, как и хлынул. Хоботы вынырнули из-под живота зверя, вытянулись вперед и вверх, и ребята стали смотреть, как их хозяин поднимается по склону высокого холма, по которому сбегали потоки воды. На вершине холма трава уже почти высохла и ярко блестела на солнце.

— Интересно, что он собирается с нами делать? — сказал Ники. — Давай, попробуй внушить ему что-нибудь. Я читал, что некоторые животные поддаются гипнозу. Скажи ему, чтобы он нас отпустил.

Зверь прошел еще метров сто и остановился на ровной полянке. Хобот, державший Нуми, опустился до самой травы, выпустил ее, и она легко вскочила на ноги. Однако второй хобот резко вздернулся еще выше, и в ту же минуту к Ники потянулась широко раскрытая зубастая пасть. В ушах его раздался отчаянный крик Нуми. Ники отчаянно задергался, но хобот ухватил его за ногу и понес к пасти. Еще мгновение, и он бы исчез в ней, но тут свободный хобот резко и сильно, как плетью, ударил свирепую голову. Она гневно закачалась из стороны в сторону, защелкала зубами, но оттянулась назад, хобот ее опустился и сердито швырнул мальчика к застывшей на месте Нуми.

— Бежим! — крикнул Ники, как только вскочил на ноги, вскочил очень быстро, хотя упал с порядочной высоты.

Но Нуми схватила его за руку.

— Подожди! Наверное, сейчас будет самое интересное!

— Сейчас он нас съест, тогда станет еще интереснее. Только не нам.

— Разве ты не видел, что вторая голова ему не велела этого делать? Я помоему, она послушалась меня, когда я ее попросила опуститься. А вот почему вторая голова такая злая? Надо бы и с ней подружиться.

И она направилась прямехонько к хоботу злой головы, который все еще гневно раскачивался над землей. Откуда у этой девчонки столько храбрости? И столько веры в добро? Хорошо еще, что первый хобот — уже в который раз! — спас ее; он ее догнал, обхватил пальцами и поставил рядом с Ники. А дальше произошло нечто совсем уже невероятное.

Внезапно огромная туша разделилась надвое, и ее злая половина с удивительной скоростью, прямо-таки галопом понеслась через поляну. Она взяла с собой половину ног, один хобот, одну голову и один хвост. Должно быть, она разозлилась, что ей не дали съесть ребят. Скоро она исчезла за гребнем холма, и оттуда донесся ее свирепый рев. Добрая же половина побрела по лугу и как ни в чем не бывало принялась целыми снопами рвать траву и отправлять себе в рот, огромные челюсти которого пережевывали ее со страшным скрежетом.

Нуми со всех сторон обежала добрую половину; на этот раз хобот не обращал на нее внимания, будто хорошо понимал, что девочка не собирается никуда убегать.

— Этого не может быть! — слышал Ники ее голос в шлемофоне. — Никаких следов! Все цело, ни раны, ни дырки, как будто обе половинки никогда не были одним существом! Ники, ты что-нибудь понимаешь?

Ники тоже ничего не понимал, и потому заговорил голосом мудрого прадеда:

– В своей долгой и нелегкой жизни, Нуми, я успел убедиться, что понять жизнь на других планетах весьма трудно. Хорошо еще, что эта половина – травоядная. Пошли отсюда!

Маленькая пирранка возмутилась.

– Да ты что! Уходить сейчас? Ведь мы должны посмотреть, что будет дальше! Узнать, куда ходила другая половина, вернется ли она, соединятся ли они снова...

Да, у девочки с Пирры явно куда больше стойкости и исследовательского пыла, чем у Ники. Но ничего не попишешь, такой уж у него характер: ему все время надо делать что-то ясное и понятное, а главное – приятное!

И Ники, взяв себя в руки, добросовестно обошел вокруг чудовища, вместе с Нуми заглянул ему под брюхо, пощупал его ноги и хвост. Хвосту это явно не понравилось, потому что он внезапно обвился вокруг ребят как петля и забросил их на спину зверя; они кубарем покатались по шершавой шкуре.

– Говорил я тебе, надо бежать! – сказал Ники, усевшись поудобнее и оглядевшись по сторонам. – Теперь опять придется начинать все сначала!

– Оно меня послушалось! – ликовала Нуми. – Это я ему внушила, чтобы оно снова подняло нас наверх!

– Еще бы, когда надо сделать глупость... – заворчал Ники, но голос его заглушил громоподобный рев.

Спина чудовища затряслась. Ребята, вскочили на ноги. Что происходит с доброй половиной? Уж не рассердилась ли она на них?

Нет, оказывается, она встречала вторую половину, которая уже показалась из-за холма и с тяжким топотом мчалась к ним. Сейчас, сверху и издалека, ребята впервые увидели, какой страшный вид у зверя, даже у одной его половины. Он выглядел тем ужаснее, что из пасти его висела туша животного, похожего на земную лошадь.

Присев на корточки, ребята спрятались за головой доброй половины, в ожидании поднявшей хобот к небу, и боязливо выглянули из-за нее.

Хоботы радостно обняли друг друга, будто сто лет не виделись. Потом и головы потянулись друг к другу, и часть убитого животного оказалась в пасти травоядной половины зверя, который с большим удовольствием принялся ее жевать, хрустя костями. Затем обе половины встали рядышком и снова превратились в одно животное, у которого было всего по два: две головы, два хобота, два хвоста. И добрый хобот снова начал рвать траву и угощать ею другую половину.

– Значит, она и мясо ест, – отметила Нуми.

– Само собой, – согласился Ники. – Одна половина добывает мясо, а другая отвечает за салат.

– Буф-ф! – возмутилась маленькая пирранка, хотя ее возмущение трудно было принять всерьез. – Вы, земляне, не умеете говорить серьезно!

– Но я говорю совершенно серьезно! Потому она и охраняла нас от второй половины. Наверное, у этого животного добро и зло живут отдельно, каждое в своей половине. Знаешь, Нуми, это, пожалуй, не так уж глупо придумано. У нас, например, все вперемешку, так что и сам не поймешь, хороший ты или плохой. А что говорит на этот счет твой искусственный мозг?

Через минуту пирранская девочка неуверенно сообщила:

– Ему такие случаи неизвестны. А сама я не знаю, нужно ли знать, где у тебя добро, а где зло.

Но Ники уже загорелся:

– По-моему, так гораздо проще и удобнее. Давай продиктуем это наблюдение, а?

– Диктуй ты, – сказала ему Нуми. – Мой искусственный мозг все запомнил сам.

Ники опять стало завидно. И как тут не позавидуешь – разве плохо, чтобы в голове у тебя был такой надежный помощник? Сам он не хороший и не плохой, зато все помнит и подсказывает, что надо делать. Когда они попадут на Пирру, он обязательно попросит, чтобы ему присадили такой же!

6

Сколько будет один плюс один. На Пирре болельщики не кричат. Невеселое избавление

Упрямая девчонка с Пирры знай твердила свое: злая половина зверя не такая уж плохая. Она перелезла на половину спины и поползла поближе к голове, изо всей силы стараясь внушить с помощью обоих своих мозговых аппаратов: «Ты – тоже доброе существо. Ты очень доброе существо. Мы тоже добрые. Мы станем друзьями. Ты очень, очень доброе существо».

Однако или злая голова не воспринимала телепатических внушений, или ей не хотелось становиться доброй. Правда, она не стала глотать Нуми, а только протянула к ней свой хобот; его пальцы вылезли из широкой ладони, схватили девочку за плечо и бесцеремонно швырнули обратно.

– Я тебе говорил! – заметил ей Ники.

– Нет, ты видел? – радовалась Нуми. – Она не оскалилась, а только прогнала меня. Мы и с ней подружимся, нужно только время и терпение.

– Так она же не голодная! Она только что ела, вот и не стала на тебя бросаться, – возразил ей Ники снизу; он сидел во впадине, соединявшей спины обеих половин, и озадаченно ощупывал шкуру животного. – Ничего не заметно, ни следа, ни шрама! Как будто они и не отделялись друг от друга. Как же быть с математикой, Нуми? Ведь один плюс один – это обязательно два! Или у вас не так?

– Я в математике не очень, – призналась девочка, – сейчас спрошу свой мозг. – Она помолчала, потом с удивлением сообщила: – Знаешь, оказывается, один плюс один – не всегда два. То есть, всегда, но только в математике. А в жизни не так. Например, если на каплю воды капнуть еще одну каплю, то их будет не две, а все равно одна, только побольше.

– Ну и хитрющий он у тебя, этот мозг! – засмеялся Ники.

– Пойду попробую опять, – сказала девочка и поднялась с места, – мы должны подружиться.

– А вдруг ты с ним так подружишься, что про меня забудешь?

Нуми даже остановилась – она все еще не привыкла к его шуткам.

– Ты что, серьезно? – Девочка вслушалась в излучения его мозга и рассердилась. – Нет, сам ты так не думаешь! Как это можно, думать одно, а говорить другое!

– Я же тебе объяснил, – засмеялся Ники, – что у нас, землян, все вперемешку. Не то, что у этого твоего приятеля.

– Буф-ф, Ники! – вздохнула девочка. – Ну что вы за цивилизация, трудно с вами! А сейчас помолчи, потому что ты мне мешаешь сосредоточиться; у тебя такие путанные излучения!

И она на цыпочках отправилась ко второй голове чудовища. Тут оба хобота громко затрубили, будто не пускали Нуми; а может, соглашались, что с землянами очень трудно иметь дело. Потом оба хобота, напрягаясь изо всех сил, потянулись вперед, указывая на гребень холма. Там показалось еще одно такое же чудовище. Намерения у него были явно недружелюбные: оно тоже выставило вперед оба хобота, как дула гигантских орудий, и они взревели, будто гудки океанского парохода. Внезапно зверь раскололся пополам, словно в него угодил артиллерийский снаряд, но не упал замертво, а одной своей половиной бросился с устрашающим рыком вперед; вторая же половина осталась на месте и трубила, подняв хобот к небу.

Ребята не заметили, когда раздвоился их зверь, они только увидели, что вторая, «злая» его половина изо всех сил мчится вперед, туда, где ждал ее противник. Ники дернул девочку за рукав.

– Слушай, им сейчас не до нас. Давай спустимся по хвосту вниз...

– Посмотрим, что будет дальше! – взмолилась Нуми.

«Буф-ф!» – готов воскликнуть автор вместе с Ники. Наверное, во всей Галактике не отыщешь более любопытного существа, чем девочка с Пирры. Ведь они уже чуть было не погибли на планете звездных жителей, и все из-за ее любопытства.

Не колеблясь и ни на минуту не замедляя своей шаткой рыси, чтобы выкрикнуть угрозу или осмотреть противника, две боевые половины налетели друг на друга. Толчок и треск был такой, будто произошла железнодорожная катастрофа от столкновения двух локомотивов.

Хоботы двух половин сплелись, они со всего размаха били хвостами, словно бичом, норовя вцепиться в противника страшными зубами. Весь холм трясся от рычания, воя и топота гигантских ног. Хорошо, что шлемофоны были изолированы, иначе ребята не могли бы слышать друг друга.

– Давай болеть за нашего! – предложил Ники, опомнившись от первого испуга.

– Как это – болеть?

– Ну, будем кричать ему, подбадривать! «Давай! Работай правой! Мазила! Хватай его за нос! Бей по кумполу! Пусти ему кровь!» Ну, и так далее.

– Буф-ф, Ники! Разве можно так говорить! – возмутилась Нуми.

– А что такого? У нас на Земле так кричат все болельщики. И на футболе, и на боксе. А что кричат у вас на стадионе?

– На наших стадионах никто не дерется. И науськивать кого-нибудь, чтобы совершилось зло, – страшное преступление.

– Ох уж эти мне пирранцы, с их моралью! Ведь наш должен победить! Если он не свалит новенького, неизвестно, что тот с нами сделает. Смотри, смотри! Это не наш?

У одного из гигантов уже заплетались ноги. На шее и боках зияли глубокие раны, висела клочьями шкура. Кровь лилась, как из пожарного шланга. Было только непонятно, чья это половина, потому что оба чудовища все время топтались по поляне и кидались друг на друга. Раненый зверь уже несколько раз падал на землю, метался я ревел, размахивая в воздухе ногами.

– Мне кажется, это наш, – с дрожью в голосе сказала Нуми.

– Может быть, ему лучше погибнуть. Тогда у нас останется добрая половина. С ней хоть можно договориться.

– Буф-ф, Ники, – снова возмутилась девочка, – желать смерти какому-либо существу запрещается.

Он хотел было ей сказать, что такой запрет существует только на Пирре, но тут ему в голову пришла блестящая мысль:

– Слушай, Нуми, а ведь умно придумано! Раз надо драться, дерутся только злые половины. И правильно, зачем добрым из-за них страдать? Эх, вот бы можно было и на Земле ввести такой порядок! Когда политикам и генералам захочется воевать, пускай они сами дерутся между собой. А народы будут только кричать: «Давай! Мазила!» Как ты считаешь?

– Ничего я не считаю, – задумчиво отозвалась Нуми. – Потому что не пойму, для чего вы, как и ваши предки, до сих пор воюете друг с другом... О-о-о! – внезапно вскрикнула она, как от боли.

Один зверь упал на бок. Он еще отбивался, но уже не в силах был подняться; еще щелкал челюстями, но не мог укунить противника, а тот топтал его изо всех сил, безжалостно рвал зубами брюхо, кидая в стороны клочья мяса. Битва приближалась к концу. Хобот половины, на которой сидели ребята, закрутился штопором и издал странный вой. Вой этот становился все протяжнее – явно, погибала половина их чудовища. Но почему вторая половина, на которой они сидят, не спасается бегством? Или Ники прав, и на этой планете дерутся и погибают те, кто несет в себе зло?

Упавший зверь взревел в последний раз и затих. Победитель издал ликующий вопль и повернулся к своей половине, которая ждала его в метрах ста от поля сражения; та быстро подбежала, они слились воедино, и обе головы начали рвать бездыханную жертву на части.

Умолкла и осиротевшая половина. Ее хобот скрючился и повис безжизненно. Зверь скорчился, зашатался и рухнул, будто прямо в сердце ему попала пуля. А ведь его никто и пальцем не тронул! Ники и Нуми покатались в траву и живо вскочили на ноги.

– Как же так... – заикаясь, сказала Нуми, готовая заплакать. – Это доброе существо...

Всякие такие переживания были сейчас совсем некстати, и Ники гневно прикрикнул на нее:

– Нечего тут! Бежим, пока тот другой нас не заметил, а то если ему тоже приспичит нас исследовать...

Нуми заплакала по-настоящему, он схватил ее за руку и потащил за собой, но девочка то и дело оглядывалась, чтобы посмотреть, не оживет ли добрая половина их чудовища.

Нет, она лежала неподвижно, будто кротко ждала, когда ее тоже съедят. И эта смерть была уже совсем непонятна ребятам, хотя у них и было целых три мозга на двоих.

7

На Пирре не знают щекотки.
Как полагается исследовать космос.
Мало не позволяет смешивать
природу разных миров

Компас указал им верное направление, и после двух часов утомительных прыжков через лесные заросли Нуми и Ники вышли на знакомую поляну.

Мало ждал их. Правда, по нему это было незаметно. Он просто лежал – или стоял? – на месте, равнодушный ко всему окружающему. Его ничуть не тронуло, что когда на этой планете умирает зло, неизвестно почему вместе с ним умирает и добро.

Наверное, взгляд Ники был недобрым, потому что Нуми заметила:

– Не надо сердиться. Жизнь на каждой планете устроена по своим законам, и у него, наверное, нет права вмешиваться.

– Но ведь мы тоже могли погибнуть, правда? Какой же он тогда «Спасающий и Охраняющий жизнь»? Значит, мы ему безразличны?

– Буф-ф, Ники, – с досадой сказала Нуми, – ведь я тебе уже объясняла. Малогалоталотимы вмешиваются только тогда, если на какой-нибудь из планет всей жизни угрожает уничтожение. А чем занимаются отдельные существа – это их не касается, и в дела этих существ нечего вмешиваться, потому что это может помешать их естественному развитию.

– Это он тебе сказал? – недоверчиво спросил Ники.

– Нет, я уверена, что это так.

– Ха, ты думаешь, что так, а на самом деле – неизвестно как! Зачем тогда он вас спас от гибели в космолете?

Нуми смешалась и только и смогла, что повторить слова Ники:

– Верно, мы-то думаем так, а на самом деле все неизвестно как! И это относится ко всем большим загадкам Вселенной, а Мало – одна из самых больших ее загадок!

Они не спешили занять свои места внутри этой загадки. Несмотря на все тайны Мало, они чувствовали себя в полной безопасности рядом с ним. Оба смотрели в небо, перечерченное стеблями травы, и переговаривались друг с другом через шлемофоны.

– Хочешь останемся? – говорила Нуми. – Здесь наверняка есть и другие интересные существа.

– С меня и этих хватит на всю жизнь. Вот полежим немного и полетим искать твою планету с невиданными цветами.

Над ухом у него тихонько вздохнула Нуми:

– Никак не могу успокоиться. Зачем это нужно, чтобы умирало и добро? Почему добро и зло так неразрывно связаны друг с другом?

Битва гигантов снова встала перед глазами Ники, и в животе у него похолодело. Вдалеке от родной Земли, среди чужой травы, под чужим небом он вдруг почувствовал себя страшно одиноким. Хоть бы Нуми не молчала, что ли! И он сказал:

– Не знаю, но, может, бывает и наоборот. Когда погибает добро, погибает и зло. Вот из нас двоих, например, ты добрая, ты ко всему добрая. Если бы ты погибла, то и я бы тоже наверняка погиб.

Пирранка строго возразила:

– Это нелогично. Ты не плохой, ты просто воспитан как земной человек. И вовсе ты бы не погиб. Тебе просто так кажется, потому что ты меня любишь. И мне тоже так кажется.

– Ну-у-у, ты опять за свои глупости! – тут же взбунтовался Ники. Трава рядом с ним заколыхалась, будто в ней двигалось какое-то пресмыкающееся, и Ники приподнялся. Это была Нуми, она устроилась на том самом месте, где только что лежал мальчик, и спросила:

– Ну почему ты такой? Почему ты не хочешь, чтобы я тебя любила? Как же мы будем жить на свете, одни-одинешеньки, если не будем любить друг друга?

Ники не смел взглянуть на нее и ничего не мог ответить. Такие слова он слышал только в кино и по телевизору, когда показывали фильмы про любовь и прочую ерунду, и ему казалось, что сейчас его зачем-то заставляют играть роль в таком фильме.

– Эти двое, наверное, очень любили друг друга, раз они умерли вместе! – вздохнула Нуми. – А на Земле люди могут так любить друг друга?

– Бывают идиоты, – не сразу отозвался Ники нарочито грубым голосом. – Даже кончают жизнь самоубийством из-за любви. Чокнутые!

– Ах, но ведь это так прекрасно! – воскликнула Нуми и тут же добавила: – Но убивать себя – противоестественно.

Ники решил прекратить досадный разговор.

– Здесь совсем другое, – сказал он. – Мы с тобой решили, что одна половина чудовища хорошая, а другая – плохая. А на самом деле это просто две части одного тела, у каждой свои обязанности и каждая делает свое дело! Разве я могу сказать, что моя левая нога добрая, а правая – злая, потому что кому она только ни надавала пинков под зад.

– О-о-о, Ники, – в ужасе воскликнула девочка, – неужели это правда? Ты лягал людей? Почему?

– Да это я так, к примеру, – смутился Ники. – Я про другое говорю. В космосе нет ни добра, ни зла, как нет правой и левой стороны, нет верха и низа. И если мы будем приписывать человеческие качества каждому встречному-поперечному, никакие мы тогда не исследователи и ничего мы в космосе не поймем. Ясно?

– Слушай, Ники, а знаешь, ты становишься с каждым днем все умнее. Когда ты попал в Мало, ты был такой глупенький! Такой симпатичный, напуганный и глупый! Космос явно пошел тебе на пользу. И ты уже больше никого и никогда не будешь лягать ногами, правда?

Опять эта девчонка заставила его краснеть от стыда! Надо заткнуть ей рот!

– Хватит глупости говорить! До каких пор мы тут будем торчать?

Собственно, торчал-то только он, потому что она блаженно потягивалась, лежа в траве.

– А что ты хочешь? – ласково спросила она, как спрашивает мама капризного малыша.

Ники засмеялся.

– Почему ты смеешься?

– Да ничего, я так...

– Ники! – строго сказала девочка. – Не нужно обманывать! Ты же знаешь, что мозг у меня включен. Я только что уловила у тебя какое-то желание. Ты хочешь что-то сделать мне, но тебе мешает скафандр. Сейчас же признавайся!

Отпираться перед электронным мозгом не имело смысла, и Ники сознался:

– Я хотел сорвать травинку и пощекотать тебе в носу.

– Да, что-то такое я и уловила. А зачем щекотать мне в носу?

– Чтобы ты чихнула.

– А для чего я должна чихнуть?

Ох, уж эта высокоразвитая пирранская цивилизация! Они что, не знают щекотки, что ли? Ники был раздосадован: как можно не знать таких простых вещей!

– Когда человек чихает, в мозгу у него проясняется, и он перестает болтать глупости.

Она и тут не обиделась на него, а вскочила и принялась рвать травинки, выбирая те, что потоньше, и приговаривая:

– Вот как хорошо, я обязательно попробую!

Хоть у нее целых два мозга, а верит каждому слову! Ники уже был готов раскаться в том, что обманул простодушную девочку, но потом подумал, как будет весело щекотать ее по носу в пути – ведь все равно, сидя у Мало в утробе, заняться нечем.

Ники пошел к Малогалоталотиму. Он решил войти первым, чтобы проверить, найдет он сам нужное место или нет.

Бок Мало пропустил его сразу же, чуть заметно сопротивляясь; казалось, будто идешь сквозь воду. Ники выпрямился, зажег фонарик и огляделся. Нуми не было. Не появилась она и через минуту. Ники охватила паника. Может, ее опять украли?

Он тут же выхватил газовый пистолет, отбросил фонарик и выглянул за стену. Нуми стояла внизу, живая и здоровая, с букетиком травы в руке. Ники рассердился на себя за свой испуг и сердито крикнул ей:

– Ты почему не идешь?

– Мало меня не пускает! – всхлипнула Нуми.

– Попробуй еще раз! Вот здесь! – и он показал на стенку рядом с собой.

Нуми подскочила и обеими руками уперлась в бок Мало, нажала и головой. Мало отшвырнул ее, как отшвырнул самого Ники, когда они садились на планету сомо-кусапиенсов. Что это на него накатило, ведь они с Нуми так хорошо понимают друг друга? Наверное, и в ней что-то изменилось. Его-то Мало не пропустил тогда из-за перочинного ножа – ведь он не позволяет Убивать на чужих планетах...

– Бросай траву! Бросай, слышишь?

Нуми неохотно выпустила травинки на землю. Мало сразу пропустил ее, а Ники вспомнил замечание девочки о том, что космос заставил его поумнеть.

– Понимаешь, – сказал он ей, когда они сняли шлемы и он почувствовал себя еще умнее, – он ничего не разрешает вывозить из одного мира в другой. Особенно, если это что-то живое, например, трава. Чтобы разные природы не смешивались друг с другом.

В ярком свете упавшего фонарика он ясно увидел, как она надула губы.

– Жалко... Как же я теперь буду прояснять свои мозги?

Ники засмеялся:

– Можно и волоском. Возьму и вырву у тебя волосок, тогда и вовсе прояснится в голове.

Мало в это время взлетел, ни о чем их не спросив. Они только почувствовали, как исчезло притяжение, и их швырнуло в разные стороны.

Там, где стоял Мало, осталась огромная яма в почве, из которой он высосал питательные вещества, чтобы зарядиться новыми силами. Такая же, какую он оставил в асфальте перед выставкой научно-технического творчества на Земле. Интересно, станут ли здешние существа так же ломать себе головы над этой загадкой, как ломали их земные ученые? Что скажет об этом одна их половина? И что ответит ей другая? Потому что, раз какое-то существо состоит из двух частей, у каждой наверняка собственное мнение!

Здесь и сам автор не может вам ответить. Мы прибавим эти вопросы к остальным загадкам неизвестной планеты, и пусть они ждут своих будущих исследователей.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

На Райской планете. Для чего нужен мозг.
Если ты не верблюд, пей, как человек

До самого горизонта тянулась гряда невысоких холмов, поросших цветущим кустарником и цветами. В небе курчавились бело-розовые облачка. Гравитация здесь была нормальной, теплый воздух – напоен нежным ароматом.

– Вот тебе и цветы, сколько душе угодно, – сказал Николай Буяновский, когда ребята сняли шлемы.

Поляна, на которой оставил их Мало, походила на роскошный ковер из неведомых цветов, вытканый самым искусным мастером на свете – природой. Они густо устилали всю почву – стебель к стебельку, цветок к цветку. Казалось, на этой планете природа работала с особым вдохновением.

Выпустив ребят, Мало взлетел. То ли он прятался от здешних жителей, то ли не хотел портить прекрасную картину ямой. Над головами ребят закружились две довольно крупные птицы редкостной красоты: у них были пурпурные крылья, золотые грудки и изумрудно-зеленые хвосты. Птицы сели на поляну и подошли к пришельцам. Они были куда красивее райских птиц, которых Ники случилось видеть в зоопарке. Нуми даже прослезилась от изумления:

– Ой, какие же вы красавицы! – воскликнула она, и птицы вдруг закивали золотистыми головками, будто соглашались с ней.

– И они совсем нас не боятся! – заметил Ники. Птицы и ему кивнули.

– Можно, я вас поглажу? – робко спросила Нуми. Птицы послушно подошли к ней поближе, девочка сняла перчатку и осторожно коснулась ладошкой золотистого оперения. Тут и Ники не выдержал, как ни хотелось ему показать мужскую твердость характера; птицы были такие красивые и кроткие, что он взял одну из них на руки. Она повернула к нему голову и посмотрела на него большими ярко-синими глазами. Просто трудно поверить – сколь бесстрашно вели себя эти красавицы!

Нуми уже целовала свою птицу, гладила ее по головке и нашептывала на ухо какие-то свои женские словечки; говорила она на пирранском языке, и что именно они значили, понять было невозможно, но Ники и так догадывался. Птица тоже явно понимала, потому что весело кивала Нуми в ответ.

– Потрясно! – совсем по-земному сказал Ники своей птице. – Такого чуда, наверное, нигде больше на свете нет!

Чудо усердно покачало блестящим, как драгоценный камень, клювом, будто хотело сказать: «Правильно, с этим не поспоришь».

– Нет, серьезно! – сказал Ники, и птица снова закивала. – А что ты еще умеешь? Давай, спой песенку!

Птица ничего не ответила – наверное, она не знала песен. Нуми вздохнула.

– Не могу поймать никаких излучений, очевидно, они очень слабые.

– Чтобы кивать головой при каждом чужом слове, мозга не требуется, – заметил Ники и отпустил птицу. – Что на это скажешь, чудо-красавица?

Чудо тут же кивнуло: дескать, так оно, так. Николай был разочарован, однако вспомнил, что это – первое существо, которое они встретили на новой планете, и о нем следует рассказать записывающему аппарату. Он нахлобучил на себя шлем и начал описывать величину птиц, их оперение, форму, окраску. Потом откинул шлем на спину и засмеялся. Птица не сводила с него глаз в кротком ожидании.

– Знаешь, как я тебя назвал? Слухарь! У нас на Земле есть птица, тоже красивая, хоть и не такая, как ты, ее зовут «глухарь». А ты будешь «слухарь».

Нуми стала возражать. Это очень обидное имя, а они такие красивые и милые!

– Ведь правда же, обидно? – сказала она, и птицы обе враз кивнули. – Вот видишь!

– Вы ведь не обижаетесь? – спросил Ники и снова засмеялся, довольный: птицы все с той же серьезностью подтвердили, дескать, они не обижаются.

– Зато они такие красивые! – вступилась за них Нуми.

– И такие глупые! – в тон ей добавил Ники. И птицы согласились с обоими.

– Ну, слухари, до свиданья! – сказал им Ники. – Всего вам хорошего! Пошли, Нуми.

Ребята сверили свои компасы и отправились в путь, не выбирая направления, потому что здесь везде было красиво. Птицы пошли за ними следом – то ли пришельцы им понравились, то ли было скучно, когда не с кем было соглашаться. И стоило одному из ребят что-то сказать, как они забежали перед ним, преданно смотрели в глаза и кивали: да, мол, так и есть!

Ребята перешли вброд неглубокий ручей, в котором плавали рыбки самой разной формы и раскраски; таких красивых рыбок наверняка не сыщешь ни в одном земном аквариуме. Ники попробовал воду: она оказалась замечательной. Настоящая вкусная вода, не то что та сладковатая жидкость, которую подавала им крохотными глотками особая трубочка в шлеме и которая состояла бог весть из чего. Нуми хотела предостеречь его, но Ники не стал ее слушать и присел над ручейком.

– Ведь мы же приняли сыворотку против всяческих вирусов! – возразил он. – Я могу выпить весь ручей, и ничего со мной не случится!

И он принялся пить прямо из ручья. Пил долго, как верблюд, который готовится к продолжительному переходу через пустыню; известно, что верблюды запасаются водой впрок. Рыбки в изумлении смотрели на Ники; они тоже не испугались пришельцев, но, должно быть, не могли понять, куда девается вода из ручья. У Ники громко забулькало в животе – как в бочке, которую везут на телеге. Ему стало неудобно, а Нуми сказала, что пить так много воды вредно для здоровья. Особенно, когда не знаешь, какая она. И слухари тут же согласились с ней, покачав своими золотистыми головками.

Осмотревшись, ребята увидели, что кусты, возвышавшиеся над ярким цветочным ковром, ничуть не уступают ему по красоте. Один из них издали привлекал к себе внимание: на нем висели оранжевые плоды, круглые, как мячики. Ники снова был готов воскликнуть: «Потрясно! Разве можно в одно и то же время и цвести, и давать плоды?», но не успел, так как Нуми сделала ему знак замолчать и наклонилась к кусту.

Несмотря на безветренную погоду, его цветы-колокольчики тихо покачивались, издавая мелодичный звон.

– Тили-тили, тили-тили... слышишь? – шепнула Нуми. – Интересно, что это означает?

– Нет, он говорит другое, – буркнул Ники – уж очень его раздражало бульканье воды в животе... – Он спрашивает: «И ты ли, и ты ли?»

– Что – и я? – озадаченно спросила Нуми.

– А то, что и ты ли попала на удочку и решила, будто он может говорить?

– Но он действительно говорит, Ники! Я же не только слышу его звон, я улавливаю его излучения! Может, это даже излучения мозга! Разве что их передают плоды... Да, это плоды! Это не обыкновенные плоды, раз они висят на кусте вместе с цветами! Может, это маленькие мыслящие головки...

– Постой, не торопись! – засмеялся Ники. – После двойных чудовищ тебе всюду мерещатся мыслящие головы! Ты что, серьезно думаешь, что сто мыслящих голов висят на одном кусте, и у каждой свой мозг? Ты же сама говорила, что даже когда всего два мозга, и то трудно!

– Ники! – строго заявила маленькая пирранка. – Эти шарики посылают излучения!

Ники потрогал один шарик, сиявший, как маленькое оранжевое солнце.

– Если хочешь знать, у нас на Земле цветы тоже что-то излучают! И даже овощи!.. Интересно, а их можно есть?

– Буф-ф! – возмутилась Нуми. – Как ты сейчас можешь думать о еде?

– Что же делать, если я голоден, – виновато отозвался мальчик.

– Займись описанием этого растения, – посоветовала Нуми. – Давай назовем его «тили-тили», хочешь?

– Эти шарики похожи на плоды хурмы, которую у нас дома называют райским яблоком. Красивые фрукты, но не очень вкусные...

Ники умолк, спохватившись, что он опять говорит о еде, но Нуми, к счастью, этого не заметила – ее интересовало, почему земной плод называется райским яблоком. И Ники рассказал ей легенду о рае.

Согласно этой легенде, бог создал всю землю и все живое на ней, а потом создал и людей по своему образу и подобию. Их было двое, и он назвал их Адамом и Евой. Первые люди могли жить безо всяких забот в райских кущах, и только одно им запрещалось: срывать плоды с дерева познания, которое росло посреди рая. Это бог запрещал категорически. Но известно, что где есть бог, там есть и дьявол. И любимое занятие дьявола – портить то, что создает бог, или, как выразился Ники Буян, делать все ему назло. Однажды дьявол притворился змеей, обвился вокруг дерева познания, и когда Ева подошла к нему, дьявольски хитрыми речами уговорил ее сорвать одно яблоко, самой попробовать и Адаму дать кусочек. Ева с Адамом съели яблоко и только тут заметили, что на них нет одежды, и им стало ужасно стыдно...

Что в этом такого ужасного и стыдного, Нуми не поняла, а Ники тоже не мог ей толком объяснить. Но так или иначе, это было первое, что открылось Адаму и Еве после того, как они съели плод с дерева познания. И за такую ерунду бог ужасно на них разгневался; он прогнал их из рая и проклял, велел сойти на Землю и впредь в поте лица своего зарабатывать хлеб насущный... Адам и Ева спустились на Землю и начали трудиться, у них родилось много детей; так, утверждает Древняя легенда, был создан человеческий род...

Нуми с горящими глазами слушала рассказ мальчика. Она ужасно любила сказки, и эта наивная легенда очень ей понравилась; ее наверняка записали слово в слово оба ее мозга. Слухари тоже смотрели Ники в рот и усердно кивали, хотя у них в головах было пусто, и они ничего не могли запомнить.

– Может, это – тоже запретный плод, – сказала Нуми, указывая на оранжевые плоды. – Смотри, как бы нас не выгнали отсюда.

Буф-ф! Эта девчонка готова верить каждому слову!

– Больно мне нужен ихний рай, – пробормотал Ники недовольно; от выпитой воды у него заболел живот, а отсюда следует, что если ты не верблюд, пей как человек; это даже слухари могут подтвердить.

2

Новые знакомые.

Можно ли быть мужчиной и женщиной сразу.

Каково жить в раю

Все на этой планете было тихо, мирно и красиво. Наверное, именно так представляли себе древние жители Земли свой сказочный рай. Но у них были серьезные причины для того, чтобы мечтать о такой жизни. Земля под ними содрогалась от страшных землетрясений, вулканы извергали им на головы камни и пепел, реки и моря выходили из берегов и загоняли в горы тех, кого не успевали залить водой. А в горах их ждали дикие звери, холод и голод. Однако нашим героям, выросшим в безопасности и привыкшим к изобилию, сказочка о рае казалась скучноватой, и они надеялись повстречать хотя бы Адама и Еву.

Вместо Адама и Евы из рощицы выбежало непонятное существо с тупой мордочкой и на коротеньких ножках; шкурка его была разрисована квадратиками – красными, зелеными, синими и бежевыми. Казалось, что зверек одет в костюм из ткани, которую мама Ники называла «шотландская клетка»; а если бы не клетки, он как две капли воды походил бы на земного поросенка.

Ники вытащил было газовый пистолет, но зверек остановился перед ним и умоляюще посмотрел ему в глаза своими красными, как у ангорского кролика, глазками. Птицы не обратили на зверька никакого внимания – значит, это не хищник.

– Как тебя зовут? – спросил Ники, убирая оружие. – Или придется и для тебя придумывать имя?

Нуми погладила поросенка по клетчатой спинке. Зверек повернул к ней голову, и из его пасти живо, как пламя зажигалки, высунулся длинный красный язык; он лизнул руку Нуми и тут же его спрятал. Нуми с беспокойством смотрела на руку. Ники засмеялся.

– Это он с тобой поздоровался, – сказал он, и слухари усиленно закивали головами: да, да, правильно.

Знаешь, какое-то странное ощущение. А вообще-то ничего не болит, даже следа нет.

– Значит, с этим клетчатым поросенком ты совместима, а со мной нет! – поддразнил ее Ники Буян.

Девочка вздохнула:

– Ты опять хочешь довести меня до слез? Клетчатый зверек бросился к Ники и начал лизать ему сапоги длинным огненно-красным языком – должно быть, хотел показать, что он совместим и с земными жителями. Ники осторожно оттолкнул его ногой:

– Эй, ты, это тебе не эскимо!

Животное отошло в сторону, ничуть не обидевшись, а когда ребята пошли к рощице, затрусил за ними вслед. Нуми шла вприпрыжку, совсем как земная девочка. Увидев это, начали прыгать и слухари, и клетчатый поросенок.

– Я чувствую себя как Адам и Ева! – радостно заявила она.

Ники не утерпел:

– Как Адам и Ева, вместе взятые? Или по отдельности?

Она засмеялась еще веселее.

– Я сказала глупость, знаю, но что поделаешь, если мне весело! Мне хочется бегать и совсем не хочется ничего исследовать. Я даже выключила мозг, чтобы он перестал бормотать: это так, то не так... ты тоже бормочешь не хуже него!

Такой веселой Ники ее еще никогда не видел. Что это с ней, может, на планете такая атмосфера?

– Тогда лови! – крикнул он ей и что было сил помчался вперед.

Клетчатый поросенок бросился за ними следом, а слухари поднялись в воздух и замахали крыльями над их головами.

Ребята вбежали в рощицу – собственно, это была не роща, а высокий кустарник, усыпанный цветами и плодами, и стали играть в прятки. Они то и дело совсем теряли друг друга из вида, и тогда на помощь приходили птицы и смешной поросенок, умевший брать след не хуже собаки; он подбегал и начинал лизать ребятам сапоги. Вдоволь набегавшись, устав и запыхавшись, Ники и Нуми хотели отдохнуть и вдруг увидели людей.

Люди вели себя странно. Извиваясь всем телом, каждый протягивал руки к одному из тех кустов, которые Нуми хотела назвать «тили-тили», – будто эстрадный певец, поющий об утраченной любви, – и легким шагом ходили по кругу. Что они делают? Танцуют, что ли? Наверное, танцуют, судя по их одежде.

Однако по их одежде можно было судить и о другом.

– Они совсем чокнутые, – шепотом сказал Ники.

– Какие? – не поняла пирранка.

– Ну, у них не все дома.

– А где – дома? – спросила Нуми и стала оглядываться по сторонам. – И откуда ты это знаешь?

Ники, не отвечая, смотрел на жителей планеты. Эти люди – две женщины и трое мужчин, в сущности, были нагими, на головах у них было по венку, венки украшали и тонкие сморщенные шеи, а животы едва прикрывали юбочки из цветов. В таких юбочках танцуют туземки на островах Тихого океана, это Ники видел по телевизору; но в фильме танцовщицы были молодые и красивые, а здешние жители, кривоногие морщинистые старики и старухи, казались их жалкими подобиями.

На ребят они не обратили никакого внимания, поэтому Ники и Нуми стали ждать, когда они закончат свой танец. Нуми шепнула на ухо Буяну:

– Почему ты их боишься?

Он даже не стал сердиться за то, что она опять подслушала его мысли: пусть включает свой электронный мозг, он им наверняка понадобится. И ответил ей тоже шепотом:

– Когда у человека мозги не в порядке, он становится опасен. У вас на Пирре есть сумасшедшие?

– Нет. Когда у нас кто-то заболевает, его тут же излечивают.

– Это здорово! А у нас ненормальных сколько хочешь.

– Не бойся, я не улавливаю ничего страшного. Правда, сигналы у них очень слабые и неясные, но если бы они задумали что-то плохое, я бы тут же почувствовала.

– Да я и не боюсь. Что они нам могут сделать? Подумаешь! Пустить им струю газа под нос, и уснут, как миленькие.

– Стыдись, Ники, – тихо, но строго сказала ему пирранка. – Это чужая цивилизация, ее надо уважать.

Ники и не думал стыдиться. Чего их там уважать, этих стариков, которые кривляются в цветочных юбочках! Вот если бы это была Нуми...

– Да, я бы оделась в цветы с головы до ног! – воскликнула девочка, и тут Ники устыдился, потому что она явно увидела, какая картина промелькнула на минуту у него в голове.

– Не сердись, – шепнула Нуми. – Я нечаянно. Они ведь далеко, а ты – рядом.

Наконец жители цветочной планеты прекратили свой танец и все разом сорвали по оранжевому шарiku. Одновременно поднесли плоды ко рту и как по команде откусили, зажмурясь от блаженства. Должно быть, это тоже входило в ритуал.

– Вот видишь, они съедобные! – обрадовался Ники.

– Они поют, – невпопад отозвалась Нуми. – Их мысли поют.

– А вот в нашей цивилизации за едой нельзя даже разговаривать, не то что петь, – сказал Ники. Ему стало очень весело.

Съев райские яблоки, танцоры улеглись на цветочный ковер. Тут же откуда ни возьмись к ним слетелось не меньше десятка слухарей и закивало головами: «Так, так, отдохните хорошенько!» Прибежали и клетчатые поросята, каждый из них выбрал себе одного танцора и стал усердно лизать ему босые ноги.

– Ну что, увидела райскую жизнь? – разозлился Ники. – Пошли отсюда.

Конечно, за свою долгую и нелегкую жизнь эти люди наверняка много пережили и повидали, но таких нелюбопытных существ он еще нигде не встречал. К ним прилетели гости с другого конца Галактики, а они и ухом не ведут!

– Может быть, спросить их, нет ли на планете других жителей, – предложила Нуми.

– Ну, если и остальные такие же, лучше прямо вызывай Мало!

– Вот видишь, и ты говоришь глупости. Раз есть! старики, значит, должны быть и молодые.

Ники разозлился еще сильнее и выбежал на поляну. Оттолкнув клетчатого поросенка, он бесцеремонно дернул первого попавшегося старика за костлявую руку и потряс ее:

– Давай, вставай, мне надо кое о чем тебя спросить. Старик с трудом разлепил сухие, как осенние листья, веки и что-то прошамкал. Ники помог ему сесть, потом разогнал всех поросят и разбудил остальных стариков.

– Не надо так грубо, – попросила его подоспевшая Нуми.

– Иначе нельзя, не то они до завтра не проснутся. Давай, начинай учить их язык!

Нуми указала на себя и назвала свое имя, потом коснулась груди Ники и назвала его имя. Потом стала внимательно вслушиваться в неразборчивое бормотание стариков. Оба ее мозга работали одновременно, обрабатывая не только звуки, но и зрительные образы, возникающие в мозгу стариков. Именно таким образом она сумела быстро выучить земной язык, а потом и язык звездных жителей.

Нуми села в траву и вытянула уставшие ноги. Один из поросят тут же принялся лизать ей сапоги, но Ники резко оттолкнул его.

– Ох, Ники, зачем ты так! – воскликнула Нуми, будто он толкнул ее самое.

– Мне эти подлизы не нравятся. В них есть что-то подозрительное.

– Не сердись, но ты меня сбиваешь с толку своими излучениями. Иди погуляй немного.

– Раз ты не боишься остаться одна – пожалуйста! Ники надулся, но девочка уже не обращала на него внимания – она слушала слова и мысли жителей планеты.

3

Что может и чего не может золотая рыбка.
Какой вкус у райского яблока.
Кто для чего живет

Парочка слухарей и клетчатый подлиза пошли за Ники по пятам как верные телохранители Странные существа! Будто у них нет своих дел! Почему они все время крутятся возле пришельцев, может, их так здесь приучили? Других животных на этой планете Ники что-то не замечал; не было и насекомых. Это, конечно, неплохо, потому что комары и осы – досадное племя, и для райской жизни не подходят. Вокруг были только цветы и кусты, кусты и цветы, и все они цвели с такой пышностью, отливали таким обилием красок, что глаза уставали на них глядеть.

Ники опять увидел лиловые колокольчики и солнечно-оранжевые шарики «тили-тили», сделал вид, что не обращает на них никакого внимания, а сам украдкой сорвал одно оранжевое солнышко. «И ты ли? И ты ли?» – нежными голосами упрекнули его колокольчики.

– И я! – сказал Ники и показал им язык. «Правильно, правильно!» – закивали слухари.

За высокими кустами перед ним неожиданно возникла довольно широкая речка с крохотными омутами. Ники ужасно захотелось окунуться в воду. Он стащил с себя скафандр и улегся на мелководе. Тут же вокруг него в теплой воде собралось около сотни рыбок; они не мигая смотрели на него и приветливо махали хвостами и плавниками.

На этой планете явно никто никого не опасался. Но так и должно быть. Потому что если в раю кто-то кого-то боится, то это уже не рай, как бы в нем ни было красиво.

Ники сложил ладошки и поймал одну рыбку. Пестрая рыбешка зашевелила губами.

– Бур – пиу-пиу-таф-мини!

Она проговорила это совсем тихо, но Ники от неожиданности выпустил ее из рук. Думаете, рыбка поспешила уплыть подальше, как это сделала бы любая ее родственница на земле? Совсем нет. Она подплыла к его ногам и снова уставилась на него.

Вот это планета! Птицы и животные немые, а рыбы – говорящие! Эх, будь у него такие же способности, как у Нуми! Вдруг рыбка сказала ему, как золотая рыбка деду в старинной сказке: «Отпусти ты меня, мальчик, на волю, дорогой за себя дам откуп»?

Он снова сложил ладони и поймал ту же рыбку.

– Мнуу-пиф-бур-таф-пала! – задыхаясь сказала она.

– Ладно, – ответил Ники. – Я тебя отпущу, но только если ты исполнишь мое желание. Нет, три желания!

– Бур-пиу, таф-паа-мини! – ответила рыбка.

– Во-первых, – начал Ники, – чтобы эта история со свертыванием времени оказалась неправдой. И чтобы мама и папа были живы. И все мои друзья – тоже. И чтобы родители Нуми тоже были живы. И... и... и чтобы мы с Нуми вернулись и всегда были вместе...

Тук Ники осекся. Может, он слишком многого хочет? Наверное, самая могущественная волшебница не сумеет отменить закон Вселенной. Он только собьет рыбку с толку, она все перепутает и ничего не сделает.

И ему тут же стало стыдно: он, как маленький, играет в детскую сказку! Со словами: «Ну, плыви себе, действуй!» Ники бросил рыбку в воду и поспешил выбраться на берег.

Лег в цветы, чтобы обсохнуть на солнышке, а слухари уселись по обеим сторонам и стали смотреть ему в рот – наверное, ждали, не скажет ли он чего-нибудь, чтобы можно было тут же покивать в ответ.

– Ну что, надо попробовать райское яблоко! – сказал Ники, и они усердно закивали.

Ники откусил кусочек оранжевого солнышка. Он плохо помнил вкус настоящего, земного райского яблока, но, кажется, он немножко напоминает вкус мокрой булки, немножко – мушмулы и немножко – нагретой солнцем дыни, а сами яблоки пахнут перезрелым бананом. Наверное, райскими их называют за красоту.

Добросовестно, как и полагается настоящему исследователю, Ники съел оранжевый шарик и посмотрел на небо. Розовые облака внезапно закружились в веселом хороводе, будто за ними гонялся ветер. Но ветра не было, и Ники понял, что это ему только кажется. Значит, не случайно здешние жители танцуют вокруг тили-тили и едят его плоды.

Голова его приятно кружилась, все тело охватило странное ощущение – это клетчатый поросенок подбежал к нему и стал лизать босые, еще мокрые пятки. Нет, это не щекотка – когда тебя щекочут, неприятно. Ники испытывал незнакомое сладостное чувство: ему хотелось спать; нет, не спать, а просто лежать вот так всю жизнь, не шевелясь. Веки его почти сомкнулись, когда перед глазами встали бессмысленные лица стариков, которых он старался разбудить... Ему стало страшно. С трудом собрав все силы, он сел. Миллионы цветов вокруг крутились и смеялись в веселом хороводе.

Ники подполз к скафандру и с трудом сунул голову в шлем. Там он нащупал ртом трубочку и жадно глотнул, не разбирая, что пьет – сыворотку против галактических вирусов или лекарство от других болезней. Через несколько минут туман исчез из его глаз, а мускулы обрели прежнюю силу.

– Эй ты, лизун! – крикнул Ники поросенку, но не очень сердито: он уже чувствовал себя вне опасности. – Я так и знал, что с тобой надо держать ухо востро. «Правильно, правильно!» – подтвердили слухари.

– А ну-ка, убирайтесь все отсюда!

Слухари опять закивали в знак согласия, но не сдвинулись с места. Ники стал поспешно натягивать на себя скафандр, а клетчатый поросенок все так же преданно смотрел ему в глаза. Мальчик почувствовал тревогу, он не знал, сколько времени провел возле куста тили-тили, хронометр что-то показывал, но это было пирранское время, а Ники еще не умел переводить его в другое, хотя Нуми и объяснила ему, как это делается. Как он мог оставить ее одну? Оказывается, райская красота вокруг кроет в себе опасность! Оранжевое яблоко и смешной клетчатый зверек способны отправить человека на тот свет...

Не обращая внимания на свою свиту, он бегом вернулся к Нуми. Она тоже уже тревожилась.

– Где ты был? Мне показалось, что с тобой случилось что-то плохое.

– Потом расскажу. Ты их язык выучила?

– Язык у них ужасно бедный, – отозвалась девочка. – За это время можно выучить два таких языка. А ты больше не смей исчезать, слышишь? Я чуть не умерла от беспокойства. Почему ты мне не ответил по шлемофону?

Она всерьез ругала Ники, а ему было очень приятно, неизвестно почему. Но это было не то коварное чувство удовольствия, которое он испытал, съев райское яблоко.

Долгожители планеты равнодушно слушали, как пришельцы переговариваются на неизвестном языке. Услышать речь не просто иностранную, а инопланетную, и при этом ничуть не взволноваться – тут было что-то не так. Наверное, мозги их еще не очистились от дурмана.

– Давай переводи, – сказал мальчик Нуми. – Дорогие бабушки и дедушки...

– Я лучше скажу: «Уважаемые люди», – поправила она.

– Валяй. Что вы тут делаете? Где ваши дети? Старики, одетые гавайскими танцовщиками, что-то вяло пробормотали; в переводе Нуми это значило: «Мы живем».

– А чем вы вообще занимаетесь?

– Молимся о том, чтобы жить долго, – был ответ. Нуми пояснила, что они верят в некое высшее существо, которое их создало.

– Ага, значит, у вас и бог есть? Ну, пускай будет на здоровье, – сказал Ники, и все слухари враз закивали золотистыми головками: пускай будет. – А зачем вам так долго жить?

– Ники, – воспротивилась пирранка, – это некрасиво. Я тебе потом кое-что объясню.

– Нет, ты их спроси, зачем они хотят долго жить. Что они будут делать?

Слова, которые произносила Нуми, звучали почти так же, как речь золотой рыбки. Наверное, девочка постаралась придать его грубым вопросам вежливую форму.

Старики опять хором, но вяло, ответили, что следует жить долго, чтобы слиться с красотой и истинами мира.

Ники смотрел на них с жалостью. Что у них общего с красотой? И какую истину способны постичь их ссохшиеся и затуманенные мозги? На Земле старики тоже состязаются, кто кого переживет. Едят кашку, как грудные младенцы, пьют разные травяные отвары, и зачем им такая жизнь? Он никогда не мог понять этого. Зато старики на Земле помогают по дому, водят внуков гулять, читают им сказки, а в молодые годы они успели сделать немало полезного для людей. Но эти...

– И где же истины, с которыми вы сливаетесь?

– Внутри их, – сказала Нуми.

– Пускай и нам дадут немножко!

– Ники, ты опять издеваешься над ними! – упрекнула его девочка.

– Я не издеваюсь. Но чего стоит красота и истина, если не можешь поделиться ими с другими? Переведи!

Нуми, однако, не стала переводить, хотя слухари подтвердили правоту мальчика усердными кивками.

– Пусть они хотя бы отведут нас к своим детям.

– Я уже просила, – ответила Нуми. – Они не хотят отделяться от красоты и истины.

И она встала, сказав старикам нечто похожее на вежливое «до свидания». Однако престарелые гавайские танцоры снова погрузились в блаженную дрему и не потрудились ей ответить.

4

Для чего служит искусство.
Всегда ли хорошо то, что нам нравится.
Ники объявляют великим мастером

Нуми и Ники отправились дальше. По дороге им не раз встречались группы стариков, которые или танцевали вокруг тили-тили, или лежали на земле, испытывая блаженство. Ники рассказал, какое страшное и приятное бессилие он испытал, а Нуми объяснила ему, что жители райской планеты считают себя самыми прекрасными и самыми добрыми существами в мире, потому что бог создал их по своему образу и подобию.

– Бедный бог, – засмеялся Ники Буян, – значит, и он такой же уродливый и глупый!

Самое удивительное, что здешние жители считали себя потомками земных людей. Когда-то, очень давно, бог отправил на Землю своих посланцев, чтобы они забрали оттуда всех добрых людей и вернули их в рай, где их можно было уберечь от злых и воинственных человеческих племен. С тех пор они так и живут здесь, где так красиво и всегда тепло, где царит вечная весна, а растения круглый год дают плоды.

– Да, и поросята лижут им пятки, а слухари кивают: да-да, вы самые умные и красивые существа во Вселенной, – добавил Ники.

Но пирранка опять упрекнула его за то, что он смеется над чужими порядками.

– Смотри-ка, а наша свита испарилась! – перебил ее мальчик.

В самом деле, клетчатый поросенок с коварным языком и райские птицы исчезли; должно быть, поняли, наконец, что совсем не нужны странным пришельцам.

Ребята поднимались по склону, за которым тянулась гряда холмов, поросших изумрудно-зеленой шелковистой травой. Цветов становилось меньше, кустов больше, это были совсем другие цветы и кустарники, а тили-тили вообще не встречались. Но вот на холме показались человеческие фигуры; люди эти выглядели куда моложе тех, что встретились ребятам внизу, и кожа у них была зеленоватого оттенка.

– Действительно ли они такие добрые, как кажутся? – усомнился Ники и достал пистолет. – Еще возьмут да нападут на нас.

– Убери пистолет, – рассердилась Нумн, которая никак не хотела верить в зло. – Раз у них нет врагов, то с чего бы им быть плохими.

Тут ребят заметил какой-то человек в зеленых трусах и бросился к ним на встречу. Он был ужасно некрасивый, с большим ртом и длинным носом, но весело улыбался и что-то дружелюбно бормотал. Оказалось, что его трусы сплетены из той самой травы, по которой они шли.

– Я только поняла, что он хочет нам что-то показать, – перевела Нуми и храбро направилась вслед за незнакомцем. Ники ничего не оставалось, как последовать за ней.

Человек завел их за ближайший куст, поднял с травы какой-то предмет и принялся размахивать им перед глазами ребят. При этом он, не переставая, что-то говорил, тихо и напевно.

– Он спрашивает, нравится ли нам его произведение, – перевела Нуми.

Произведение очень напоминало коврик, сплетенный из той же травы и кое-где украшенный цветами. Нуми произнесла несколько слов на здешнем языке, и некрасивое лицо человека просияло.

– Что ты ему сказала? – нетерпеливо спросил Ники.

– Что это очень красиво.

– А что это за штука? Для чего она?

– Ни для чего. Это они называют искусством.

– Ага, значит, и вы, пирранцы, иногда заливаете! – заметил Ники.

– Не знаю, что ты хочешь сказать. Но я думаю, что раз он создал эту вещь и она ему нравится, стало быть, для него она хороша. Ты забываешь, что мы находимся среди чужой цивилизации.

– Да разве это цивилизация! – земной мальчик уже явно придирался. – У нас любой детсадовский ребенок и то сделает лучше!

Из-за кустов стали выходить другие люди, мужчины и женщины, все они были нагими, потому что трудно назвать одеждой трусы из травы. Они наперебой совали ребятам коврики, кособокие фигурки, тоже сплетенные из травы. И каждый хотел, чтобы гости похвалили его творение. Нуми еле успевала обмениваться с ними двумя-тремя словами – такой поднялся шум; жители Райской планеты пели и плясали, размахивая своими жалкими изделиями.

– Это все искусство, – шепнула девочка Ники. – Все они здесь занимаются искусством.

Николай разозлился.

– Ладно, пускай себе занимаются! А зачем совать это искусство нам под нос? Почему никто не спросит, кто мы, откуда? Может, мы тоже можем кое-что показать.

Даже невероятные чудовища с двумя головами проявили любопытство к ребятам! А здесь, в этом кружке самодеятельности, каждый интересовался только собой. Ники сунул руку в карман скафандра, достал жвачку, пожевал ее немного, чтобы она стала мягче, а потом крикнул:

– Эй, вы!

Райские жители разом остановились, испуганные непривычно резким криком. Ники с таинственным видом показал на свой рот, сделал несколько жестов, как будто произносил заклинания, и выдул изо рта пузырек.

Пузырек начал расти, в его белой поверхности отражались солнечные лучи; вместе с ним росло изумление райских жителей. А когда он лопнул, и мальчик живо спрятал за щеку остатки жвачки, все вокруг принялись хлопать ладонями по бедрам. Должно быть, таким образом на Райской планете выражали свое восхищение.

Ники прожевал жвачку, чтобы выпустить еще один пузырек, но тут несколько человек подхватили его и куда-то понесли, а остальные пошли вслед за ними, не переставая хлопать себя по бедрам. Вместе с ними шла и Нуми.

– Они говорят, что ты – великий мастер и должен отправиться туда, где постигается полное слияние с красотой и истиной.

– Они что, к старикам меня несут? – спохватился Ники и начал так брыкаться, что опешившие жрецы искусства отпустили его на землю.

Окружив мальчика плотной стеной, райские жители смотрели ему в рот, не обращая ни малейшего внимания ни на скафандр, ни на шлем, висевший за

спиной. Должно быть, никак не могли понять, почему этот человек не хочет попасть туда, где царствует истина и красота и куда стремится каждый житель Райской планеты.

– Разве ты им не сказала, что мы не здешние? – Ники с беспомощным видом повернулся к Нуми.

– Сказала, конечно. А знаешь, что они мне ответили? Что здесь можно быть кем хочешь и откуда хочешь, только не с Земли. И я не стала говорить, откуда ты. Правда, странно? Они знают о Земле. И по их собственным преданиям, раньше они там жили.

– Давай уносить отсюда ноги, – предложил Ники. – Скажи им, что я могу пускать только маленькие пузыри, потому что мы с тобой еще дети. Вот когда я научусь пускать во-от такие, – и Ники описал руками в воздухе огромный круг, – тогда ихний бог разрешит мне жить с красотой, а до тех пор нельзя.

Райские жители смотрели во все глаза. Нуми тоже растерялась.

– А разве можно сделать такой пузырь?

– Конечно! Берешь сто кило жвачки, даешь ее двухголовому чудовищу, и оно ее надувает обоими хоботами.

Нуми была готова рассердиться, но один из райских жителей в нетерпении подтолкнул ее, чтобы она перевела ему слова великого мастера. Она начала что-то объяснять, помогая себе жестами; тогда все гневно закричали и стали показывать куда-то за холмы.

Ники встревожился. Уж не проговорила ли она, что он прилетел с Земли?

– Они нас выгоняют, – сказала Нуми. – Детям нельзя находиться среди них. Мы должны отправиться к детям.

– Что ж, пойдем к детям, – согласился Ники. – У этой твоей прекрасной цивилизации все наоборот. Здесь чем старше становятся, тем больше глупеют.

– Ники, ты опять всех высмеиваешь! – строго заметила Нуми. – Надо мной смеешься!

– Как ты это заметила? – развеселился Ники. – Наверное, искусственный мозг подсказал? Он у тебя умный. Ты его береги, а то как бы он не сносился раньше времени.

И Ники пошел в ту сторону, куда указывали райские «самодеятели», как он прозвал этих жителей планеты, даже не попрощавшись с ними. Нуми догнала его и зашагала рядом. Она обиженно молчала до тех пор, пока Ники, поняв, в чем дело, не сказал голосом своего мудрого прадеда:

– В своей долгой и нелегкой жизни, Нуми, я убедился, что истину постичь трудно. И нечего на меня дуться, потому что когда ты дуешься, то становишься похожа на этих типов с ковриками.

Только тут Нуми перестала сердиться. Наверное, ей не хотелось походить на райских жителей.

5

Как режут поросят.
Правильно ли развешаны звезды.
Во что играют дети в раю

Из-за следующего холма доносился веселый гомон, он то стихал, то поднимался с новой силой. Каждый, кому доводилось слышать детский гомон,

знает, что он вызывает какие-то радостные предчувствия. По крайней мере, у земных людей. Ребята прибавили шагу.

По склону холма носилось множество детей; там были и ровесники наших путешественников, и ребята поменьше, и вовсе малыши, недавно научившиеся ходить. Они играли в какие-то непонятные игры, и все были совершенно нагие. Должно быть, им еще не полагалось трусиков из травы.

– Прямо позавидуешь, – заметил Ники. – Дома с этой одеждой одна морока. Я, к примеру, каждый месяц снашиваю по паре брюк и по паре обуви, а что не сношу, становится мало через полгода.

– Еще бы, ты столько ешь! – отозвалась Нуми.

– Только не говори про еду!.. Эх, был бы у меня с собой мой ножик, я бы хоть поросенка зарезал...

Нуми не поверила:

– Ники, ты не можешь этого сделать!

Николай Буяновский сроду не видел, как режут поросят, но Ники Буян ответил, не задумываясь:

– Еще как могу!

– Но это чудовищно!

– Ну да! Очень даже здорово. Хватаешь его за голову, и раз, раз...

– Прошу тебя, перестань! – в ужасе воскликнула Нуми, – я не могу слушать!

Ники развеселился:

– Ты что, забыла, что я представляю другую цивилизацию?

Но Нуми еще не оправилась от потрясения.

– Не напоминай мне об этом таким образом, Ники! Я хочу тебя любить, а если ты будешь так говорить, не смогу.

Вот и она ему напомнила, что принадлежит к другой Цивилизации... Какая земная девчонка сумела бы столь чистосердечно произнести такие хорошие и страшные слова?

– Буф-ф! – отозвался он по-пиррански. – А ты зачем веришь каждому слову? Ну, как я его зарезу? Разве что лягну, если он уж очень меня допечет.

Нуми счастливо вздохнула.

– Я так и знала! Ты добрый мальчик. До сих пор не могу понять, за что на Земле тебя прозвали Буяном.

– От Буяновского. Чтобы покороче.

– Но ты как-то сказал, что не только поэтому...

– Правда, я еще и немножко буйный и шальной, – признался он.

– А помнишь, ты обещал научить меня шальным мыслям?

– Какие там шальные мысли, если у тебя в голове электронная машинка! Хочешь, устроим школу для этих голопятих? Будем учить их чтению, арифметике и всякому такому?

– Но это никакая не шальная мысль... – девочка была явно разочарована.

– Как не шальная? А на чем они будут писать, на животах, что ли? Здесь даже песка нет!

– Что-нибудь придумаем, – отозвалась Нуми и стала поспешно спускаться вниз по склону холма.

Дети встретили гостей радостными криками, и тут же окружили их, а потом воцарилась тишина. Они стояли как детсадовцы, у которых строгие воспитатели, хотя ни в одном земном детском саду ребята не ведут себя так примерно. Каждый по очереди прикасался к скафандру Ники или Нуми и отходил в сторону, уступая место товарищу. А те, что постарше, ростом с Ники Буяна,

вообще не подошли и держались в сторонке, будто не желая ронять свое достоинство. Должно быть, подражали своим нелюбознательным родителям и дедам.

Нуми поймала ручонку, протянувшуюся к ее скафандру, и что-то мягко сказала малышу; он тихо ответил ей, она опять что-то сказала, и малыш показал на небо.

– Очень странно, – удивилась Нуми. – Я спросила, как его зовут, а он мне говорит: «Я тот, кто утром зажигает Солнце».

Она притянула к себе другого малыша, поговорила и с ним, а потом переехала:

– А этот говорит, что развешивает по ночам звезды.

– То-то они так хорошо развешаны! – ухмыльнулся Ники. – Что с них взять, малышня!

Третий мальчик сказал, что он пускает речки, чтобы они текли вниз.

– Ну, вниз-то они и сами текут, – заметил Ники. – Скажи ему, чтобы он пускал их течь наверх!

Нуми решила вступить за малышей:

– Но ведь они так играют! Это же прекрасно!

– Играть надо тем, что можешь поддержать в руках. Пускай строят дома, делают запруды, плетут корзинки... – Ники хотелось добавить: «мастерят себе луки и стрелы», но он знал, что пирранской девочке это не понравится, и умолк.

– Зачем им учиться строить дома? Ведь они им не нужны! Зачем им корзины, когда плоды есть круглый год, нужно только подойти к кусту, сорвать и положить в рот!

Неожиданно для Нуми мальчик сразу же согласился:

– Все правильно! Я уже и сам об этом думал. А еще я думал, что если это верно, что они прилетели с Земли, я хочу сказать, если их, как нас, перенес сюда Мало, то он им сделал большую гадость.

– Об этом еще рано судить, Ники. Мы не знаем, по каким законам устроена их жизнь.

Нуми направилась к мальчикам постарше, стоявшим в стороне, и вступила с одним из них в разговор, который потом дословно передала Ники.

«Мы прилетели из других миров, где светят другие солнца», – сказала она, на что мальчик ответил ей, что бог создал множество миров, но их мир лучше всех. Нуми спросила, почему на этой планете дети живут отдельно от родителей и вообще от взрослых, и мальчик объяснил ей, что они еще не имеют права заниматься искусством и что не должны мешать старикам постигать блаженство красоты и истины.

– А что они могут делать? Что им дозволено? И чем вообще занимаются?

Они должны учиться быть хорошими, чтобы создавать хорошее искусство, когда вырастут, и слиться с красотой и истиной, когда состарятся.

– А как научиться быть хорошими? – поинтересовалась Нуми.

– Нужно избавиться от всего плохого, с чем человек Рождается, – был ответ.

– Мы тоже хотим стать хорошими. Покажи нам, как это делается, – попросила Нуми, и мальчик согласился.

Он что-то крикнул детям, и они тут же выстроились в колонну по росту; по сторонам колонны встали несколько мальчиков и девочек постарше и повели ребят вперед. Нуми и Ники пошли следом.

– Мне ужасно любопытно увидеть, как это делается, – шепнула пирранка Николаю.

Он, однако, не посмел признаться, что хотя ему любопытно все на свете, но совсем не хочется узнавать, как стать хорошим. Конечно, ему бы хотелось быть хорошим, и он даже не раз пробовал, но это оказалось ужасно скучным занятием, кроме того, требовало немалых усилий. Стоит ли тогда стараться?

6

Можно ли стать хорошим, если бить плохих.

Ники открывает еще один закон Вселенной.

Можно ли поверить, что человек счастлив

оттого, что его выгнали из рая

Однако оказалось, что на Райской планете научиться добру очень легко.

Колонна вступила на небольшую полянку, окруженную кустами. В середине ее возвышалось нечто вроде трибуны, украшенной красивыми цветами, недалеко от трибуны торчало с десяток кукол в рост человека, сделанных из веток и сухой травы. Они очень напоминали земные огородные пугала.

Дети выстроились полукругом, а старший мальчик, возглавлявший колонну, поднялся на трибуну и что-то сказал. Дети тут же хором повторили его слова. Мальчик заговорил громче, хор последовал его примеру.

– Что они говорят? – не утерпел Ники.

Нуми не поняла слов, но по излучениям детей решила, что они произносят заклинания, а может, дают клятву.

Мальчик, стоявший на трибуне, кричал все громче, дети отвечали ему тем же, пока, наконец, хор не пришел в неистовство. Тогда мальчик гневным жестом указал на пугала, и ребята как бешеные набросились на них, начали их пинать, бить кулаками, рвать зубами, выхватывать клочья травы из тел и голов.

Картина была и смешная, и страшная, и гости застыли от удивления. Вожак спустился с трибуны и подошел к ним.

– Вот как это делается! Детям часто хочется делать зло, потому что мы приходим с Земли, и зло рождается вместе с нами. А эти пугала – земляне, страшные и жестокие, самые скверные существа во всем мире.

Нуми не могла прийти в себя от изумления.

– Вы их когда-нибудь видели? – спросила она.

– Не видели, но знаем.

– Не понимаю. Если вы их никогда не видели и они ничего плохого не сделали, зачем же вы их бьете?

– Потому что они – наши враги!

Ники подтолкнул девочку, чтобы она перевела ему весь разговор. Она заколебалась, однако добросовестно передала ему все до последнего слова – ведь пирранка не умела лгать. Но земной мальчик не испугался.

– Скажи ему, что я прилетел с Земли и что никто там им не враг. Там даже не знают об их существовании.

– Не надо, Ники! Видишь, как они рассвирепели, еще набросятся на тебя!

– Пусть попробуют! Я им живо выбью дурь из головы!

Дети на Райской планете, даже старшие ребята, были щуплыми – наверное здесь не только не работали, но и спортом не занимались. Да и откуда нарастить мускулы, когда ешь одни фрукты! Набивай живот сколько хочешь, он

только вздуется, как вон у того задавалы, который с самого начала косо смотрит на них, а сил все равно не прибавится. Ники был уверен, что стоит ему хорошенько разозлиться, и он может всех их раскидать, как пушники. Но злиться не хотелось, ему было жаль их – до того райские дети оказались глупыми и до того скучной была у них жизнь.

– Скажи им, что люди на Земле – добрые и миролюбивые!

– И этого лучше не говорить, – возразила Нуми. – Ведь это не совсем так, Ники, а ты знаешь, я не могу лгать. У вас столько народу дерется друг с другом, я сама видела...

– Но надо же их как-то вразумить! Раз у них нет врагов, а им приспичило драться, пускай придумают каких-нибудь зверей! Зачем они выдумали себе врагов – людей, да еще земных жителей?

Нуми повернулась к вожаку и спросила его, в самом ли деле дети становятся добрее, когда побьют землян. И может ли вообще человек стать добрее после того, как он кого-то избил. Мальчик уверенно ответил ей:

– Так мы платим землянам за то зло, которое они нам причинили. И становимся добрее друг к другу.

Услышав его ответ, Ники раздумал смеяться. В сущности, это не так уж и глупо... Наверное, было бы неплохо, если бы и на Земле народы не объявляли своим врагом то одного, то другого соседа, а сделали пугала и колотили бы их почем зря. Ведь каждый народ на Земле тоже считает себя самым умным и самым добрым. Может, глупость повсюду одинакова и это один из законов Вселенной?

Вслух он не стал говорить об этом, потому что на Пирре, судя по этой девчонке, даже пугало не стали бы бить. Конечно, вон она опять возмущается:

– Как ты можешь считать врагами людей, которых вообще не знаешь!

Ну и наивная эта пирранка! Да ведь чем меньше знаешь человека, тем легче считать его врагом! Стоит узнать его поближе, и окажется, что он такой же, как и ты, а там уже нетрудно и подружиться! И Ники вдруг вспомнил про Пламена.

Был скучный воскресный день. Ники один-одинешенек шлялся по улице и вдруг увидел перед собой незнакомого мальчишку. «Эй, – крикнул он новичку, – ты случайно не из соседнего квартала?» «Да», – ответил мальчишка, явно обрадованный, что ему есть с кем поговорить. «А почему я раньше не встречал твою рожу, – поинтересовался скучавший Ники, – или ты не выходишь на драку? Может, ты трус?» «Я тут новенький, – робко ответил парень, – мы только позавчера переехали». Ники обрадовался, что можно придрататься к парню, и сказал: «Ага, не успел переехать и сразу явился в наши места! Вот я тебе сейчас расквашу нос!» Парень ответил: «Я не виноват, что нам дали здесь квартиру», – и приготовился к обороне.

У Ники был хитрый маневр: вступая в драку, он со свирепым воплем отпрыгивал в сторону, чтобы сбить противника с толку. Так он и поступил. Парень в растерянности повернулся к нему, споткнулся и упал. Но Ники, вместо того, чтобы накинуться на него, помог ему встать, отряхнуться и повел к себе домой – мазать ободранный локоть йодом. С тех пор Пламен стал его лучшим другом, хотя ни в одну из двух банд так и не вступил. Может, он тоже потихоньку колотит какое-нибудь пугало?

Вождь что-то скомандовал, дети отступились от пугал и снова выстроились полукругом. Вид у них и в самом деле был довольный и счастливый. Тогда на трибуну, покрытую цветами, поднялся мальчишка, который так враждебно рассматривал пришельцев. Оказалось, что живот у него не просто вздутый; на

нем торчала здоровенная шишка, которая ходила ходуном, будто в ней сидел какой-то зверек.

Вожак принялся объяснять:

– Он хочет исполнить в вашу честь песню. Он старше остальных и уже имеет право творить искусство.

Нуми обрадовалась точно так же, как радовалась песням Короторо на планете звездных жителей, однако слова надутого мальчика звучали чересчур воинственно. Должно быть, это было все-таки стихотворение, а не песня. Она выслушала его до конца и готова была перевести, но не знала одного важного слова и тихонько спросила Ники:

– Как на вашем языке называется эта круглая штука посреди живота?

– Пупок. Пуп.

– А он может развязаться?

– Не знаю. Вообще-то, когда ребенок рождается, ему перевязывают пупок. В народе говорят: он пупок насадил. Наверное, у такого человека от натуги развязывается пупок. Вот и этот парень так надрывался, читая свои стихи, что у него развязался пупок, – ты только посмотри на его живот!

Певец замолчал, и дети шумно захлопали ладонями по бедрам. Нуми зашептала Ники на ухо содержание песни:

Мои пуп! Прекрасный пуп, он развязался,
но и я – неглуп!

К волшебнице пойду я, к Лата Мете,
что знает мудрость всех тысячелетий,
она уж сможет завязать мой пуп!

Эй, вы, земляне!
О родине моей вопите здесь и там!
Я не терплю таких импровизаций!
Я за нее последний пуп отдам,
ему для этого лишь надо завязаться!

Пирранка с ее необыкновенными способностями наверняка почувствовала ироническое отношение земного мальчика к этим стихам, потому что, не переводя дыхания, сказала ему:

– Не надо, он может обидеться!

– Что верно, то верно, поэты – народ обидчивый! – ухмыльнулся Ники.

Местный поэт еще издали начал им выговаривать:

– Почему вы не одобряете мое искусство?

– Но мы ничего такого не сказали, – смутилась Нуми.

– А почему вы тогда не хлопаете? У нас не разрешается не одобрять!

Нуми осторожно удивилась:

– Что, нужно одобрять все подряд?

– Да! Человек счастлив только тогда, когда все одобряет. Так велел бог.

Нуми перевела земному мальчику эту странную божью заповедь, и Ники захлопал ладонями по скафандру.

– Что ты делаешь? – всполошилась она.

– Одобряю. Видишь, как он расцвел!

Поэт закивал Ники совсем как птица-слухарь.

– Но это неправда! – возмутилась Нуми. – В душе ты его совсем не одобряешь!

– А разве можно одобрять все подряд и при этом говорить правду, – засмеялся Ники и похлопал парня по голому плечу. – Bravo, bravo! Ты большой поэт и патриот! Смотри только, постарайся, чтобы тебе как следует завязали пупок. Ведь не пойдешь на Землю войной с рваным пупом!

Нуми отказалась переводить его слова, и поэт-патриот попросил ее: пусть она что-нибудь скажет, что они могли бы одобрить.

Нуми с готовностью поднялась на трибуну, стараясь не наступать на цветы.

– Милые дети, мы очень рады познакомиться с вашей красивой страной, – торжественно начала она, и дети тут же захлопали руками по бедрам. – Мы облетели множество миров и убедились, что жизнь всюду интересна, что человек счастлив лишь тогда, когда он постоянно трудится и познает мир. Вот почему мы готовы передать вам наши знания.

Дети и это одобрили. Наверное, им было все равно, что слушать, главное – время от времени хлопнуть себя руками по бедрам.

– А на Земле вы были? – перебил ее поэт, и шишка у него на животе опять заходила ходуном.

Девочка с Пирры не умела лгать.

– Да. Там люди тоже работают, и учатся, и творят искусство, и ищут истину, и мечтают побывать на других планетах.

Дети опять захлопали, будто никогда не считали землян своими заклятыми врагами. Но их вожак и поэт-патриот быстро подошли к трибуне и подали Нуми Руки, приглашая ее сойти вниз.

– Уходите сейчас же! – сказал ей вожак.

– Разве мы сделали что-нибудь плохое?

– Сейчас же, сейчас же, сейчас же, – пропел поэт.

– Иначе вас накажет наш бог! – добавил вожак. Глаза Нуми налились слезами, она всхлипнула:

– Нас прогоняют!

– Значит так! Когда говорят они, все должны одобрять, а сами?.. Пошли, Нуми, мы им мешаем быть счастливыми! – рассердился Ники и крикнул шеренге равнодушных детей: – Эй, вы, олухи царя небесного! Счастливо оставаться! Ауфвидерзеен! Гудбай! До свиданья!

Дети и ему похлопали, хотя не поняли ни слова. Ники стало жалко ребят, у которых все бедра посинели от хлопков, и он добавил:

– И поменьше слушайте своего господ! Мой мудрый дед говорил: «Кто согласен во всем, быстро станет дураком!» Переведи им, Нуми.

По правде говоря, это были слова самого Николая Буяновского с планеты Земля, по которым вы можете судить, что он мог выражаться в рифму не хуже патриота с надсаженным пупком. Ники даже пожал новые аплодисменты, как только Нуми перевела его слова.

Не хлопали только мальчики и девочки постарше. Они проводили гостей задумчивыми взглядами, и это вселило в наших друзей крохотную надежду. Потому что, хотя за плечами у них не было долгой и нелегкой жизни, они знали: человек становится хорошим не потому, что бьет своих врагов и не потому, что соглашается с друзьями, а потому что мыслит.

Может ли красота навевать грусть.
 Были ли Адам и Ева изгнаны из рая.
 Нуми приходят в голову шальные мысли

Как только ребята перешли вброд ручеек, к ним подлетели две райские птицы и радостно закивали: «Вот и вы, вот и вы!» Откуда-то примчался клетчатый поросенок, высунув коварный язык. Ники был еще сердит и хотел было отогнать непрошеную свиту, но птицы отступили на безопасное расстояние и снова закивали: «Гонишь? Ничего, ничего! Вас тоже прогнали!»

– Будь у меня сейчас ружье. – сказал он, – я бы сначала истребил этих гадов, а потом построил бы в одну шеренгу всех истинокопателей...

– Кто это? – безучастно спросила Нуми. – У вас, кажется, нет такого слова.

– Ну, этих штукарей, которые будто бы стремятся к истине, а сами не дают человеку рта открыть...

– Буф-ф, Ники, – вздохнула Нуми, – когда ты перестанешь, наконец, думать про ружья и убийство? У себя на Земле делайте, что хотите, но так вести себя в космосе – недостойно.

– Значит, эти здесь тебе больше нравятся, да? Ну, и оставайся с ними! А я возвращаюсь на Землю!

И Ники прибавил шагу, будто был готов тут же отправиться на родную планету. Но Нуми не обратила внимания на его резкость – должно быть, поняла, что он не говорит всерьез. Она задумчиво сказала:

– Мы сделали ошибку. Надо было остаться и посмотреть, как этот их бог прогонит нас.

Красавцы-слухари согласились на расстоянии: «Да, да! Сделали ошибку».

– Какие вы красивые, – с грустью сказала им девочка. – Будь вы хоть чуточку умнее...

«Да, будь мы чуточку умнее», – кивнули птицы, а клетчатый поросенок показал свой необыкновенный язык.

Остановившись у куста с лиловыми колокольчиками и оранжевыми шариками плодов, Нуми погладила его по ветке.

– А ты – чудесное растение, но я так и не поняла, для чего ты существуешь!

«И ты ли? И ты ли?» – нежным звоном ответил ей куст.

Нуми прощалась с цветами, густо усыпавшими поляну, что-то шептала им на своем языке – может, боялась, что земной мальчик будет смеяться над ней. И он, конечно же, так и сделал:

– Если будешь прощаться с каждым, то и до завтра не справишься!

Но Нуми не стала обижаться:

– Мне грустно, что их некому здесь любить. Им самим тоже, наверное, грустно. Тебе не кажется, что они невеселы?

Ники совсем так не казалось, и он уже собирался намекнуть, что это идиотические представления, но вдруг тоже почувствовал какую-то грусть при виде неземной красоты планеты. Кажется, он уже испытывал подобное чувство.

– Вот видишь, – тихонько сказала пирранская девочка. – Настоящая красота всегда вызывает грусть.

Ники не знал, совпадение это или она опять прочла его мысли, но на всякий случай решил возразить:

– Не совсем так. Грустно, когда смотришь на чужую красоту. А когда сам ее создаешь, она тебя радует. Лучше зови Мало и поехали!

– Я уже позвала, – все так же грустно ответила Нуми. – И как жалко, что совсем ничегошеньки нельзя забрать с собой из этой красоты! Хочешь, останемся? Давай скажем Мало...

Мальчик вспыхнул.

– Ты и впрямь чокнутая! Или наелась плодов тили-тили?

– А что, это – шальная мысль? – спросила девочка с радостью; она решила, что у нее уже умеют рождаться шальные мысли, как у Ники Буяна.

– Не шальная, а глупая! Идиотская! Что мы тут станем делать?

– А куда нам деваться? У нас уже нет никого из близких, а здесь так красиво! Будем жить, как Адам и Ева в твоей сказке.

И Нуми улеглась в цветы и мечтательно уставилась на небо, словно желая показать, как именно они с Ники будут жить на Райской планете. Ники с беспокойством смотрел на нее. Верно, лучшей Евы нельзя себе представить, и все-таки придется объяснять этой двумозглой девчонке, что ее предложение – чистая глупость.

– Слушай, красная девица пирранская, – заговорил он весело, изо всех сил стараясь прикрыть свою злость. – Я бы остался, будь здесь для нас какое-нибудь дело. Ну, скажем, если бы мы стали обрабатывать здесь землю, строить дом, выращивать полезных животных, воспитывать детей и так далее. Но для этого нужны инструменты. Иначе мы с тобой начнем жить как эти самые истинкопатели, очень скоро отупеем и станем такими, как они. Ты, наверное, не поняла, в чем смысл легенды. Вспомни: сначала бог изгнал Адама и Еву из рая, а уже потом родилось человечество. Значит, в раю, где все получаешь даром, ничего родиться не может. Человек тогда стал человеком, когда научился строить, выращивать растения, рисовать, петь и вообще делать то, чего не могут делать животные.

– Но раньше ты рассказывал совсем по-другому, – не сдавалась Нуми. – Будто бог изгнал их из-за познания.

Николай никогда раньше не задумывался о смысле библейской легенды, рассказывающей о происхождении человечества, но сейчас принялся горячо защищаться :

– Правильно, из-за познания. Но скажи мне, для чего оно служит? Разве не для того, чтобы что-то делать? Как только Адам и Ева съели яблоко познания, они сразу же поняли, что это познание надо как-то использовать. И если хочешь знать, никакой бог их ниоткуда не выгонял! Они сами наплевали на его скучный рай и сами сбежали из него, чтобы создать новый мир для себя и для своих будущих детей!

– Эй, Ники, – радостно сказала девочка, – у тебя сказка стала еще лучше! Я никак не могла понять, почему можно прогнать человека за то, что он захотел что-то узнать... – Она помолчала и вдруг захлопала в ладоши. – Знаешь, у меня есть идея! Давай скажем Мало, чтобы он отвез нас на Пирру или на Землю, возьмем инструменты, а потом пускай он нам найдет какую-нибудь безлюдную планету, и мы создадим на ней новое человечество. Лучше, чем на Земле и на Пирре. Ну что, это шальная мысль?

– Еще какая! – засмеялся Ники. – Скажи об этом Мало!

А что же всеведущий Малогалоталотим? Разве он не посмеялся над верой ребят в то, что они могут создать новый мир?

Нет, он не посмеялся и даже ничего не ответил девочке, когда она попробовала внушить ему свою идею; он только легко опустил над планетой,

стараясь не помять цветы принял ребят в свою утробу и понес их в новые дали Вселенной.

8

Сколько времени нужно для создания нового мира.

Что сильнее всего меняет человека.

Что делают мысли, если они голые

Каждый, кому приходилось ездить по свету, знает, что даже самое интересное путешествие постепенно становится в тягость, если в конце его нет заманчивой цели. Вот почему Нуми и Ники ничуть не огорчились, что их прогнали с Райской планеты; им было к чему стремиться. И потому сразу же после вылета они устроились в зрачке Мало и стали ждать, что он им покажет, исполнится ли их желание.

Их космический Пегас еще не набрал фантастическую скорость, с которой входил в звездный туннель, Вселенная сияла перед ребятами, словно витрина ювелирного магазина. Она вся была усеяна звездами-алмазами, звездами-рубинами, звездами-изумрудами и звездами-сапфирами, заботливо уложенными в серебристую вату газовых туманностей. Далекие галактики лежали на черном бархате бездны как серебряные чаши, бокалы и подносы.

– Посмотри, – показала Нуми, – вон туда, чуть правее большей голубой звезды. Видишь розовое облачко? Там сейчас образуется новая звезда. Нам это показывали в учебных фильмах о космосе.

Ники представил, как звезда медленно выходит из черной утробы космоса.

– Наверное, вокруг нее возникнут и планеты, а на них родятся новые миры. Хорошо бы, если бы они были лучше тех, которые увидели мы! – сказал он.

– Да, но для этого нужны миллиарды лет! – напомнила ему трезвомыслящая Нуми.

Ники поежился. Не потому, что представил себе, как это много, – земной человек не в состоянии представить себе такие сроки, – а потому, что осознал, как много времени нужно для создания нового мира. А они-то с Нуми! «Слетаем за инструментами, найдем себе планету, раз-два и готово!»

– Нуми, – сказал он осторожно, чтобы не пугать девочку, – ты знаешь, нам понадобится немало времени. И вообще будет нелегко. И пусть. Потому что все, что получается легко, не бывает по-настоящему хорошим и по-настоящему красивым.

Нуми была по-прежнему весела и беззаботна.

– Это ты тоже от деда узнал?

– Я серьезно говорю. Ты подумай об этом. Но самое главное – не надо отчаиваться.

– Ники, что это с тобой? – воскликнула девочка. – Ты очень изменился. Ты стал совсем, ну совсем другим.

Ники засмеялся и продекламировал:

– Ничто так не меняет человека, как космос и переходный возраст.

Нуми принялась хлопать себя по бедрам, подражая жителям Райской планеты.

– Чудесно! Это ты сейчас придумал?

– А что? Ты думаешь, только тот дурак с пупком может складно говорить? Я тоже могу!

– Чудесно! – повторила Нуми и внезапно предложила: – Давай теперь ты меня поцелуй!

Мальчик смутился.

– Ну и мысли приходят тебе в голову! Это какой мозг придумал?

– Пожалуйста, Ники, – настаивала пирранка. – Увидим, получу я воспаление или нет...

Он уступил, но так, как всегда уступал Ники Буян: схватил девочку за уши, повернул ее голову, как руль автомобиля и бесцеремонно чмокнул в щеку.

Нуми тут же прикрыла щеку ладонью, будто боялась, что поцелуй испарится, и застыла в напряженном ожидании. Ждал и Ники.

– Мы совместимы! Мы совместимы! – торжествующе воскликнула Нуми.

Лицо ее оставалось по-прежнему чистым и свежим, без единого пятнышка. Ники не помнил себя от радости. А может, и от другого чувства, – некоторые называют его радостью, а на самом деле кто знает, что это такое, говоря словами того же Николая Буяновского, которыми он высказывался о загадках Вселенной. Ему захотелось опять поцеловать девочку, но не мог же он ей это предложить! Разные цивилизации – они и есть разные цивилизации, и ничего тут не поделаешь. Хорошо, что в эту минуту Нуми тревожно крикнула: «Шлемы! Ложись!», не то, кто знает, что бы она прочла в его мозгу.

На этот раз они куда легче перенесли бросок в подпространство и даже не потеряли сознания, только ощутили что-то вроде приятного полузабытья. Придя в себя, Ники почувствовал, что голова Нуми лежит на его плече, и это тоже было похоже на сон. В ушах зазвенел ее голос:

– Кажется, мы уже привыкли. Мне даже было приятно. И тебе тоже, правда, Ники?

Вообще-то ничего девочка, только вот эти ее глупые вопросы, с которыми она вечно пристаёт к человеку... Да еще эта ее голова, которую она вроде и не собирается убирать с его плеча... Нет, ему, конечно, не тяжело, но если кто-нибудь увидит...

Он дернул плечом и тут же засмеялся над собственной глупостью. Ну, кто может их увидеть здесь, в миллионах километров от всего живого?

Нуми уселась поудобнее и сняла шлем; из-под него показалась насуспензия физиономия.

– Значит, я задаю глупые вопросы, да?

– Слушай, этот твой электронный мозг все понимает не так, как надо. Знаешь что? Если мы попадем на Пирру, я попрошу поставить тебе другой мозг. Хорошо бы и мне сделать такую операцию, и тогда бы мы с тобой говорили только как телепаты. У вас, наверное, уже усовершенствовали такие аппараты.

– Пожалуйста, не говори об этом, не то я опять заплачу! – попросила Нуми.

Ники понял, о чем не следует напоминать: не о мозге, а о времени, которое пробежало на Пирре, пока они путешествовали, и унесло с собой всех ее близких. Ему тоже стало грустно. Тот, кому случалось внезапно впадать в подобное состояние, знает, как чувствует себя человек. В груди жжет, как огнем, от которого даже кости становятся мягкими, а глаза видят все вокруг словно сквозь влажное стекло.

– Нуми, не надо плакать! – поспешно сказал он. – Все будет очень хорошо, вот увидишь!

– Небось самому плакать хочется! – отозвалась девочка.

Запираться не было смысла – это и без электронного мозга было заметно.

– Мне от злости хочется плакать. Зло берет на этих дураков. Надо же, получить такую планету и жить, словно последние дикари! И на других планетах не лучше. Чушь какая-то! Наверное, это закон природы: ни одна цивилизация не желает учиться у другой. А плакать из-за законов природы глупо, правда же?

Он был готов придумать еще сотню доводов, лишь бы утешить девочку, но она перебила с лукавой улыбкой:

– За свою долгую и нелегкую жизнь, Ники, я убедилась, что каждый должен найти свою планету и устроить жизнь на ней так, как ему хочется.

Эх, какой чудесный товарищ эта девчонка с Пирры. Вместо того, чтобы ждать от него утешения, она сама его утешает! Вот бы сбылось то, о чем он попросил золотую рыбку! Если бы они нашли свою планету и навсегда остались вместе...

Ники так ушел в свои мечты, что забыл об электронном мозге и спохватился только тогда, когда Нуми тихонько сказала:

– А теперь скажи мне все это вслух!

Ники Буян покраснел так, будто оказался по соседству с красной звездой.

– Вот видишь, если бы у меня был такой же мозг, Как у тебя, ты бы не заставляла меня повторять все по сто раз!

Но Нуми не унималась:

– Нет, все равно заставляла бы! Нельзя без слов, слова – это очень важно!

– Ерунду говоришь! Разве могут слова быть важнее мыслей! Дурацких слов в жизни сколько хочешь!

– Буф-ф, Ники, какой ты страшный спорник! Глупых слов не бывает, а бывают только глупые мысли. Слово бывает таким, каким его делает мысль. Слово – только одежда мысли, без которой она не может существовать. Что будут делать мысли без слова?

– Станут ходить нагишом и дрожать от холода, – засмеялся Ники, которому не хотелось признаваться в поражении.

– И будут грустными и одинокими, если не смогут одеться в хорошие слова и показаться людям! – добавила Нуми со своей лукавой улыбкой.

Надо же, как она это хорошо сказала! Такую красивую мысль не мог придумать ее искусственный мозг, он знает одни формулы и законы. Ему никогда не понять, как важно для девочки, чтобы ее видели в красивой одежде и с красивыми словами.

– Ну же, Ники, скажи мне словами то, о чем ты недавно думал! Ну, пожалуйста!

Ники разозлился.

– Одна досада с вами, девчонками! Как придумаете что-нибудь, так вам хоть кол на голове теши!

Нуми в растерянности принялась ощупывать свою голову – она снова столкнулась с непонятным для нее земным оборотом речи.

– Ну хорошо, тогда расскажи мне, по крайней мере, о чем ты говорил с рыбкой, здесь я чего-то не поняла. Она что, на самом деле умела говорить?

В этом-то мальчик и подавно не мог признаться, и потому воскликнул:

– Слушай, если у вас на Пирре все такие приставалы, ноги моей не будет на вашей планете, так и знай! Лучше возьми да проверь, где мы находимся, потому что мы уже вышли из туннеля!

Нуми, наверное, поняла, что рассердился он не всерьез, и ничуть не обиделась, а только улыбнулась тихонько и чуть виновато и стала смотреть наружу сквозь зрачок Мало.

В самом деле, яркие полосы туннеля уже растаяли в черноте космического пространства. Снова стали видны галактики, скопления звезд и даже отдельные звезды. Внезапно Нуми, задыхаясь от волнения, закричала, показывая в космос то одной, то другой рукой:

– Ники! Это небо мне знакомо! И вон то созвездие и вот это!

– А может быть... – начал Ники и умолк.

– Пирра! – Нуми вскочила на ноги. – Мы летим на Пирру!

Николай Буяновский, как и полагается землянину, закричал «ура». Конечно, он не знал, как встретит его эта чужая цивилизация и что их ждет на Пирре, но раз на ней бывают такие девчонки, как Нуми, наверное, все будет очень хорошо!

9

Следует ли отказываться от своих слов.

Где радость, там и горе.

Чего можно ожидать от звезд

Планета была окутана голубовато-розовым маревом, сквозь которое проступили очертания морей и континентов. Нуми радостно называла их по именам, и хотя их невозможно было запомнить, звучали они приятно. Однако Ники не давала покоя одна мысль, которую он и высказал:

– С такой высоты уже должны быть видны большие города...

– У нас нет таких городов, как у вас, – пояснила Нуми. – Мы на Пирре живем среди лесов, в горах и на плавучих островках в море. Вся промышленность у нас перенесена на ближайшие пустынные планеты. Так мы охраняем природу Пирры.

Но тревога Ники не рассеивалась. Он не забыл, что, по мнению и земных, и пирранских ученых, здесь прошли целые столетия и все, наверное, изменилось. Нуми угадала состояние мальчика и стала его успокаивать. А может, и себя:

– Наверное, Мало опять выберет такое место, где его никто не увидит. Он поступил так, когда спасал наш космолет. Высадил нас в заповеднике, где людей вообще не бывает и все животные живут на воле.

– А что мы там будем делать? Вдруг эти животные нападут на нас?

Нуми засмеялась.

– Ты не испугался двухголовых чудовищ, а боишься наших симпатичных животных! Ничего с нами не случится. К тому же у нас и радиостанции есть в шлемах, и компасы... – мы обязательно доберемся до людей!

Нуми была весела и беззаботна, а Ники все никак не мог успокоиться.

– Нуми, но ведь у нас нет денег. На что мы купим инструменты?

– Денег? – удивилась девочка и тут же засмеялась – просто потому, что ей было очень радостно и весело. – Не волнуйся, нам и без денег дадут все, что нужно.

– А что, если я попрошу себе такой же мозг, как у тебя? Это не будет слишком большим нахальством с моей стороны?

– Конечно, нет! Но мы все равно не должны отказываться от своих слов, Ники. Если человек откажется от своих слов, он наверняка перестанет быть человеком! Так мне кажется... – Тут Нуми запнулась и тревожно посмотрела на мальчика. – Ники, не надо этого хотеть! Ты – земной человек, а пирранский мозг сделает тебя совсем другим!

– Ну и что из этого! – пренебрежительно отозвался Ники; какому земному мальчишке не хочется отличаться от остальных.

– Но тогда я, может быть, перестану тебя любить.

– Подумаешь! – сказал Ники как можно беззаботнее, чтобы скрыть смущение. Ох уж эти девчонки!

Нуми была готова заплакать.

– Значит, тебе все равно?

– Буф-ф, ты опять за свое! Я хотел сказать, что это не так страшно. Ведь этот мозг можно выключать, правда? Как только тебе захочется меня полюбить, я нажимаю кнопку и говорю: готово, Нуми, можешь меня любить сколько хочешь.

Оказывается, у пирранских девчонок слезы тоже легко переходят в смех. У Ники полегчало на душе. И не только на душе, но и во всем теле, потому что Мало выключил гравитацию вокруг себя и легче тополиного пуха начал спускаться над бескрайней и веселой зеленью леса.

Как только они снова почувствовали свою тяжесть, Нуми дернула Ники за руку и быстро поползла к выходу.

– Шлемы можно не надевать, Ники. Наш воздух даже лучше вашего.

Ники не горел от нетерпения и потому спросил:

– А когда Мало за нами вернется?

Они уже стояли в просторной утробе космического Пегаса, и Нуми выпрямилась, зажигая фонарик. При его ярком свете Ники увидел, как она взволнована и растеряна, и потому добавил:

– Ты должна сказать ему, сколько времени мы здесь пробудем.

– Буф-ф, Ники, – вздохнула девочка. – Откуда я знаю, сколько мне захочется здесь побыть?

– А вдруг он улетит очень далеко и не сможет услышать тебя? – все так же осторожно, стараясь не обидеть девочку, сказал Ники.

– Он нас не бросит. Но я все-таки попрошу его, чтобы он прилетел за нами, как только мы позовем. Ладно?

Ники согласился, но в груди его по-прежнему шевелилось какое-то тревожное предчувствие. Уж лучше бы они сели на Землю и взяли инструменты оттуда! Правда, и ему было бы нелегко решить, надолго ли он останется на родной планете.

Пирранка нажала на кнопку у себя за ухом, чтобы убедиться, что искусственный мозг наверняка работает и стала передавать Мало свое пожелание; при этом она так напрягалась, что губы ее шевелились. Увидев, что она замолчала, Ники спросил:

– Что он тебе ответил?

– Не знаю. Я ведь тебе объясняла, что он внушает мне свои ответы.

– А сейчас он тебе ничего не внушил?

– Наверное, внушил, потому что я знаю, что надо выходить на планету и что ничего страшного нас не ожидает. И еще я уверена, что космос принадлежит людям, что мы будем путешествовать по нему, когда и сколько пожелаем. Правда, это хороший ответ?

– Гм, – задумчиво отозвался Ники. – И ты, и я? Так тебе кажется?

– Да, и ты, и я. Именно такое у меня чувство, поверь мне, – сказала девочка без особой убежденности. – Ники, пойдём. Мне не терпится посмотреть, куда он нас высадил.

– Надень шлем, – строго сказал он. – Надевай, говорят тебе! Неизвестно, какой стала Пирра за это время.

Нуми послушно нахлобучила шлем на голову, ловко его застегнула, а потом помогла Ники надеть шлем. И легонько постучала пальцем по стеклу перед самым его носом.

– Разве ты не рад? – зазвучал в шлемофоне ее голос, в котором слышалось нетерпение и радость.

– Конечно, рад, – улыбнулся ей Ники. – Я захвачу с собой портфель. Вашим ребятам на Пирре, наверное, будет интересно посмотреть на земные учебники. Лишь бы Мало выпустил меня с ними.

– Хорошо, попробуй, – отозвалась Нуми, ныряя в мягкую стену Мало головой вперед.

Ники обступил полный мрак, потому что Нуми взяла фонарик с собой. Мальчик достал собственный фонарик и нагнулся за портфелем. В этот миг ему показалось, что кто-то сильно толкнул его в спину. С ужасающей легкостью он взлетел в воздух и ударился о стену, которая отбросила его как мячик. Ники повис в воздухе, беспомощно болтая руками и ногами. Это могло означать только одно: Мало выключил гравитацию и готовился взлететь.

– Ну-ми-и-и!

Вместо ответа в шлемофоне раздались всхлипывания.

– Скажи ему, чтобы он вернулся! Скорее! Я не буду брать портфель!..

– Я... е-му все время... это и говорю... – сквозь слезы отвечала пирранка. – А он... он...

– Успокойся! – крикнул ей Ники. – А то он тебя не поймет!

Шлемофон еще несколько раз всхлипнул и совсем затих. Молчание Нуми и чувство невесомости всерьез испугали Ники, и он стал звать девочку с удвоенной силой.

– Он не возвращается! Я его уже почти не вижу... – Ее голос звучал совсем тихо, будто из страшной бездны.

– Что он тебе сказал? Ты меня слышишь, Нуми? Что этот гад тебе ответил?

– Ой, не называй его так... Не знаю... Он... он сказал, что и раньше... Что люди должны сами...

– Перестань реветь, слышишь? Перестань! Я должен тебе сказать...

Ники не удалось договорить, потому что его внезапно швырнуло на мягкое дно Мало. Чувство тяжести снова вернулось к нему. А это означало, что Мало поднялся над атмосферой Пирры и готов нырнуть в очередной звездный туннель.

Ники стал звать еще отчаяннее. Но в шлемофоне царила тишина, не было слышно ни плача, ни слов, ни тихого потрескивания радиосигналов: Мало поднялся так высоко, что волны передатчика не доставали до него.

Мальчик свернулся в клубочек и заплакал. Заплакал, как не плакал давно и как не полагалось плакать старому космическому волку и вообще уже почти взрослому человеку.

Однако слез его никто не слышал, кроме Мало; но Мало или был бессердечным существом, или мог воспринимать только импульсы Нуми. А звезды?.. Что им до горя земного мальчишки! Они так велики и так заняты собственными делами...

Это жестоко, но что поделаешь? Тот из вас, кто пробовал что-нибудь сказать звездам, знает, что им не до нас. Потому мы, люди, должны сами справляться с нашими делами во Вселенной, как знаем и как можем, не ожидая от звезд сочувствия или помощи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Мало не дает объяснений.
Один на неведомой планете.
Умей плакать по-болгарски

– Зачем же, Мало, – с той же болью спросил и я, автор этой книги, – зачем, о премудрый, всемогущий и глубокоуважаемый Малогалоталотим, ты разлучил этих хороших ребят? Разве они тебя чем-нибудь обидели? В чем они провинились? Ведь им так мало было нужно... Вселенная полна самых разных планет, а они просили всего одну, пусть самую маленькую, на которой могли бы всегда быть вместе. Ты считаешь, что люди должны сами искать путь друг к другу. Хорошо, но как его найти через невообразимые космические расстояния? Почему ты отказался им помочь? И неужели никогда больше не дашь им увидеться?

Но и мне, самому автору этой книги, Мало ничего не захотел объяснить. Он даже не подсказал мне, что делать дальше с ее героями. А может, я просто не понял его, потому что у меня, как и у Николая Буяновского, всего-навсего один, к тому же земной мозг. И потому мне ничего не оставалось, как попросить его, чтобы Ники живым и здоровым вернулся на родную Землю.

А Ники в полном отчаянии лежал в утробе Мало и когда почувствовал страшный удар от нырка в проклятое подпространство, подумал, что ему лучше умереть в этом «безвремии», не приходя в себя. Ему больше не хотелось просыпаться ни в каких мирах и пространствах. Зачем жить в полном одиночестве, если время отняло у него и родителей, и друзей, а теперь навсегда разлучало с Нуми!

Он не стал принимать никакого лекарства и, наверное, спал бы еще долго, но его разбудил сам Мало. При свете фонарика мальчик увидел, что стенки Мало сжимаются в страшных корчах. Большое помещение, в котором, по рассказам Нуми, уместилось пятьдесят пирранцев – весь экипаж космолета – стремительно сжималось, как сжимается воздушный шарик, из которого выпустили воздух. Что это с Мало? Почему он корчится, будто в предсмертных муках? Уж не умирает ли? Ники встал на колени и вытянул руки, чтобы защититься от приближающейся стены, но руки погрузились в нее будто в воду, противоположная же стена подтолкнула его в спину, мальчик пулей полетел в непроглядную тьму и упал на что-то твердое и неровное. Боли он не почувствовал, только закружилась голова. Фонарик, который он машинально сжимал в руке, при падении выключился.

Но вот где-то рядом забрезжил розовый свет; это светился Мало, который принял прежние размеры и заметно накалялся. Значит, Мало и не думал умирать; он просто вышвырнул Ники, как ненужную вещь, и теперь собирается улетать. Прошла еще секунда, Мало вытянулся в высоту и оторвался от земли.

– Мало, куда ты! – крикнул мальчик ему вслед. – Мало-о-о...

Напрасно. Загадочное существо быстро превратилось в оранжевое пятнышко, а потом и совсем исчезло среди звезд.

А звездам не было числа. Ни на одном небе Ники не доводилось видеть такой густой звездной россыпи. Они были ясные, неподвижные и холодные, а вокруг царил полный мрак. Куда это он попал?

Ники покрепче сжал фонарик, и тот послушно загорелся; тогда он поднес к кружку света левый рукав скафандра с приборами. Они тревожно светились: не снимай ни скафандра, ни шлема, здесь царит страшный холод, а воздух... воздуха вообще нет. Так вот почему звезды кажутся такими близкими! Ноги на целую пядь уходили в зернистую пыль, над головой возвышались острые черные скалы, от которых ложилась еще более черная тень. В такой тени он увидел свой школьный портфель и земную одежду. Значит, Мало их выбросил тоже...

Ники сделал шаг к портфелю и покачнулся. Оказывается, тело его снова стало необыкновенно легким. Это чувство ему знакомо: оно появлялось, когда Мало отключал вокруг себя гравитацию чужих планет; испытал его Ники и на планете двуглавых чудовищ. Это окончательно сокрушило мальчика: значит, Мало оставил его не в каком-то безлюдном месте Земли; он выбросил его на чужую, совершенно безжизненную планету с притяжением в несколько раз меньше земного; согласно показаниям приборов, здесь даже вирусов еще нет.

Ники присел рядом со своей одеждой и выключил фонарик – все равно он освещает одну лишь безнадежную пустоту. Зачем Мало оставил его здесь, лучше бы сразу убил! Он умрет от тоски и одиночества раньше, чем кончатся запасы воды, пищи и воздуха. А это, наверное, самая мучительная смерть.

Конечно, выход есть. Надо просто снять шлем, и все кончится быстро и безболезненно. Ники подумал об этом, совсем серьезно подумал, но и только. Он не мог понять Мало – ведь тот так хорошо относился к ребятам! Нет, Охраняющий жизнь не мог просто так бросить человека, оставить его на верную гибель. А может, ему нельзя возвращаться на Землю, потому что там еще хуже? Может быть, за это время на его планете вспыхнула атомная война и уничтожила ее? Не потому ли Мало доставил его сюда, где для него существует хоть какая-то надежда?

Визор ночного освещения в шлеме автоматически включился, и Ники увидел серо-черные очертания скалистого хребта. Скалы казались совсем рядом, но там, где нет воздуха, все кажется рядом. К горам ему идти или в обратную сторону? И надо ли идти куда-нибудь вообще? Но кто его станет искать здесь, на этой планете, непригодной для жизни. Может быть, все-таки включить радио?

В горле у Ники стоял комок, он храбро откашлялся и позвал: – Эс-О-Эс!

С ума можно сойти, как смешно. И что это ему взбрело подать позывные бедствия, которыми пользуются земные моряки? А что делать? Кричать «Помогите!» на родном языке – здесь, в невесть каком мире?

Ему никто не ответил. В шлемофоне стояла мертвая тишина. Ну конечно, раз нет воздуха, не будет и шума, и никаких звуков. Потому что звуковые волны распространяются только по воздуху, вспомнил ученик Буяновский. А вот радиоволнам воздух не нужен. И он снова стал кричать все громче, как это ни было глупо и бессмысленно: «Эс-О-Эс! Эс-О-Эс!»

Неожиданно к его крикам словно эхо подключился еще один голос. Ники даже не сразу понял, в чем дело. Он крикнул еще несколько раз и прислушался. Чужой голос тихонько и удивленно повторил:

– Эс-О-Эс? Значит, СОС? Причем здесь СОС? Ты кто?

Голос говорил по-русски, это Николай понял и закричал что было силы:

– Это я! Я! Я! – и неудержимо заплакал от радости.

– Володя, слышишь? Плачет там кто-то, что ли? – снова заговорил голос, оказавшийся женским. Однако Ники это не смутило, и он закричал:

– Плачет, плачет!

– А почему? – спокойно удивилась девочка, которая, наверное, сидела где-нибудь в теплом и уютном месте.

– Я... я... один, – беспомощно выговорил Ники и умолк. Эх, учил бы он русский язык в школе как следует, не заикался бы сейчас. А то даже не может объяснить, что с ним случилось.

Девочка что-то сказала, но ему пришлось ответить:

– Не понимаю.

Тогда она перешла на другой язык, должно быть, английский, по крайней мере, так ему показалось. И Ники пришлось повторить по-русски:

– Не понимаю. Я болгарин.

И тут произошло еще одно чудо. Девочка засмеялась и спросила по-болгарски:

– Болгарин? А почему же ты, дорогой товарищ, не плачешь по-болгарски, чтобы мы тебя поняли?

Издевка была жестокой, но Ники замер от радости, потому что сказано это было на родном языке.

– Эй, ты что молчишь? – позвала девочка. – И почему плачешь по радио?

– Я совсем один... – Ники не знал, что сказать. – Совсем один и не знаю...

– Найди себе подружку, вот и не будешь один, – опять засмеялась бессердечная собеседница. – И вообще, кто ты такой?

– Ники! Николай Буяновский и... и...

– Не знаю такого. Откуда ты говоришь?

– Не знаю. С какой-то чужой планеты. Это непонятно почему возмутило девочку.

– Да кто ты такой, в конце концов? По-русски не говоришь, по-английски не говоришь, реवेशь, как младенец, да к тому же не знаешь, где находишься? Ты что с неба свалился?

– Ну да! В том-то и дело, что с неба, – горячо заверил ее Ники, но этим лишь вызвал новый взрыв смеха.

– И, конечно, приземлился на голову? И на какую планету, говоришь?

– Не знаю, – ответил Ники. – Здесь очень темно и очень холодно, а воздуха совсем нет.

– Надо же, какое совпадение! И у нас то же самое. А на каком передатчике работаешь?

– Не знаю. Он у меня встроен в шлем.

– И этого не знаешь? Станный ты парень, Николай. Но раз радио у тебя в шлеме, значит, ты не с другой планеты. Ты дурака валяешь или заблудился?

Ники понял, что если он сейчас скажет всю правду, эта насмешница и вовсе ему не поверит; поэтому он ответил, что потерял дорогу и нуждается в помощи. Девочка терпеливо выслушала его и попросила невидимого Володю разбудить ее брата, – эта часть разговора шла по-русски, но Ники все понял, – а потом сказала:

– Подожди немножко, мы тебя отыщем. Но если ты нас разыгрываешь, я тебя брошу в самый глубокий лунный кратер, так и знай!

Угроза прозвучала серьезно, но Ники обрадовался. Значит, он находится на Луне, совсем рядом с Землей!

Мало того, здесь есть и болгары! В это трудно поверить, но раз на родной планете прошли столетия, все может быть. Ведь еще до того, как он улетел с

Мало, в Болгарии были свои космонавты. Да, добрый и всеведущий Мало позаботился о нем и высадил среди своих!

2

Даже с соотечественниками нелегко найти общий язык. Операция «Спасение». Странный лагерь

Вскоре в шлемофоне раздался сонный мужской голос.

– Эй, парень, что у тебя случилось? Ты где находишься? – спросил голос тоже по-болгарски.

– Не знаю, – ответил Ники. – Вокруг полная тьма. Неподалеку какие-то горы.

– У тебя что, ни карты, ни компаса? Или ты впервые на Луне? Ты как сюда попал и когда?

Мужской голос забрасывал его вопросами, будто ругался. Николай подумал, что если рассказать про Мало, ему опять не поверят, и взмолился:

– Помогите мне! Я потом все расскажу!

– Как у тебя с воздухом? – поинтересовался голос, и Ники похвастался:

– Воздуха сколько угодно. И воды, и пищи. . .

– Тогда отложим до другого месяца, – засмеялся человек. – При таких запасах ничего с тобой не случится.

– Ой нет, пожалуйста, побыстрее! – еще жалобнее взмолился Ники.

– Сейчас, – ответил человек и заговорил с кем-то другим: – Объяви тревогу по группе. Три машины. Составьте план пеленгового поиска. Но сначала проверим, сможете ли. А ты, парень, – уже громче сказал он, явно Николаю, – стой где стоишь и оставайся на той же волне. Свет у тебя есть?

– Есть фонарик. Очень сильный!

Однако человек его, кажется, не понял:

– «Фонарик»? Ну ладно, зажги что там у тебя есть и время от времени подавай голос, чтобы мы могли тебя засечь. Я скажу, когда начинать.

В шлемофоне что-то затрещало, и голос умолк. Вокруг снова стало тихо и пусто, но уже не так, как раньше. Ники начал смотреть на звезды и увидел две или три очень крупные, они двигались по небу с необыкновенной скоростью. Может быть, это звездолеты группы спасения? Однако звезды скрылись за гребнем скалы. Тут снова заговорил мужской голос:

– Эй, парень, ты живой? Давай пеленг, мы уже летим.

– А что говорить? – спросил Николай и зажег фонарик.

– Что хочешь! Можешь петь. Спой какую-нибудь песню. Веселую.

Ники даже обиделся:

– Я таких не помню. Человек засмеялся:

– Тебе, наверное, сейчас не до песен! Но мы должны все время слышать твой голос, понимаешь? Надо, чтобы твой передатчик все время работал на одной и той же волне, тогда мы тебя засечем пеленгаторами. Малыши предложили хороший план, надо отдать им должное.

Николай упал духом – значит, его будут искать какие-то малыши? Но тут человек ему напомнил:

– Пой, тебе говорят!

Ой, конечно, прав: ведь когда Ники искал пирранку на планете чудовищ, он тоже просил ее все время говорить. И мальчик дребезжащим голосом и до-

вольно фальшиво запел известную песенку, которую выучил когда-то в детском саду: «Белый наш зайчишка с серною-малышкой целый день играли, друг друга догоняли...»

В шлемофоне раздался громкий, веселый смех.

– Ай да петуха пустил! И откуда ты выкопал эту песню?

– Обыкновенная песня, – огрызнулся Николай. – Ее любой болгарин знает.

Человек насмешливо ответил:

– Ну, тогда мы не болгары. А что дальше было?

– Сначала вы меня найдите, тогда скажу.

– А мы ищем. Говори же, а если хочешь петь, то пой про себя. Тебе сколько лет?

Ники не ответил. Что это за люди, самых простых вещей не знают, да впридачу издеваются над человеком, попавшим в беду! А еще когда-то утверждали, что в будущем люди станут добрыми и хорошими!

– Говорят тебе, не молчи! – прикрикнул на него человек. – Я тебе, кажется, задал вопрос.

– Четырнадцать. Человек опять засмеялся.

– Хороший возраст! Беру свои слова назад. Года через два опять сможешь петь. А сейчас просто расскажи, что было дальше с белым зайчиком, раз ничего другого придумать не можешь. Давай, говори, так надо!

Ники начал рассказывать содержание песенки, но тут человек перебил его:

– Эй, что это там горит? Это у тебя такой огонь?

– Это мой фонарик! – обрадовался Ники: значит, его увидели!

Человек снова удивился, будто никогда не слышал такого слова.

– Что это за штука? Откуда она у тебя?

– Это... от другой цивилизации.

– Ага! Заяц белый, куда бегал, другая цивилизация... Слушай, зайчик, тебя, случайно, не метеоритом ударило? А то здесь у нас часто падают разные камешки с неба. Ладно, дальше можешь не рассказывать. Спускаемся.

Невзирая на обиду, Ники чуть не заплясал от радости, размахивая над головой пирранским фонариком. То ли еще будет, когда они встретятся, он им покажет и расскажет такие чудеса!

Шаровидное тело, с ярко светящимся ободком посередине, легко и мягко опустилось на самой границе пятна, падавшего от фонарика в холодном лунном мраке. Ники собрал портфель и одежду, и спотыкаясь, медленно побрел к этому телу.

– Погаси эту штуку, а то я тебя не вижу, – все так же сердито сказал ему мужской голос, и Ники тут же погасил фонарик.

Две руки легко подхватили его и сунули в узкое отверстие странного корабля. Правда, особой силы от них не требовалось – ведь, как известно, на Луне каждый предмет весит в шесть раз меньше, чем на Земле.

Внутри было тесновато. Освещение – зеленое и красное – давал только пульт управления. В этом красно-зеленом сумраке сидели трое в широченных и наверняка тяжелых скафандрах. И шлемы у них были огромные, не то, что на пирранских костюмах. Четвертый человек, тот, что посадил Ники в корабль, вошел вслед за ним, пригнувшись, но даже так было видно, что он куда выше остальных. Ники не мог различить их лица в темноте. Человек, вошедший последним, потрогал Ники за рукав; в шлемофоне загремел уже знакомый мальчику голос.

- Слушай, заяц, тебе не холодно в этой одежке? Где ты ее взял?
- Это скафандр с планеты Пирра.
- Ладно, – сказал человек с досадой. – Сядь пока вон там.

И сам уселся спиной к тем, кто сидел за пультом. Еще не устроившись как следует в глубоком кресле, Ники почувствовал, как по его телу пробежала дрожь. Наверное, они взлетают. И в корабле, наверное, тоже нет воздуха, раз все сидят в шлемах. Вообще корабль выглядит примитивно – по стенкам тянется сеть труб, повсюду множество каких-то аппаратов. У каждого из его спасителей за спиной огромный баллон с кислородом. Да, но все-таки они находятся на Луне! Значит, человечество шагнуло далеко вперед!

– Товарищи, я вам очень благодарен, – нерешительно заговорил Ники, которого угнетало общее молчание.

– Пожалуйста, на здоровье! – отозвался грубоватый мужской голос. – Только другим пока можешь ничего не говорить. Они тебя не услышат, потому что радио у них работает на другой волне, да к тому же они не понимают по-болгарски. Болгары здесь только мы с сестрой. Так что самое лучшее для тебя – подумать, что ты будешь рассказывать про себя на базе. Кто ты, как сюда попал и почему не прошел пешочком километр расстояния до базы, а поднял весь лагерь на ноги из-за ерунды.

Ники снова возмутился. Что за отношение к человеку! Значит, в группе всего двое болгар, и они, вместо того, чтобы обрадоваться земляку и посочувствовать ему, только и знают, что ругаться!

– Но я говорю правду! Почему вы мне не верите?

– Очень просто, дружок, – отозвался мужчина, и руки его описали какое-то движение над пультом, – потому что если к нам явится представитель другой цивилизации, его наверняка будут звать как-нибудь иначе. Ну, например, Врын-мрын или Нодоподоглавозуборог, но уж никак не Николай. И сказочки про белых зайчиков рассказывать не станет. Так что давай прекратим разговор, потому что мне надо переключиться на волну базы.

Ники только вздохнул. Ах, как он когда-то мечтал, читая научно-фантастические романы, попасть в будущее! И что же получается? Ничего хорошего! Как-то встретили бедную Нуми на ее родной Пирре? Хоть бы ей поверили!

Странная лунная база в самом деле оказалась близко, потому что минут через десять лунолет приземлился, пополз по грунту, потом внезапно круглые окошки-иллюминаторы ярко осветились снаружи.

Теперь Ники хорошо видел за шлемами лица членов экипажа. Они оказались на удивление маленькими. На Ники смотрели и дружелюбно улыбались ребята десяти-двенадцати лет. Они помогли ему подняться и выбраться наружу. Ники спрыгнул на сильно освещенную площадку и осмотрелся. Лунолет находился в огромном помещении вроде ангара. Вокруг на членистых, будто паучьих, ногах стояло еще штук десять таких же лунолетов, одни побольше, другие поменьше. Из-за них выплыло еще несколько ребят – именно выплыло, потому что при слабом притяжении движения у них были плавные и медленные, как у водолазов под водой.

Ребята оттащили лунолет в сторону, поставив его в ряд с другими. Все это было похоже на игру. Хорошо, что за свою долгую и нелегкую жизнь Ники всякого навиделся, а не то он решил бы, что все это ему снится.

Убрав лунолет, ребята с веселыми улыбками окружили мальчика. Хоть они и чужаки, но Ники они явно рады, не то, что болгары.

– Это остальные члены группы поиска, – сказал голос в шлемофоне. – А теперь пошли спать!

Ники аж задохнулся от негодования. Как вам это нравится? Человек вернулся из космоса, может быть, спустя столетия, а этому только бы спать! Однако, ничего не говоря, он послушно поплелся вслед за группой.

Сначала они открыли какую-то металлическую дверь со множеством колесиков, с мягким уплотнением по краям. Потом тем же трудоемким способом дверь закрыли, прошли короткий коридор и вошли через другую такую же дверь в явно жилое помещение. В нем был воздух, потому что все вокруг стали поспешно снимать с себя шлемы и скафандры. Из тяжелых и неуклюжих костюмов вылезли худенькие мальчишки в разноцветных, плотно облегающих тело трикотажных костюмах. Особенно удивился Ники, когда из скафандра болгарина появился не огромный великан, а парень лет двадцати, худой и щуплый, ростом не выше его самого. Ники спокойно вышел бы на драку с ним, не боясь поражения.

– А ты не собираешься переодеваться? – спросил парень, увидев, что Ники снял только шлем.

Мальчик смутился – среди ребят, снявших скафандры, он увидел и коротко подстриженную девчонку.

– Я... у меня ничего нет внизу...

– Значит, под скафандром ты голый? И так ходишь на улице и дома? – Парень удивился и принялся бесцеремонно ощупывать тонкий и эластичный пирранский скафандр. Ники с радостью тут же стал объяснять, как скафандр его греет и кормит, как в нем хорошо и удобно. Показал и трубочки в шлеме, достал из кармана запасные капсулы с едой, водой и воздухом, продемонстрировал фонарик, лучевое лезвие и газовый пистолет.

Парень смотрел на него с возрастающим уважением.

– Не забирай я тебя из кратера лично, никогда бы не поверил, что такой скафандр может существовать, – сказал он наконец и обратился к ребятам на каком-то непонятном языке. Не то на русском, не то на английском. А потом снова повернулся к Ники:

– Чьего производства одежда?

– Такие скафандры делают на Пирре.

– Ну ладно, хватит! Слышали мы про другие цивилизации. Ты меня извини, но как ты себя чувствуешь? Здоров? Может, позвать врача?

– Я абсолютно здоров! – заверил его Ники. Парень оглядел мальчика с насмешливой улыбкой.

– Так я и думал. Паренек ты явно здоровый. И ростом вышел. Ты явно не здешний. Вот только любишь играть в заблудившихся зайчиков. Пошли попьем чаю, у меня все равно весь сон пропал.

И парень направился к двери. Казалось, остальные только того и ждали: они подхватили земную одежду и портфель Ники, а сам он невесело поплелся вслед за соотечественником. Почему этот болгарин ему не верит? И скафандр он ему показал, который явно куда лучше ихних, и все остальное... На других планетах – и то лучше принимают жителей чужих миров... Неужели так трудно найти общий язык с соплеменниками, спустя каких-нибудь несколько столетий!

Ники забыл, что и раньше, на родной Земле, это ему не всегда удавалось. Да что тут говорить, каждый из вас знает, что иногда даже с собственными соседями – и то нелегко договориться.

Лунная база.
Николай Буяновский превращается
в деда Ники.
Первый вздох о Нуми

Они вошли в помещение вроде столовой с голыми бетонными стенами, стерильно-чистое, холодное и неудобное. За высокой стеклянной перегородкой находилась кухня; там тоже было чисто и тоже бедновато. Как в старом туристском приюте где-нибудь в горах. Стриженная девчонка и один из ребят побежали ставить чай, а парень, который явно был здесь вожаком, присел к длинному столу.

– Если хочешь есть... – сказал он и указал Ники на стул рядом с собой. Ники стал уверять его, что есть ему ничуть не хочется; он и вправду голода не чувствовал – так волновался. Что это за база такая? Сами живут в далеком будущем, а все у них такое грубое и бедное. И кругом – одна ребятня. В самом ли деле они на Луне? Ники уже собрался задать этот вопрос, но тут в столовую влетела тоненькая и хрупкая девочка в кокетливом розовом трико и еще с порога спросила:

– А где белый зайчишка? Это ты?

Ники неловко встал, и девочка в изумлении осмотрела его, а потом подчеркнуто весело – она тоже очень смутилась – сказала:

– Смотри-ка, какого красивого парнишку я нашла! Ну, здравствуй!

Ники, покраснев до ушей, пожал тонкую руку. Он знал, что выглядит молчком в красивом пирранском скафандре, и все-таки сконфузился.

– Это моя сестренка Села, – сказал парень, развеселившийся при виде их смущения. – Это ей ты должен сказать спасибо. Она дежурила в рубке связи и нашла тебя потому, что любит возиться с радиостанцией. Все ищет сигналы чужих цивилизаций. Так что с ней ты найдешь общий язык.

– Ты вечно подтруниваешь! Как видишь, польза от этого есть. Николай, ты, наверное, с Земли? Четырнадцать лет, а такой рослый!..

Ники подумал, что она наверняка слышала по радио, как он пускает петуха, и смутился еще больше. Он робко ответил:

– Вообще-то я с Земли, но сейчас прилетел не оттуда.

– Села, – сказал парень, – сдала дежурство, так ступай спать.

Ники думал, что девчонка огрызнется, но она сразу сникла.

– Брат, это жестоко! Все-таки я его нашла! Ну, пожалуйста!

Брат уступил и предложил остальным ребятам тоже сесть к столу. Они рассматривали земной портфель Ники и его одежду и удивленно перешептывались. Тут подоспел и чай в огромном чайнике, от которого шел душистый пар. Каждый сам наливал себе чай в большие и на вид тяжеленные стаканы. Как известно, на Луне все легче, чем на Земле, и Ники неловко плеснул на себя горячей жидкостью. Ребята оживились.

– А ты, видать, и впрямь недавно на Луне, – заметил руководитель группы. – Когда прилетел?

– Только что, – ответил Ники. – Давайте я вам расскажу. Вы будете переводить?

Он спросил об этом потому, что не понимал языка, на котором говорили ребята, к тому же иные из них явно принадлежали к другой расе: у них были

азиатские лица, бледно-смуглые, с раскосыми глазами. А двое были потомками негров. Парень усмехнулся:

– Буду. Если услышу что-нибудь полезное и поучительное.

Николая опять разобрала злость, но это лишь помогло ему собраться с мыслями. Он решил поведать о тех из своих приключений, рассказ о которых прозвучит убедительно для его аудитории. Переживания он решил вообще не описывать. Ники рассказал про Мало, про Нуми, вспомнил и дату отлета с Земли. Потом достал учебники и показал, в каком году они напечатаны.

Ребята с удивлением принялись рассматривать картинки и формулы. А когда Ники кончил свой рассказ, парень заметил:

– Слушай, Николай, ты не сердись, но поверить тебе трудно. Эти учебники ты мог где-нибудь достать. В земных библиотеках полно старинных книг. Верно, скафандр и приборы у тебя удивительные, но откуда нам знать, может, где-нибудь на Земле такие уже изобрели! Ты не сравнивай их с нашими. У нас на базе вся техника старая и примитивная, это сделано нарочно. Мы – база особого назначения. Ты согласен на проверку?

Николай с готовностью кивнул, а Села, сидевшая напротив и смотревшая почти влюбленными глазами, тихонько спросила:

– А ты не боишься?

– Чего мне бояться? – ответил Николай, но все же забеспокоился. – А как вы устроите проверку?

– Очень просто, – ответил ее брат. – Села запросит Землю. Если в самом деле гражданин Николай Буяновский в указанный день исчез с лица Земли указанным образом, об этом должны сохраниться записи. В Главном справочном коллекторе космических исследований хранится множество выдумок про внеземные цивилизации. Ну, запрашивать?

Николай кивнул увереннее. Ведь еще в то время, когда он жил на родной планете, в газетах печатали разные басни про летающие тарелки, так что происшествие с Николаем Буяновским наверняка где-нибудь зарегистрировано.

Села тут же куда-то исчезла. В столовой наступило молчание. Немного робея в ожидании проверки, Ники спросил:

– Значит, мы сейчас на Луне? А что у вас за база?

– Мы находимся на обратной стороне Луны, – ответил его соотечественник. – Здесь проходят подготовку будущие граждане космоса. Закаляются, учатся жить и работать в тяжелых условиях, потому что по ту сторону, в городе, люди изнежены.

– Но у вас одни ребята.

– Да, все – твои ровесники. Я – один из руководителей группы. Нас пятеро. Мы – студенты-педагоги и учимся воспитывать таких, как ты. Вообще-то меня звать Александр, но можешь звать меня Сашо. А что ты собираешься делать дальше?

Ники, который уже успел прийти в восхищение от чудесной школы на обратной стороне Луны, где царит вечная ночь, тут же сник.

– Не знаю. Все здесь для меня новое, незнакомое. И на Земле уже, наверное, никого из близких не осталось.

Александр недоверчиво посмотрел на мальчика, но грусть его казалась искренней, и он сказал:

– Если тебе здесь нравится, можешь остаться у нас до конца обучения, а там будет видно.

Николай почувствовал замешательство, но тут в столовую ворвалась Села. Щеки ее рдели ярче розового трико. Она восторженно кричала:

– Верно, все верно! В коллекторе есть запись о таком происшествии. Все точно так, как он говорит! В тот же день и на том же месте! Перед множеством свидетелей!..

Села заговорила с ребятами на их языке, и глаза у них тоже засияли от восторга. Студент обнял Ники за плечи.

– Ну, Николай, если это правда, ты и в самом деле чудо природы!

В столовую сбежалось немало народу, – наверное, Села разбудила весь лагерь; все кричали, прыгали и кружились вокруг Ники в бурном танце, который выглядел очень смешно в условиях слабого притяжения. Появились и сонные студенты-руководители группы, но ни тишины, ни порядка им добиться не удалось. Потому что дети – всегда дети, даже если они живут на той стороне Луны.

Николаю сразу стало хорошо в этой шумной компании. Да, умница Мало знал, где его оставить! Правда, у него немного екнуло сердце, когда врач, тоже молодой парень, повел его к себе в кабинет – тесную комнату, битком набитую разными приборами, и подверг осмотру. Но вскоре Александр успокоил мальчика: все приборы свидетельствуют о том, что он совершенно здоров и не занес на Луну никаких вирусов.

Они вернулись в столовую. Там царил полная тишина, будто на важном совещании. Один из студентов-руководителей что-то сказал Александру, и тот перевел:

– Ребята настаивают, чтобы мы еще не сообщали на Землю о твоём прибытии. Но мы, взрослые, считаем, что не имеем права скрывать от человечества столь важное событие.

Из всех присутствующих одна Села понимала, о чем говорит Александр. Она воскликнула:

– Но они отберут его у нас! Не отдам Николая, это я его нашла!

Она даже взяла Ники под руку, будто кто-то и вправду собирался его отнять.

– Ты ведь останешься с нами? Пожалуйста, оставайся! Хотя бы до конца занятий!

– Не знаю, – замялся Ники. – Вы меня так встретили... Издевались... и вообще.

– Николай, – перебил его Сашо, – ты должен нас понять. Веками человечество мечтает о встрече с другими цивилизациями и до сих пор все напрасно. А тут вдруг падает с неба парень и начинает рассказывать небылицы...

– Нет, вы просто плохо воспитаны, – заявил Николай Буяновский. – Я посетил множество цивилизаций, и нигде не видел такого неуважения к прадедам. Ведь я – ваш прадед, верно?

Брат и сестра поняли, наконец, что он шутит, и расхохотались. Села быстро перевела его слова остальным, и конечно же, все принялись упрасивать его:

– Милый дедушка, пожалуйста, оставайся с нами! Ты нам будешь рассказывать сказки! Дедушка, милый дедушка!

Разве Ники мог отказать таким горячим просьбам? К тому же, он еще не рассказал этой малышне и сотой доли своих приключений! И куда ему идти с базы? Он засмеялся и кивнул в знак согласия.

Это вызвало новый взрыв радости, которая, однако, утихла, как только Сашо поднял руку. Его здесь все слушались – должно быть, он был самым главным.

– Дедушка Ники, – сказал он по-болгарски, – твоим внукам надо еще немного поспать, потому что завтра их ждет трудный день. Пошли посмотрим, куда устроить тебя самого!

Потом он отдал какую-то команду, и ребята послушно вышли.

Они обошли все три спальни – помещения с герметическими дверями, – пока не обнаружили свободную койку. Койки были подвесные, другой мебели в помещениях не было. Не было также пижам, а стало быть, переодевания, не было ни подушек, ни одеял, ни всего такого прочего. Каждый прыгал на свою койку, как был, и тут же затихал.

Однако Ники это никак не удавалось: койка, больше похожая на длинный мешок, все время убегала от него. Пришлось принять помощь Селы. Затем она одним прыжком заняла свое место где-то неподалеку и тоже затихла.

Свет никто не выключил, а может быть, его здесь вообще не выключали. Лежать было неудобно. Да, видимо, здесь не шутят, условия и вправду нелегкие! Все лежат тихо, в спальне ни звука. Ребята явно строго соблюдают режим. Но так, наверное, и надо в суровых лунных условиях, решил Ники, хотя ему было обидно – уж очень хотелось рассказать о всех своих приключениях. В пионерском лагере самые душевные разговоры велись вечером, перед сном. Особенно ему хотелось поговорить о Нуми. Где-то она теперь, что делает? Тоже лежит в кровати? А может, сейчас и вовсе не спит. Небось, у них время совсем не такое, как на Луне. Вспоминает ли она о нем?

И хотя ложе было не слишком удобным, Николай уснул, правда, уже после того, как глубоко и горько вздохнул о далекой и неведомой Пирре.

Наука утверждает, что подобные, даже самые сильные вздохи, не могут преодолеть притяжения планет. Но наука много чего утверждает на основе чисто теоретических предположений. Так что это утверждение нужно еще проверить экспериментально.

4

Лунная раса.

Может ли внучка усыновить деда.

Каково человеку, заброшенному в будущее

Утром ребята, будто по неслышному и невидимому сигналу, повскакали с коек, прошли по узкому коридору, где вместо умывания их наскоро обдула сильная струя ароматизированного воздуха, и все так же сосредоточенно позавтракали. Завтрак оказался более чем скромным; стакан коричневатой жидкости – что-то вроде какао с молоком, и печенье. Руководители делали то же, что и ребята – так же молча и сосредоточенно.

Ники остался голодным. Печеньице только возбудило у него волчий аппетит. Он столько времени не пробовал настоящей земной еды! Мальчик потянулся было за пирранскими таблетками, но передумал. Может быть, ими заинтересуются ученые и сумеют сделать такую же еду для космонавтов...

Но больше голода его терзала обида. Никто не обращал на него внимания. Он старался делать все, как другие ребята, но ни Александр, ни Села будто его не замечали. Только однажды девчонка подмигнула ему, а потом повернулась спиной и с головой ушла в свои дела. На базе царила утренняя суматоха. Прав-

да, кто бывал на обратной стороне Луны, знает, что там, в сущности, нет ни утра, ни дня, ни вечера. По той простой причине, что там никогда не всходит и не заходит Солнце. Луна вращается таким образом, что одна ее сторона постоянно обращена к Земле и Солнцу, а другая вечно погружена во мрак.

Когда группа ребят начала натягивать на себя скафандры, Николай не вытерпел и подошел к руководителю, проверявшему, кто как надел шлем.

– А я? Говорили, что я – событие для человечества, а сами...

Александр удивился:

– Разве ты не поедешь с нами на занятия?

– А что вы будете делать?

– Совершим подъем на вершину, спустимся в два-три кратера. Проведем игру в исследователей. Ты-то небось насмотрелся на чужие планеты, а нам надо еще учиться...

Конечно же, Ники был польщен: ему предоставлялась возможность похвастаться пирранским скафандром. Живо нахлобучив шлем, он важно заявил Саше:

– Я и сквозь шлем все хорошо слышу.

– Да, скафандр у тебя удивительный, – сказал студент и осмотрел шлем со всех сторон. – Хорошо, пойдешь с моей сестрой. Я ей дал еще один передатчик. Мой тоже можно настроить на твою волну, но мне некогда тобой заниматься, я должен руководить занятиями. Села – умная девочка, делай, что она скажет.

Ребята в своих скафандрах походили на одинаковых белых жуков, и когда в шлемофоне раздался голос Селы, Ники не понял, кто с ним говорит, пока она не схватила его за руку.

– Дедушка Николай, пойдем! Я тебя выведу погулять.

Ники не понравился ее покровительственный тон – даже в неуклюжем скафандре она казалась маленькой.

– Не бойся, я и сам справлюсь! Села засмеялась.

– Ах да, как это я забыла! Старики такие обидчивые!

– На Земле меня звали Ники. Сокращенно, – заметил он.

– Я тоже сокращенная, – опять засмеялась Села. – От Селены. Это древнее название Луны. Не сердись, Ники, но когда мне кто-нибудь нравится, я начинаю над ним подшучивать. А разве у вас не так было?

Надо же, маленькая, а говорит, как взрослая. Конечно, у них так тоже бывало. Ники и сам замечал, что больше всего заедается с теми девчонками, которые ему нравятся.

В ангаре ребята осмотрели четыре летательных аппарата, проверили, все ли в исправности, погрузили запасные цилиндры с кислородом, а потом принялись дружно толкать аппараты к наружной площадке. Лунолеты удивительно легко скользили на своих паучьих ногах, обутых в мягкие гусеницы.

Ярко освещенная множеством прожекторов площадка перед ангаром оказалась дном кратера, окруженного черными скалами. Сама база была врыта в эти скалы из-за метеоритов, часто падающих на поверхность Луны и представляющих большую опасность, так как здесь нет атмосферы, в которой они бы сгорали, как это происходит в земной атмосфере.

Все быстро заняли места в трех лунолетах, а Села повела Ники к четвертому, в котором за пульт управления сел ее брат. Ники узнавал его только по росту. Она помогла Ники забраться в лунолет, подтолкнула к сиденью, сама шлепнулась в соседнее кресло. Остальные пятеро ребят расселись на полу.

Как только они закрыли за собой круглый люк, лунолет взлетел. Вслед за ним взлетели остальные корабли, хотя там были одни ребята. Ники поинтересовался:

– Они что, сами управляют, без взрослых? Это не опасно?

– Возможно. Но без этого скучно, – небрежно отозвалась Села.

Он уже не видел ее лица за стеклом шлема. В лунолете было темно, светились только приборы. Круги иллюминаторов выхватывали куски жутковатого лунного пейзажа – серо-черного в холодном блеске звезд.

– А какие у них двигатели? Атомные?

– Ионные. На Луне мощные двигатели не нужны. Ники еще не проходил про ионы, но признаваться в невежестве не хотелось. Эти ребята, такие хлипкие на вид, наверное, много знают. Иначе их не выбрали бы в будущие граждане космоса.

– А какие двигатели у других цивилизаций? – поинтересовалась Села.

Никаких двигателей Ники там не видел, но ему захотелось немножечко порисоваться.

– На последней планете, где я побывал, изобрели весьма интересные двигатели и встроили их тамошним жителям прямо в пятки. А работали они вот так: – И Ники пальцами показал, как шевелят ногами кривоногие жители Райской планеты. Села фыркнула.

– Эй, Ники, у меня целых семеро дедов, но такого забавного никогда не было.

– Как так – семеро? – изумился Николай.

– Отец матери и его отец, отец отца и его отец, отец моего отчима и отец второго отчима и его отец.

У Ники даже голова закружилась от такого изобилия родни, и он не сразу сообразил, что у Селы целых три живых прадеда. Как долго живут теперь люди!

– У меня второй отчим, потому что отец и первый отчим погибли, – пояснила Села. – Но и он, наверное, скоро погибнет, так что, может быть, дедов и прадедов у меня станет еще больше.

Это заявление, а того больше, небрежный тон, которым оно было сказано, окончательно сбили Николая с толку.

– А почему он должен погибнуть?

– Он уже пятый год шляется по кольцам Сатурна, а там опасно. Отец и первый отчим погибли там же.

Ники стало и вовсе нехорошо от такого множества трагедий.

– И что ты будешь делать, если опять останешься без отца?

– При чем здесь я? Пускай мама думает, это она себе таких мужей выбирает, – ответила девочка и снова засмеялась. – А я буду думать, когда вырасту. Между прочим, мне тоже нравятся мужчины опасных профессий.

Нет, послушать только, как она говорит, будто много переживший и повидавший человек! Но так, наверное, и должно быть. Она и сама собирается жить и работать в космосе. Ники тихонько вздохнул:

– А вот у меня уже наверняка никакой родни на Земле не осталось.

Вместо того, чтобы посочувствовать ему, странная девчонка спокойно заявила:

– Значит, тебе там и вовсе нечего делать. Оставайся лучше у нас!

Ники посмотрел в иллюминатор.

– Не могу себе представить, что здесь лучше, чем на Земле.

– Там такая скука, – начала было Села, но спохватилась. – Ты не обращай на меня внимания, мне просто нравится здесь, на Луне, а на Земле я никогда не

бывала. Мы, рожденные здесь, уже не можем жить на Земле. Из-за притяжения. Чтобы побывать на Земле, я Должна целый год проходить специальную подготовку, потому что наши организмы не приспособлены для долгого пребывания на планете. Сам видишь, какие мы хлипкие. Ты-то, небось, сильнее даже брата, хотя ему двадцать один год. Но зато мы хорошо переносим условия космоса.

– Значит, в сущности, вы новая человеческая раса, – нерешительно сказал Ники. – Космическая?

– Пока только лунная, но от нее родится космическая. Поэтому я тебе советую остаться с нами. Если хочешь, побывай на Земле, посмотри, что к чему и возвращайся. А если тебе так тяжело без родни, я тебя усыновлю.

Веселая девчонка эта Села, но пока что не очень ему нравится. Уж очень дерзко она держится и рассуждает как взрослая. Никакого сравнения с очаровательной, доброй и наивной маленькой пирранкой, перед которой всегда можно повоображать. Чтобы Села не слишком задавалась, Ники сказал ей с едва заметным ехидством:

– Вряд ли разрешат правнучке усыновить собственного прадеда.

– Для тебя сделают исключение, – засмеялась Села. – Слушай, белый зайчишка, я ужасно любопытная. Расскажи-ка что-нибудь про серну-малышку из другой цивилизации, с которой вы играли в космосе!

Он мог бы многое рассказать о Нуми, но вопрос был задан так, что ему вообще расхотелось говорить. Хорошо еще, что на командном пульте лунолета бесшумно вспыхнули красные сигналы. Села схватила сумку, стоявшую в ногах, и надела ее через плечо, заметив: «Начинается».

Николай забеспокоился. Что еще тут у них начинается и как ему себя вести? Я думаю, читатель поймет его – ведь судя по всему, он попал не к землянам, а людям иной цивилизации. Каждый, кого судьба забрасывала в далекое будущее, знает, что в таких случаях он непременно попадет к совсем другой цивилизации.

5

Катастрофа.

Александр ведет себя очень странно.

На обратной стороне Луны
влюбляться запрещено

Лунолет мягко шлепнулся на гусеницы. Ребята, должно быть, получили какую-то команду, потому что живо вскочили, открыли люк и начали сбрасывать наружу разные сумки и пакеты.

– С одним из наших что-то случилось, – заметила Села. – На твоём месте я бы осталась здесь.

Это задело Николая.

– Я вам не грудной младенец. И мой скафандр лучше ваших.

– Тогда сам найди себе занятие, – бросила она и отошла к группе ребят, так что он перестал ее различать.

Брат Селы последним вышел из лунолета, но сначала помог выбраться Николаю, которому с непривычки было трудно.

– Кажется, у нас будет много работы, Николай, – сказал Сашо, ненадолго включившись на его волну. – Что-то произошло. Не отходи далеко, не то мы и тебя потеряем.

– А я не могу помочь?

– Я еще не знаю точно, что произошло, – уклончиво ответил студент и направился к двум другим лунолетам, приземлявшимся метрах в двадцати поодаль. Как только они сели, экипажи тут же выскочили и подбежали к руководителю, который стал им что-то объяснять, плавно разводя руками – надо бы сказать, в воздухе, но на Луне нет воздуха.

Они разговаривали на своей волне, и Ники чувствовал себя чужим и беспомощным. Звездный свет на Луне не рассеивался, не трепетал, потому что здесь не было атмосферы, а сами звезды блестели, как жестяное конфетти, приклеенное к черному потолку космоса. В шлеме Ники автоматически включился визор ночного видения, и безжизненный лунный пейзаж предстал перед ним во всей своей унылой неприглядности.

Внезапно откуда-то взвился огненный шар величиной с апельсин; казалось, он выброшен из самых недр Луны. Все вокруг осветилось зловещим кровавым светом, а под шаром оказалась черная бездна. Александр бросился к лунолету и вскочил в него, даже не закрыв люк. Шар постепенно гас, но теперь тьму прорезали сильные лучи прожекторов от лунолета, который медленно полз вперед на своих паучьих ногах.

Ребята запрыгали следом, каждый нес в руках сумку или пакет. Ники бежал вместе с ними, спотыкаясь с непривычки, и даже упал на колени. Ему не хотелось отставать.

Метров через сто лунолет остановился на краю пропасти, из которой вылетел огненный апельсин. Как ни сильны были прожекторы, им не удалось перекинуть через нее световой мост. Пришлось зажечь небольшие прожекторы на шлемах, закрепленные будто шахтерские лампы. При их свете все стали быстро выкладывать свой груз. Ники осторожно ощупал почву ногами, лег над бездной и включил пирранский фонарик. На дне пропасти покачивался вверх ногами четвертый лунолет, а чуть поодаль лежал человек в скафандре. Его руки шевелились, значит, человек был жив. Остальных членов экипажа не было видно – должно быть, они остались в лунолете.

– Ники, – громко позвал голос Селы, – твой прожектор сильнее наших, держи его в том же положении, пусть светит.

Он опять не понял, которая из ребят – Села. В сером сумраке все они выглядели одинаково, выше всех торчала голова Александра, который в это время вытягивал из шлюза нечто похожее на веревочную лестницу.

Оказалось, что это действительно лестница, и ребята начали опускать ее в пропасть; но ее хватило лишь до середины. И все же один из группы стал спускаться вниз, держа на плечах огромный груз. Лестница угрожающе раскачивалась под ним, на последней ее ступеньке он распаковал тук, в нем оказалась еще одна лестница, которую он закрепил за первую и стал спускаться дальше, на самое дно пропасти. Только теперь Ники понял, какая она глубокая; каждый, кому приходилось бывать на планетах, не имеющих атмосферы, знает, как трудно в таких условиях правильно определить расстояние.

Один за другим в полном безмолвии ребята спускались в пропасть с кислородными баллонами, аппаратами и прочим грузом. Для Ники все происшедшее казалось каким-то кошмарным сном. Вскоре наверху остались лишь он с Александром да еще трое из экипажей. Студент присел рядом с Ники и похлопал его по плечу.

– Что случилось? – спросил Ники.

– Еще не знаем, – ответил Александр. – Они только и успели передать, что падают, а потом их передатчик замолк. Лишь бы остались живы. Тот, что лежит на дне, наверное, жив, это он подал сигнал ракетой.

Странный руководитель, решил Николай, стоит себе в сторонке и ждет, что будет. А если эта малышня не справится?

Но малышня явно справлялась. Двое склонились над распростертым на земле товарищем, остальные пытались поставить лунолет на ноги. Пострадавшего лунного жителя подтащили к лестнице, перекинули ее последнюю петлю ему через плечи и крепко привязали. Должно быть, они подали какой-то сигнал по рации, потому что один из стоявших рядом с Ники живо сел в лунолет, и лестница с пострадавшим сама стала подниматься вверх; по-видимому, в корабле было для этого какое-то специальное устройство.

Как только шлем пострадавшего показался над краем пропасти, его тут же подхватили на руки, с необыкновенной быстротой сменили ему кислородный аппарат и понесли к лунолету. А руководитель группы все так же безучастно сидел на корточках рядом с Ники.

Николаю хотелось помочь ребятам, но тем, кто работал внизу, нужен был сильный свет его фонарика. Тем временем копошившиеся на дне пропасти спасатели поставили на ноги потерпевший аварию лунолет и сейчас вытаскивали из люка безжизненные на вид фигуры в скафандрах. Поменяв всем пострадавшим кислородные аппараты, они принялись их переправлять вверх с помощью лестницы. Двое оставшихся наверху – Ники так и не понял, мальчишки это или девчонки – одни делали тяжелую работу, относили пострадавших в лунолет. Николай кипел от негодования, он даже крикнул Александру: «Почему ты им не помогаешь?», но тот его, наверное, не услышал. Должно быть, рация его работала на другой волне.

Погрузив последнего пострадавшего, ребята закрыли люк; тут же вспыхнул светлый обруч, и лунолет взлетел. Значит, они опять-таки сами повезут ребят на базу! Только теперь Николай услышал голос Сашо:

– Говорят, авария серьезная. Интересно, сумеют ли они справиться... Кислород скоро кончится, а запасные аппараты отдали раненым.

Николай не выдержал:

– Раз тебе так интересно, взял бы да и помог!

– А если с ними что-нибудь случится, когда рядом никого не будет? Ты, дедушка Николай, не сердись, но я – студент-педагог и в лунолетах понимаю ровно столько же, сколько и они. Тебе-то хорошо в волшебном скафандре! А нам пора уносить отсюда ноги.

Сашо встал, вынес из лунолета два кислородных аппарата и какой-то пакет и сказал Ники:

– Это последние запасы. Вижу, тебе скучно, возьми-ка отнеси это ребятам, а я посвечу.

Конечно, Сашо мог бы спустить аппараты по лестнице, но Николай принял вызов. Он тут же отдал фонарик и стал соображать, как лучше и удобнее взять три объемистых предмета. У аппаратов были ремни, и он тут же повесил их через плечо, но пакет даже веревкой не был перевязан. Значит, придется лезть по раскачивающейся лестнице, держась одной рукой.

– Быстрее, – напомнил Сашо, – минуты текут.

– А почему вы не оставите лунолет здесь? Разве у вас нет мастеров-техников?

– На базе нет. Зато есть строжайший закон: технику в космосе не бросать. Если не справимся с одного раза, придется возвращаться, но тогда другие группы будут смеяться над нами. Ну, от тебя зависит, справимся мы или нет. И смотри, будь осторожен, потому что если сорвешься, никакой пирранский скафандр тебя не спасет.

Ники осторожно поставил ногу на первую веревочную перекладину, глянул вниз и похолодел, несмотря на теплый скафандр. Трудно было, не глядя, нащупывать следующую ступеньку, а поскольку он держался только одной рукой, лестница качалась и прогибалась еще сильнее. Только где-то на двадцатой ступеньке ему удалось отработать ритм спуска. Главное – не смотреть вниз, потому что тогда начинает казаться, что дно уже совсем близко, и так и подмывает прыгнуть, хотя хорошо знаешь, что это только иллюзия.

Он не помнил, сколько времени отнял у него спуск. Казалось, ему не будет конца. Не успел он нащупать ногами твердое дно пропасти, как у него выхватили пакет и сняли с плеч кислородные аппараты. Двое тут же перезарядили свои аппараты, а остальные, оттолкнув Ники от лестницы, со страшной скоростью стали взбираться вверх. Наверное, у них кончается кислород, и на площадке внизу останутся только двое со свежими баллонами. Внезапно Ники услышал голосок Селы:

– Молодец, дедушка! Для человека твоего возраста ты еще прилично спускаешься по лестнице! Сердечно благодарим и можешь возвращаться!

И она махнула ему рукой, а потом склонилась над вскрытым пакетом, в котором оказались запасные части.

– У меня воздуха достаточно, – заявил Николай; ему захотелось остаться рядом с этим голосом; несмотря на насмешки, девочка была ему ближе, чем ее брат, чудовищно равнодушный к судьбе ребят. – Не могу ли я чем-нибудь помочь?

– Можешь поддерживать в нас бодрость духа, – засмеялась Села. – Спеть песенку про белого зайчишку, например.

Ники обиделся.

– Тебе бы только смеяться! – сказал он и пошел к лестнице: Села уже нырнула в лунолет, но ее голос догнал Ники:

– Извини, я плохо себя веду! Но это, наверное, просто способ обороны. Потому что я могу в тебя влюбиться, а когда мы находимся на обратной стороне Луны, нам это строго запрещено.

Ники аж язык проглотил, как говаривали когда-то на Земле. Что это за ребята? Сами управляют лунолетами, сами устраняют аварии, да еще болтают такое, что уши вянут!

– Эй, ты что молчишь? – позвала Села. – Разве не смешно влюбиться в тринадцать лет в столетнего старика?

Она говорила с трудом – должно быть, работа требовала от нее больших усилий. Ники еще не решил, что ему делать, когда лестница под самым его носом взвилась наверх. В кратере наступила непроглядная тьма. Он испугался.

– Что случилось?

Села высунула голову в люк, осветив его на мгновение лучом своего прожектора.

– А, они улетели. У них кончился воздух. Не бойся, нам еще немного осталось!

И снова исчезла внутри. Ники выждал, когда включится ночной визор, обошел лунолет. Наружных повреждений не было видно, если не считать двух-трех царапин. Он положил ладонь на металлический корпус и ощутил легкое

подрагивание вроде вибрации. Оно то возрастало, то замирало. Значит, неизвестный ему ионный двигатель работал?

– Давай, забирайся ко мне, – позвала его Села. – Попробуем поднять дурацкую машину в воздух.

Ники направился было к люку, но по дороге увидел аппараты с отработанным кислородом и, вспомнив, что в космосе технику бросать нельзя, решил их захватить с собой. Он вручил их Селе и с ее помощью забрался внутрь. Села закрыла за ним люк и указала Ники на переднее сиденье. В слабом свете он различал только спину второго спасателя – мальчишки или девчонки, – сидевшего у командного пульта. Кресло под ним задрожало сильнее.

– Взлетишь, как миленький, взлетишь, – весело сказала смелая девочка.

Ники взглянул в иллюминатор. Проекторы лунолета бросали снопы света на лунную поверхность. Черная стена кратера дрогнула и заплескала, казалось, лунолет карабкается по ней на своих паучьих ногах. Еще через несколько минут стена исчезла, уступив место безнадежной пустоте лунной равнины.

Кто бывал в пионерских лагерях на Земле, знает, что для них всегда выбирают самые красивые места. А здесь будто специально отыскивали самый отвратительный уголок во всей Вселенной. Ники вспомнил, как еще недавно сидел один-одинешенек на этой равнине из камней и пыли, и даже вздрогнул. Надо будет серьезно подумать, оставаться ли ему в этом странном лагере или все же не стоит.

6

Часы наоборот. Что значит – принадлежать всему человечеству. Кто как видит Землю

Станный воспитатель поджидал их в ангаре базы. Он пожал руку своей сестре и парнишке, который вел потерпевший аварию лунолет, – наверное, благодарил за то, что быстро устранили аварию, и ребята тут же принялись доканчивать ремонт лунолета, заряжать его всем необходимым для следующего полета.

– Ну, что, дедушка Николай, доволен приключением? – услышал Ники в шлемофоне насмешливый, как ему показалось, голос Селы.

– Это все было... взаправду?

– А что, тебе показалось понарошку?

– Да нет, но...

– Ладно, скажу. Авария была запрограммирована заранее. Все остальное было взаправду.

– А пострадавшие?

– Это пустяки. Они быстро оправятся. Главное, что ребята отлично справились с операцией по спасению.

– А если бы кто-нибудь погиб? – не сдавался Ники, не одобрявший поведения странного руководителя и воспитателя.

Тот отозвался только тогда, когда они вошли через шлюзовый коридор в раздевалку и сняли шлемы.

– У нас тут есть электронный мозг, который заранее рассчитал, что может произойти и что следует делать. С его помощью мы и учимся. Но ты не стесняйся, если тебе что-то у нас не правится, говори прямо. Небось, вы совсем по-другому представляли будущее?

Николай уже толком не помнил, каким он представлял себе будущее человечества, во всяком случае, то, что он увидел в столовой, ему даже и не снилось. Большинство ребят сидело или лежало на полу в самых замысловатых и неудобных позах, несколько стояло вниз головами перед поставленными перед ними на полу тарелками с едой. Из кухни вышел парнишка с подносом, уставленным тарелками; но шел он... на руках, а поднос держал на ступнях ног. И никто из них и внимания не обратил на появление руководителя, да и сам руководитель воспринял их хулиганское поведение как вполне естественное. И даже весело крикнул им что-то вроде «Неприятного аппетита!», на что все ответили дружным рычаньем.

– Если хочешь, садись есть с нами, только выбери себе какую-нибудь такую позу! – сказал Александр Ники и сел возле стола на собственные пятки.

Ники предпочел сесть так, как его учили когда-то на Земле. Дежурный по кухне согнул ноги в коленях, чтобы опустить поднос на стол, и предложил:

– Пожалуйста, не берите!

Странно они себя ведут, обмениваются любезностями наоборот, ходят вверх ногами... А Ники уже был готов восхищаться ими! Совсем смешавшись, он не посмел взять себе тарелку и решил посмотреть, как поступит его соотечественник. Сашо взял тарелку с какой-то кашицей и два сухарика. Ники последовал его примеру и стал озираться в поисках вилок или ложек. Ребята загребали жидкую кашу из тарелок прямо сухарями. Ники пожал плечами – видно, здесь так принято. И он в один миг сжевал вместе с кашей весь сухарик.

– Ты, видно, здорово проголодался. Попроси добавки, – сказал ему Сашо.

Ники принялся ломать себе голову над тем, как бы в самом деле попросить добавки, но тут циркач-дежурный крикнул:

– Кто не хочет добавки, пусть поднимет левую ногу. В воздух поднялся лес ног, и все они были правые.

Это показалось Ники такой глупостью, что даже смеяться не хотелось. Но тут к ним подошел дежурный, согнул ноги, и тарелки с кашей оказались прямо перед Ники. Тот смутился.

– Нет-нет, спасибо, – сказал он, хотя был готов мигом уплести все, что стояло на подносе.

Взять свои слова назад было неудобно, а ребята тем временем кончили еду, после чего каждый брал тарелку ступнями, вставал на руки и таким манером относил ее на кухню. Ники казалось, что он попал в сумасшедший дом. Александр, должно быть, угадав его состояние, принялся объяснять:

– В космосе всякое может случиться, может придется есть еще и не в таком положении, если вообще придется. Поэтому здесь, в лагере, мы учимся занимать как можно меньше места в пространстве, как можно меньше дышать и есть и сохранять спокойствие в любой ситуации. Но когда ты попадешь на ту сторону, будешь есть сколько угодно и что угодно.

– На какую, на ту сторону? – обрадовался Ники, решив, что это где-то поблизости.

– На ту сторону Луны, – объяснил Сашо. – Мы там живем. Можно было бы отправить тебя туда хоть сейчас, но жалко ребят. Это они только кажутся равнодушными, потому что в режим дня, как я уже сказал, входит выработка спокойствия и хладнокровия. А почему бы и тебе не попробовать, как они? – внезапно предложил он Ники.

– Как, на руках? – удивился Николай.

– А что, это полезно. Кровообращение улучшается. Ты же был в космосе и знаешь, что там нет ни верха, ни низа. Ну как, сумеешь?

В Николае разыгралось самолюбие. Что за вопрос! Да он сотни раз ходил дома на руках, здесь-то это, наверное, еще легче. И он встал на руки, взметнув вверх ноги. Да, но Луна – не Земля, здесь каждый предмет в шесть раз легче, и Николай с размаху грохнулся на спину. Хорошо, что в столовой никого не было, а студент не стал смеяться.

– Да ты не спеши!

Вторая попытка тоже едва ли бы удалась, если бы Сашо не придержал Ники за пояс. Он помог ему сохранить равновесие, выпрямил его ноги и поставил на ступни две тарелки.

– А теперь, марш мыть посуду!

Николай сосредоточился и начал поочередно переставлять руки по полу. Скоро он совсем наловчился. Оказалось, что ходить на руках здесь и в самом деле легче, чем на Земле. И все бы прошло благополучно, если бы не Села. Она опоздала к обеду и ворвалась в столовую со страшной скоростью.

– О! Это возмутительно! – закричала она. – Как тебе на стыдно заставлять старого человека ходить вниз головой!

Николай покачулся и, забыв про тарелки, расставил ноги, чтобы сохранить равновесие; тарелки с веселым звоном покатались по полу. Девчонка хотела как сумасшедшая, а он вскочил весь красный от прилива крови к голове.

– Села, не веди себя прилично, – строго заметил ей брат. – И не поднимай тарелки!

– Не слушаюсь! – весело ответила она и тут же подкрепила свои слова делом: одним броском встала на руки и с удивительной скоростью подбежала к тарелке, закатившейся в дальний угол просторного помещения. Там она выполнила настоящий акробатический номер; подняла тарелку ступнями ног, прогнувшись в «мостике» назад. Потом перенесла на секунду всю тяжесть тела на правую руку, а левой поднесла тарелку ко рту и ухватила за нее зубами. Но это было еще не все. Таким же образом она сходила за второй тарелкой, взяла ее в ноги и победоносно отправилась на кухню.

– Не смущайся, – сказал ее брат ошеломленному Ники. – У нас обед и обеденный отдых – время для наоборот. Так мы называем часы, в которые говорим и делаем все наоборот, не так, как обычно. Это веселее.

– И наверняка приносит большую пользу, – тихонько съязвил Ники Буян, чтобы сорвать досаду за свою оплошность. Однако Сашо как будто не заметил насмешки.

– Конечно. Будущий житель космоса должен быть постоянно готов к ситуациям, противоречащим человеческому разуму.

И Ники пришлось в душе признать, что он прав. Ведь они с Нуми видели немало такого, что противоречило трем их разумам, вместе взятым. Он нагнулся, уверенно встал на руки и спросил снизу:

– А теперь куда?

Сашо уже стоял рядом тоже вниз головой.

– Молодец! – сказал он. – Скоро ты станешь у нас отличником. Стоп, ошибка! Надо было сказать, скоро ты не станешь у нас отличником. А теперь – в спальню!

И он бодро зашлепал ладонями по полу. Ники последовал за воспитателем, еле сдерживая смех. Нет, здесь, кажется, и вправду весело живется, да и руководители – ничего ребята.

Время для наоборот явно продолжалось и в спальне. Никто из ребят не лежал на койке; кто стоял на голове, как древний йог, кто сидел, скрестив ноги по-турецки. Один мальчишка даже заложил ноги себе за шею, а двое или трое болтались по стенкам на крюках, будто тряпичные куклы. Были такие, что лежали на полу, согнувшись в три погибели, точно куча тряпья. Ну и отдых! – подумал Ннки, а студент обратился к ребятам:

– Я предлагаю, чтобы никто не садился и чтобы Николай ничего не рассказывал о своих приключениях в космосе.

Ники сначала опешил, но потом вспомнил, что и говорить они учатся наоборот. Ребята чинно расселись вокруг на пятках, как японцы. Ники тоже было попробовал сесть так же, но у него хрустнуло в коленке и он вытянул ноги вперед. Сашо сел рядом и приготовился переводить.

Начинать пришлось с самого начала: с гигантской желтой тыквы, опустившейся у входа на выставку, а потом оказавшейся самым загадочным существом во Вселенной. Ребята, затаив дыхание, слушали пирранскую легенду о том, как малогалоталотимы расселили людей по разным мирам, чтобы спасти их от потопа и землетрясения. Одна Села не выдержала:

– Не может быть! Это ты не сам выдумал!

Ну, ладно, решил Николай, я тоже умею говорить наоборот.

– Да, и потом мы не сели на пустынную планету, и на ней не было никакого моря, и в нем не плавали вот такие рыбы, которые не откусывали друг другу хвосты. И потом за нами не погнался никакой вот такой зверь, у которого не было двухметровых усов, вот таких...

– Сашо перебил его:

– Не обращай на них внимания, говори нормально. А вы, – обратился он к ребятам, – не слушайте и все время перебивайте!

Но Ники не удалось продолжить свой рассказ. Дверь шумно распахнулась, в спальню заглянул врач базы и поманил мальчика рукой. Села живо вскочила, готовая драться за свою «находку».

– Николай принадлежит не только нам, но и всему человечеству, – сказал ей врач по-русски, стараясь как можно медленнее произносить слова, – должно быть, затем, чтобы гость тоже понял его.

Однако Села не собиралась отказываться от своих прав ради человечества и дерзко последовала за ними. В столовой их ждали трое – двое мужчин и женщина; скафандры у них были куда изящнее, чем те, в которых работали ребята. Они встретили Ники дружелюбной улыбкой и сердечным рукопожатием. Однако Ники встревожился. Женщина что-то проговорила, но ее слова прозвучали так мягко и так ласково, что казалось, будто она поет. Сашо перевел:

– Они прибыли с Земли. За тобой. Не сердись, но мы не имеем права прятать тебя! Ты должен рассказать им обо всем, что пережил, они хотят исследовать все, что ты привез с собой. Если хочешь, я поеду с тобой вместо переводчика.

Ники уныло молчал; ему не хотелось уезжать от этих странных ребят. Сашо мягко сказал:

– Ты собери свои вещи, а я попрощаюсь с ребятами. Пока Ники собирал портфель и натягивал шлем,

Села подошла совсем близко к нему и спросила шепотом, хотя никто вокруг не понимал по-болгарски:

– Ники! А как выглядела эта Нуми?

– Вроде тебя, – отозвался он. – Только у нее было два мозга.

– А она красивая?

– Да.

– Ясно, – вздохнула Села. – Ты в нее влюблен. Ники даже задохнулся. Его ждет все человечество, а эта тут пристает с ерундой! Но все же ему стало жаль глупенькую девчонку, которая как-никак спасла ему жизнь, и он сказал:

– Но ты красивее.

Села просияла:

– Неужели правда?

Он не знал, что сказать. Села хорошая девочка, но он чувствовал себя виноватым перед Нуми и потому неопределенно помотал головой.

– Слушай, – зашептала она торопливо: ее брат уже вернулся и вся группа направилась к выходу. – Расскажи им наскоро все, что знаешь, дай им там на исследование что надо и возвращайся! У нас лучше! А там тебя начнут воспитывать, воспитывать... Я тебя буду ждать, слышишь?

На площадке перед ангаром торжественно сиял огнями всех иллюминаторов планетолет землян. Он был во сто раз красивее и больше учебных кораблей базы. Внутри тоже было все красиво и удобно устроено для долгого пути. Хватало и воздуха, так что все тут же сняли шлемы. Ники почувствовал, как они взлетели, а уже через десять минут корабль летел над освещенной стороной Луны.

Над ними, посреди черного, усыпанного звездами неба висело Солнце, подобно ослепительной шаровой молнии. Внизу простиралась сожженная пустыня спутника Земли. Щурясь от лучей Солнца, Ники вертел головой, оглядывая пространство, и наконец заметил сбоку большой пестрый шар, окутанный розовой пеленой.

– Земля! – подсказал ему Александр, хотя в этом не было необходимости: Ники и сам узнал родную планету.

Его охватила бурная радость. Но вскоре контуры земного шара расплылись и затуманились от слез, хлынувших ручьем. Раз он сейчас сидит здесь, в земном космолете, и видит свою родную планету, значит, время действительно убежало вперед и там уже никогошеньки лет из его близких и друзей. И эта родная Земля показалась ему вдруг ненужной и пустой, как воздушный шарик.

Мальчик так переживал, что не заметил, где и как сел красивый планетолет. Оказалось, что ему предстоит встреча с лунным городом, но и это его ничуть не тронуло. Мы не можем осуждать его. Если кому-нибудь из вас случилось попадать в подобное положение, он тут же подтвердит, что принадлежать всему человечеству – слабое утешение, когда ты потерял горстку людей, которым привык принадлежать, да и они привыкли принадлежать тебе.

7

Лунный город. В гостях у Александра. Трудно ли жить в космосе. Ники хвастается

Главный порт и здесь был выстроен под землей. Он ослепил Ники огнями. Каждую минуту взлетали и садились космолеты и планетолеты самых разных размеров и очертаний. Они появлялись и исчезали совсем бесшумно, и все же казалось, что их здесь куда больше, чем людей. По-видимому, вся работа порта подчинялась автоматическому управлению. И называли его «порт», а не аэропорт, потому что – «аэро» значит «воздух», а на Луне, как известно, воздуха нет.

Однако в порту воздух был. Необыкновенно свежий и вкусный воздух, и Ники не мог им надышаться, следуя за Александром и тремя учеными, которые, беседуя друг с другом, шли к небольшому перрону. Ники подумал, что будь здесь Нуми, она тут же выучила бы все их языки... И ему опять стало грустно, что ее нет рядом.

– Ученым не терпится, – сказал ему Сашо, когда они остановились на перроне. – Не удивляйся, ведь ты для них – исключительное явление. Они даже спросили, не можешь ли ты сразу поехать к ним в Институт, но я сказал, что сначала ты зайдешь ко мне, отдохнешь, а уже потом я тебя туда отвезу. А пока отдай им свой портфель и одежду.

– А что я одену, когда сниму скафандр?

– В старой одежде тебе все равно лучше не показываться, – отозвался студент. – Тебя начнут останавливать на улице, любопытствовать, расспрашивать, а ученые не хотят пока поднимать шум. Не бойся, оденем тебя как настоящего жителя Луны.

Ники подал ученым свои вещи, и они быстро попрощались с ним, потому что к перрону подошел поезд. Он появился так неожиданно, будто выскочил из стенки. Раздвижные двери открылись, люди сели в него, двери закрылись, и поезд шмыгнул в противоположную стенку. С виду это был самый обыкновенный поезд, только коротенький, и шел он не по рельсам. Ники даже под вагоны заглянул, но и там ничего не было. Сашо по-своему понял его интерес.

– Нам в другую сторону. Ты что, не рад, что увидишь наш город?

– Да нет, почему, – не очень убедительно ответил Ники. Его беспокоило, что он безо всякой на то вины превратился в исключительное явление. Будь здесь кто-нибудь из своих, ему тут же прицепили бы кличку «Ники-Явление». Ведь покрикивал же он на Нуми: «Эй, экспериментик!» Только теперь он понял, что ей, наверное, не особенно было приятно. Потому и мы не станем давать мальчику эту кличку.

– Давай, я тебе покажу, как мы ездим. На всякий случай, если ты вдруг заблудишься, – сказал Сашо и повел его к концу перрона, где висела огромная карта города. Сашо нажал на кнопку и сказал:

– Сектор 148, дом номер три.

В густой сети линий на карте вспыхнула и поползла красная черта, в начале и конце которой светились цифры и буквы.

– Вот, – Сашо провел пальцем по черте, – здесь указана четверка, значит, нужно сесть на поезд номер 4. На этой букве пересаживаешься на девятку, а на этой – выходишь. Запомни: сектор 148, дом три – это мой адрес.

– А если не знаешь адреса?

– Не знаешь – спросишь. Ну, про кого бы нам спросить... Давай про Селу, – и он снова нажал на кнопку, но два раза. Черта погасла, и Сашо попросил: – Будьте добры, скажите адрес Селены Диевой.

Красная черта, словно струйка крови, снова поползла по карте, опять загорелись какие-то буквы и цифры, а в конце синим светом загорелось: 148/3.

– Видел? Совсем нетрудно.

– Это, наверное, компьютер, – заявил Николай, чтобы показать, что и он не лыком шит; в нем заговорил Ники Буян, который до сих пор молчал, подавленный непонятным ему будущим человечества. – А если даже не знаешь имени человека, который тебе нужен?

Ему тут же стало стыдно за дурацкий вопрос, но Сашо не обиделся, а рассмеялся.

– Ну, тогда дело труднее. Но ты можешь спросить у компьютера, где можно поесть и переночевать, и он укажет тебе ближайшую гостиницу, где есть свободные места. А уж в гостинице можешь спокойно посидеть и вспомнить нужное имя или решить, куда тебе пойти.

– Но это, наверное, страшно дорого!

– Конечно, – снова засмеялся студент. – Для тех, кто приезжает на Луну сам не зная зачем и кому некуда себя деть, это обошлось бы очень дорого. А для нас это не стоит ничего, потому что мы за все платим своим трудом. Не бойся, ты наш гость и тебе ничего платить не придется.

Мимо них уже проскочило два подлунных поезда. На третий они сели и устроились в двойном кресле. У Ники сразу засосало под ложечкой: должно быть, поезд мчался со скоростью самолета. Мальчик осмотрелся. В глубине вагона сидело несколько человек, и ни один из них не обратил на него никакого внимания. Значит, по внешнему виду он ничем не отличается от здешних жителей! Хорошо это или плохо?

Однако Сашо не дал ему подумать над этим мучительным вопросом, он принялся описывать лунный город. У Ники тут же выскочили из головы все тревожные мысли – так удивительно было то, что рассказывал студент. Оказывается, здесь живет свыше пяти миллионов человек, но это еще не все. В сущности, город – столица целого государства, потому что вокруг, в космосе, есть еще пятнадцать городов-спутников, где живет по миллиону человек, и строятся все новые. Все самое красивое и дорогое, что создает Земля, она посылает жителям космоса, чтобы они не тосковали по ней. И они это заслужили. Почти вся земная промышленность вынесена в космическое пространство, чтобы не загрязнять земную природу, и жители космоса составляют ту часть человечества, которая трудится в самых тяжелых условиях.

Однако и на Луне была красивая природа. Сойдя с подлунного поезда, они оказались в большом саду, среди деревьев и пышных цветов. Ветви деревьев гнулись под тяжестью плодов, напоминавших яблоки.

– А это можно есть? – спросил вечно голодный Ники.

– Для того они и посажены, – ответил Сашо и сорвал один плод. – Здесь все деревья – фруктовые. Мы не можем позволить себе роскошь выращивать деревья только для украшения, как на Земле. Я ведь тебе сказал, что мы живем в трудных условиях.

Ники все же не понимал, что тут трудного. Сад ничем не отличался от самых красивых земных садов. Правда, яблоко не похоже на земное, потому что здешние растения выведены специально для лунных условий, однако все равно очень вкусное.

За садом начиналась улица, похожая на аллею; по ее сторонам тоже росли деревья, усыпанные самыми разными плодами. За деревьями через каждые двадцать метров виднелись красивые, будто нарисованные, двери без домов. Ну да, так и должно быть; дома здесь, наверное, тоже спрятаны под землю, а вернее, высечены глубоко в лунных недрах. Ники первым увидел дверь с табличкой «№ 3». Сашо открыл дверь. Они оказались не на площадке или в коридоре, а в огромном лифте, где висел список имен. Их было с полсотни, и возле каждого красовалась кнопка.

– Целый небоскреб! – удивился Ники, глядя, как Сашо нажимает нужную кнопку.

– Да, только он построен не вверх, а вниз. Уже не говоря о том, что на Луне нет неба, дорогой соотечественник.

– Тогда луноскреб, – не сдавался Ники Буян, хотя в животе у него опять похолодело: должно быть, лифт двигался со скоростью самолета, опускаясь в недра Луны.

Через несколько минут его дверь сама открылась и пропустила их в скверик, тоже залитый невидимым солнцем, как и весь этот удивительный город. В скверик выходило восемь дверей, и Александр открыл первую слева.

– Добро пожаловать в наш дом, дорогой дедушка! Ники заметил, что дверь не была заперта. Конечно, здесь, в этом богатом и красивом будущем, некому воровать, да и зачем? Небось, у каждого есть все, что нужно.

В квартире было темно. Студент протянул руку и нажал на кнопку возле двери. В помещение ворвался тот же весенний день, воздух, благоухающий незнакомыми травами. Ники застыл на месте. Такой обстановки он не видывал даже в кино про миллионеров.

– А теперь – бегом в ванную! – прикрикнул на него Сашо, снимая тяжелый скафандр. – Он был явно рад, что попал домой.

Ники не стал спорить: в этом просторном, блестящем чистотой жилище он вдруг почувствовал себя ужасно грязным.

– Не стесняйся, дома никого нет, – сказал Сашо. – Мама в пяти миллионах километров отсюда.

Он привел Николая в просторную комнату, до потолка облицованную чем-то блестящим и розовым и разгороженную на три полуотсека. В первом они сбросили скафандры и вошли во второй отсек. Тут полагалось нажать сначала на сиюю кнопку, а потом на красную, и крепче закрывать глаза и рот, потому что мытье было химическое.

И действительно, на них обрушилась не вода, как полагалось бы в любой нормальной ванной; тело со всех сторон покалывали тоненькие струйки синей жидкости. Она ручьями стекала вниз и исчезала в полу, оставляя после себя легкий и приятный аромат.

Ники хотелось подольше постоять под удивительным душем, но на Луне все было явно строго отмерено и дозировано, и душ выключился сам. Как только жидкость перестала течь, Сашо нажал на красную кнопку, и их обдуло горячим ветром, который тут же осушил кожу, а потом заставил поежиться, потому что стал холодным, и тоже выключился.

За третьей перегородкой висело большое зеркало и стоял какой-то ящик, похожий на аппарат. Сашо взял с крышки нечто вроде пластмассовой книги, которая оказалась журналом мод, и начал ее перелистывать под носом у Ники:

– Выбери себе одежду и запоминай, как надо действовать. Под каждой моделью проставлен номер, а вот здесь буквами обозначен рост и размер. Дай-ка я на тебя посмотрю! Ты парень рослый, почти с меня. Нравятся тебе эти брюки? А эта куртка к ним не подойдет?

Ники понравились и брюки, и куртка со множеством карманов.

– А белье?

– Какое белье? А, эти твои штуки? Нет, мы такого не носим. Здесь, в городе всегда тепло, а на поверхности такой холод, что никакое белье не спасет, если скафандр не в порядке. Заказываешь одежду, носишь день-два и выбрасываешь. Ну, смотри внимательно! Сначала набираешь номер модели – это для брюк, это для куртки. Потом буквы размера.

Палец Сашо медленно крутил диск вроде телефонного, встроенный в крышку ящика. И как только он кончил, передняя стена ящика куда-то исчезла, а в руки Николая по наклонному желобу скользнули веселой расцветки брюки и куртка, идеально выглаженные. Он поскорее оделся, потому что чув-

становал себя неудобно, стоя нагишом перед зеркалом; костюм сидел как влитой, будто был сшит лучшим портным по заказу. Ники так понравился сам себе, что был готов тут же броситься на улицу; он забыл, что не встретит там никого из соседей, которым можно было бы похвастаться новой одеждой.

– Ну вот, теперь ты настоящий лунянин, – обрадовался студент. – Завтра нажмешь вот на эту кнопку, – он показал, как это делается, и в той же стенке открылся второй желоб, уже с обратным наклоном. – Бросишь одежду вот сюда, и она поступит в центр обслуживания на переработку, а ты себе закажешь новую. Если не нравится, можешь вернуть хоть сейчас.

– Как вернуть? – Ники даже немножко испугался. – Все такое красивое!..

Сашо и себе заказал одежду, после чего повел гостя на кухню. Она походила на небольшой элегантный салон-гостиную. На стенах висели картины-окна в неведомый фантастический мир. Наверное, это были пейзажи Других планет. И только на одной из стен было приделано что-то вроде широкой блестящей полки, над которой светился длинный, в шесть столбцов, список блюд и напитков.

– Сегодняшнее меню, – указал Сашо на список. – Нажимаешь вот эту кнопку и произносишь название блюда по-русски или по-английски. Давай попробуй, только выбери что-нибудь полегче для желудка. Вот привыкнешь, тогда и ешь хоть все сразу.

Ники ничего не понял из того, что было в списке, и снова – уже в который раз! – мысленно обругал себя за то, что в свое время не учил иностранные языки как следует. Увидев знакомое слово «молоко – милк», он произнес его, а потом беспомощно сказал:

– Лучше ты мне выбери что-нибудь.

Студент произнес несколько незнакомых мальчику русских слов, и снова, как у автомата-портного, открылась перед ними стена. За ней оказалась широкая резиновая лента транспортера, которая вытолкнула на полку большой стакан молока, тарелку какой-то кашицы и три печенья.

– Пока с тебя хватит. Когда поешь, поставишь тарелки и приборы на ленту, она их уберет. Придется тебе привыкать к тому, что здесь у нас каждый сам себя обслуживает.

– Да, жизнь у вас трудная, ничего не скажешь, – заметил Ники Буян. – Автоматы одевают и обувают, автоматы кормят и моют посуду...

– У каждого времени свои трудности, дедушка. С нашими ты еще познакомишься. Космос безжалостен к человеку, и тот, кто в нем живет, всегда тяжело трудится и рискует жизнью. Но раз тебе здесь не нравится, возвращайся в лагерь, – отплатил ему за насмешку студент. – Ты же сам видел, там живут, как жили когда-то самые бедные люди на Земле... Давай доедай – и в кровать, потому что нас уже ждут!

Покончив с едой, Сашо устроил Ники в комнате Селы, показал, как гасить освещение. Кровать тут же начала слегка покачиваться, а в ушах зазвучала тихая убаюкивающая музыка. Николай решил было сопротивляться подступающему сну, ему хотелось еще раз перебрать в уме все, что он узнал и увидел за этот день, но глаза его сами собой закрылись, и он уснул.

Сашо разбудил его, когда он с гордостью водил Нуми по подлунному городу и говорил:

– Вот, смотри, как живет теперь наше человечество! А у вас на Пирре есть такие города?

Наконец жвачку оценили по заслугам.
 Как выглядит затмение на Луне.
 Ники Буяну хочется в школу

В Институте Николаю пришлось отдать и пирранский скафандр вместе со всем, что в нем было. В последнюю минуту он спохватился и начал перекладывать в новую куртку рогатку с проволочными скобками и остатки жвачки, но на беду был замечен. Женщина, которая явно руководила прибывшей с Земли группой, сказала на довольно ясном русском языке:

– Ты ничего не должен от нас прятать. Что это?

– Игрушки. Детские игрушки, – смущенно ответил Николай. – Они не из космоса, а земные...

Но один из ученых уже заряжал рогатку, и Ники крикнул:

– Осторожно, только не по людям! А то будет очень больно!

– Значит, это вид оружия? – засмеялся тот. Ники стало обидно за рогатку, и он сказал Сашо, который неотлучно находился при нем в качестве переводчика:

– Если они хотят знать, это оружие спасло нам жизнь на планете звездных жителей.

Конечно же, он приврал, потому что вовсе не рогатка, а газовый пистолет спас ребят, но Ники никак не хотелось с ней расставаться. Однако студент-воспитатель самым бесцеремонным образом сунул рогатку к себе в карман, заявив при этом:

– Здесь она тебе не понадобится, а в учебном музее У нас такого экспоната нет.

Пришлось расстаться и со жвачками. Ученым стало очень весело, когда Ники показал им, как нужно выдувать пузыри; отсмеявшись, они сказали ему – через Сашо, – что человечество, пожалуй, сделало ошибку, забыв об этой забаве. Правда, все время жевать – не очень красиво, но зато наверняка весьма полезно человеку повсюду, где сила притяжения невелика, потому что спасло бы от расслабления челюстных и лицевых мускулов. И Ники обрадовался, что человечеству придется осознать эту свою ошибку и что не кто иной, как он, этому помог.

Он подробно рассказал все, что знал о пирранском скафандре, показал, как менять патроны с воздухом, водой, питательными таблетками, объяснил, какая трубочка в шлеме для чего служит. Студент, который был почти одного роста с Ники, предложил испробовать на себе скафандр на поверхности Луны, и Ники помог ему одеться. Для Ники же подобрали – должно быть, опять-таки с помощью автомата, – подходящий лунный скафандр, который оказался куда легче и лучше, чем те, которые носили в лагере, и все-таки проигрывал пирранскому по очкам, как некогда выражались на Земле.

Они не стали возвращаться в порт, а доехали на подлунном поезде до какого-то ангара; там подождали, пока из помещения откачают воздух, и перед ними открылась огромная металлическая дверь, ведущая в полутемный туннель. Туннель тянулся метров на двадцать, и пройдя их, они ступили на поверхность Луны.

Сначала Ники был ослеплен сильным светом, однако щиток его шлема скоро потемнел, и он увидел огромные бетонные полигоны, на которых возвы-

шались, как холмики над кротовыми норами, какие-то постройки. Где-то вдали взлетали и садились разноцветные планетолеты разных очертаний; казалось, они горят в невидимых лучах Солнца, как праздничные ракеты.

Да, лучи Солнца были невидимы, потому что тут не было атмосферы. Солнце походило на огромный огненный шар с размытыми контурами, брошенный среди звездной бесконечности, и все же лило на Луну такой свет и жар, от которых спасал только скафандр.

Студент начал осторожно подпрыгивать и вертеться, ощупывать свое тело, облаченное в непривычно тоненький пирранский костюм; при этом он непрерывно что-то говорил по-русски – должно быть, докладывал свои наблюдения ученым. Слов Ники не понимал, но голос парня звучал восторженно, и мальчик чувствовал такую гордость, будто он сам смастерил чудесный скафандр. Вот что-то сказала женщина, Ники ее не понял. Сашо что-то ей ответил, и трое ученых повернули к туннелю.

– Мы ненадолго останемся, – сказал Сашо по-болгарски Ники. – Я хочу кое-что тебе показать.

Он поднял руки к небу, и Ники увидел Землю. Огромная, потемневшая сфера Земли подошла совсем близко к Солнцу.

– Скоро мы окажемся в ее тени. Она пройдет между нами и Солнцем.

Земля двигалась со страшной быстротой и с каждой минутой чернела все больше. Но может быть, это не она, а Луна движется с такой скоростью? Ведь Луна вращается не только вокруг своей оси, но и вокруг Земли? Сейчас на этой ее стороне ночь, там все спят, с грустью подумал Ники. Постой! Раз они сейчас войдут в земную тень, значит, будет полное затмение, и жители Земли выйдут на улицы смотреть его, как и сам он выходил когда-то...

Земля уже съела краешек огненного шара и постепенно поглощала его. Лунный горизонт совсем почернел и придвинулся очень близко. Чернота бежала им навстречу, как стена, упирающаяся краями в космос. Вскоре она достигла бетонных построек, и они растворились во тьме. От Солнца остался только раскаленный докрасна уголек. Скоро и он исчез, мрак залил ребят, по стеклу шлема тут же просветлело, и Ники увидел необыкновенное зрелище. Земля, закрывшая Солнце, была похожа на черную дыру, по краям которой буйно трепетали розовые и оранжевые языки пламени. Ему даже стало страшно, – а вдруг не Земля поглотила Солнце, а Солнце поглотило его родную планету, – но Ники тут же сказал себе: постой, ведь это же, в сущности, не лунное, а солнечное затмение! Или, может быть, для Луны оно солнечное, а для Земли – лунное! Но раз мы здесь видим Землю такой черной, значит, это может быть и земным затмением... Буф-ф! – вздохнул Ники, – ну и путаница в этом космосе с его вечной относительностью...

Однако Сашо так и не дал ему окончательно определить явление, которое они наблюдают.

– Посмотри вон на те звезды, которые движутся с такой скоростью... Вон там, и там, и там... – сказал он, показывая рукой на небосвод.

Ники уже видел их в самом начале своего пребывания на Луне и еще тогда догадался, что они сотворены руками человека.

– Это космические города, о которых я тебе рассказывал. Отсюда видны не все, а только ближайшие из них. А вон то яркое пятно, видишь, которое движется рядом с тем городом? Там сейчас строится первый звездолет. Его собирают прямо в космическом пространстве, уж очень он велик.

Ники даже задохнулся от волнения. Звездолет? Значит, он полетит к звездам?

– А когда он вылетает?
– Года через три-четыре, – ответил Сашо, не подозревая, какое разочарование вызвал в душе мальчика.

Ники снова посмотрел на Землю и увидел, что она как ошпаренная бежит прочь от Солнца. Сбоку от нее вынырнул огненный серп, он быстро рос и вскоре безжалостное светило снова залило Луну зноем, а его свет поглотил далекий звездолет.

– Ну как, понравилось? – спросил Сашо.

– Да, – вяло ответил Ники.

Студент-педагог тут же угадал причину его плохого настроения.

– Если ты решишь вернуться на Землю, найдешь новых друзей. Сейчас там очень красиво, люди хорошие, и вообще...

– Конечно, – перебил Ники, – и меня засунут в музей, как ты сунешь в музей мою рогатку. Скажи им, чтобы меня взяли на звездолет.

– В экипаж будут отбирать людей, прошедших специальную подготовку. А насчет музея выброси из головы!

– Но я могу показать им дорогу на Пирру!

– А ты знаешь, где она?

– Не знаю, – признался Николай. Но Сашо не стал над ним смеяться.

– Я передам комиссии твое желание. Может быть, ты действительно окажешься полезным во время полета. Но тогда тебе придется остаться на Луне, чтобы твой организм приспособился к космосу, и многому, очень многому научиться.

– Конечно! – твердо заявил Николай, испытывая давно забытое чувство радости.

Ему впервые захотелось попасть в школу, сесть за парту. И это нетрудно понять. Каждый из вас, кто долго не ходил в школу по той или иной причине, знает, что в конце концов начинает скучать по родной парте, по товарищам и даже по некоторым учителям.

9

Ники не желает быть
выдающимся гражданином.
Какими бывают межзвездные разговоры.
Истина – жестокая вещь

Настоящая работа, однако, началась только тогда, когда они вернулись в Институт. Николаю пришлось самым подробным образом рассказать всю историю своих приключений. Его то и дело перебивали, по несколько раз заставляли объяснять одно и то же, рисовать Мало снаружи и изнутри.

Рисовал он неважно, и все-таки и сомо кусапиенс у него получился похожий, и гигантские животные, и клетчатые лизуны. Во многом помогли записи, которые он надиктовал в аппарат пирранского скафандра. Зато звездные жители и обитатели Райской планеты на его рисунках почти не отличались друг от друга, хотя в жизни были очень разные. Но что поделаешь, если он не умеет рисовать людей.

Дольше всего его мучили, когда он описывал рас – положение звезд перед посадкой на каждую планету, особенно на Пирру. Ему даже показывали разные звездные карты, но на этот вопрос Ники Буян не мог дать удовлетворительного

ответа. До того ли ему тогда было! Сейчас-то он понимал, как это важно для экипажа будущего звездолета, и все время сам себя ругал в душе за ненаблюдательность.

Его и самого исследовали какими-то аппаратами, делали бессчетное количество снимков – и изнутри, и снаружи. И наконец отпустили совсем обессиленного, да еще дали диктофон и попросили записать и зарисовать все, что он вспомнит дополнительно. Аппарат записывал звук, как старинный магнитофон, кроме того, сверху у него был экран, на котором можно было рисовать палочкой. Нарисуешь картинку, нажмешь кнопку, аппарат передает рисунок в свою электронную память и освобождает экран для следующего рисунка.

– Ты сказал им про звездолет? – спросил Ники своего переводчика, когда ученые занялись аппаратами и перестали обращать на него внимание.

– Да, – ответил Сашо, – но об этом еще рано думать. Все равно решать твою судьбу будут не они, а другие люди.

Ники возмутился.

– Это еще почему? Я сам буду решать свою судьбу!

– Ты, дедушка Николай, стал выдающимся гражданином мира, а выдающиеся граждане должны делать то, что от них требуется, а не то, чего им хочется. Я попросил комиссию, чтобы тебя оставили при мне, пока ты не привыкнешь к новому миру.

Ники обрадовался.

– Давай вернемся на базу, а?

– Надо подумать, – хитро улыбнулся воспитатель. – Куда такому старику, как ты, ходить в школу! И потом ученики – тоже вроде выдающихся граждан, они должны делать что полагается, а не что захочется.

– Я буду хорошо учиться, вот увидишь! – горячо заверил его Ники и потом выпалил то, о чем уже давно думал: – Сашо, у вас, наверное, есть очень мощные передатчики. Можно мне послать сигнал по радио? Вы пошлете мои слова в космос, а на Пирре их наверняка услышат. Ведь Нуми уже рассказала им про меня, и они знают, на какой длине волны мы разговариваем. Она вам и скажет, где они находятся. И звездолет полетит куда надо.

Студент явно не разделял его восторга.

– Идея интересная. Но если ты собираешься поболтать со своей Нуми про разные дела, то из этого ничего не выйдет. Мы уже давно и наверняка знаем, что на расстоянии двадцати световых лет вокруг нас нет ничего живого. Значит, эта твоя Пирра очень, очень далеко.

– А может, раньше они просто не понимали вас, а теперь Нуми сможет им переводить, – настаивал на своем Ники.

– Дедушка, не горячись, лично мне твоя идея нравится, и я сейчас скажу им о твоём предложении. Но ты сам убедишься, что некоторые вещи просто невозможны.

Молодой воспитатель коротко поговорил с женщиной, склонившейся над каким-то аппаратом. Она задумчиво кивнула, что-то ответила, куда-то показала рукой и мило улыбнулась Ники. Кажется, ей предложение тоже понравилось.

Сашо повел мальчика по коридору, осматривая бесконечные двери с непонятными надписями. Он пояснил на ходу:

– Сейчас я тебя познакомлю с моей мамой.

– Но ведь она у тебя где-то ужасно далеко! – удивился Ники.

– Именно. Вот и посмотришь, как это делается. Наконец они нашли нужную дверь и оказались в каком-то подобии кабины, набитой аппаратами и эк-

ранами. Сашо тут же подсел к одному экрану. Нажал какой-то рычажок, экран вспыхнул, и Сашо заговорил с ним по-русски, хотя никакого изображения там не было.

– Прошу связать меня с районом Юпитера, спутник Европа, восьмая база. Прошу Велину Диеву.

– Заказ принят. Можете передавать сообщение, – вежливо ответил пустой экран.

Сашо схватил Ники за рукав, притянул к себе и заговорил по-болгарски, но медленно и раздельно, будто диктовал письмо.

– Здравствуй, дорогая мама! Как видишь, я жив и здоров. Села чувствует себя хорошо и учится отлично. Пользуюсь служебной поездкой в город, чтобы поговорить с тобой. Надеюсь, что ты тоже здорова и бодра и что твой муж вернулся с Сатурна. А теперь посмотри на паренька, который стоит рядом со мной, и запомни его! Он представляет собой исключительное явление большой важности для всего человечества. Наверное, скоро ты сама о нем узнаешь из научных бюллетеней. Его зовут Николай Буяновский, мы обнаружили его возле нашей учебной базы. Мне поручили заботиться о нем, так что не знаю, смогу ли я провести каникулы с тобой. К сожалению, не имею права ничего больше говорить до появления официальных сообщений. Желаю тебе всего самого хорошего и до скорого свидания. Стоп.

– Сообщение передано. За ответом явитесь в девятнадцать часов по лунному времени, – сказал экран и погас.

Сашо устало потянулся, а исключительное явление робко спросило:

– Сашо, а где же твоя мама?

– Еще увидишь. Ну, понял, что беседовать с твоей пирранкой так, как тебе хочется, просто невозможно? Пошли погуляем.

Они вышли из института и снова оказались в саду, полном цветов и плодовых деревьев. Он был похож на уголок Райской планеты.

– Можешь рвать вон с того дерева, – сказал Александр. – А пока будешь жевать, я тебе кое-что объясню.

Ники тут же выбрал самое крупное лунное яблоко – есть другие плоды молодой воспитатель пока ему не разрешал. Ничего, пусть только желудок привыкнет к здешней пище, он покажет кухонным роботам, что такое хороший едок!

Глядя, с какой жадностью мальчик впился зубами в яблоко, Сашо засмеялся:

– Эх ты, ненасытный!.. А теперь слушай: этот самый спутник Юпитера находится примерно в пятистах тридцати миллионах километров отсюда. Как видишь, совсем пустяковое расстояние по сравнению с межзвездными, правда? Но мое сообщение дойдет дотуда через разные ретрансляторы за час, хотя движется оно с наибольшей возможной скоростью – скоростью света. Если маму тут же найдут, она подойдет к экрану, выслушает мое сообщение и потом ответит мне. И ответа придется ждать еще один час.

Сашо медленно шел по узкой дорожке между цветами. Ники даже перестал жевать – так ошеломила его ужасная догадка.

– Теперь представь себе, как выглядел бы твой разговор с Нуми. Допустим, что Пирра находится не очень далеко, например, в двух десятках световых лет от нас. Ты ведь знаешь, что расстояния между звездами измеряются временем, за которое доходит до них свет? Их можно выражать и в километрах, но тогда получаются чересчур большие числа, а это неудобно. Так вот, если ты сейчас здесь скажешь: «Дорогая Нуми, познакомься с моим товарищем с Луны

Сашо Диевым», то в лучшем случае твоя Нуми увидит тебя на экране лет через двадцать. Тогда ей будет года тридцать два – тридцать три. А мы будем – конечно, на экране, – такими, как сейчас, одному двадцать один год, другому – четырнадцать. Представляешь себе, дедушка Николай, что она тебе ответит? «Мне очень приятно, Ники, познакомиться с твоим другом. Кажется, он чудесный парень, жаль только, что слишком молод, а не то я бы с удовольствием вышла за него замуж».

Ники глотал уже только слезы, однако воспитатель шел впереди и ничего не замечал, все так же весело фантазируя:

– Мало этого. Для того, чтобы услышать ее ответ, мы с тобой, дедушка Николай, должны будем явиться к экрану еще через двадцать лет, то есть через сорок. Тогда тебе будет пятьдесят четыре года, а мне шестьдесят два. Посмотрим мы с тобой на красивую женщину тридцати лет, и ты с огорчением скажешь ей: «Ах, Нуми, зачем ты так! Разве ты меня больше не любишь? Это я хочу на тебе жениться, а не Сашо, он уже старый хрыч!» Но пока твои слова долетят до нее, ей уже будет семьдесят три года, вот и окажется, что женихи мы с тобой – неподходящие. И она засмеется: «Милые дети, я уже старовата для вас. Давайте поговорим о чем-нибудь другом». Однако ее слова, Ники, дойдут до нас еще через сорок лет, когда тебе будет уже девяносто четыре года, и Мне будет очень обидно, что какая-то семидесятилетняя пирранка относится ко мне безо всякого уважения. Но если я ей скажу: «Ты что, какой же я ребенок в свои сто один год!», она рассердится, потому что услышит мои слова, когда ей исполнится сто тридцать лет, а старики – народ раздражительный. Ну и раскудается же наша старушка! Хорошо, что мы-то с тобой ее слов уже не услышим, потому что для этого нам придется прожить еще по сорок лет, что не каждому удастся...

Ники даже подавился кусочком яблока. Сашо обернулся, увидел, что мальчик кашляет и вытирает слезы, но, наверное, не догадался, что слезы эти – не от кашля, потому что продолжал все так же бессердечно:

– Вот что такое межзвездные разговоры, дорогой Ники! Поверь, это мучительная история. А если Пирра находится в сотнях, в тысячах световых лет от нас? Тогда ваш разговор вообще не состоится. Понимаешь?

Ники уже не слушал, оглушенный горем. Однако молодой воспитатель говорил истину, а истина – увы – вещь беспощадная. Каждый из вас, кому приходилось вести межзвездный разговор с какой-нибудь девочкой с далекой звезды, – не в мечтах, а по радио или телевидению, – знает, какая это мучительная история.

10

Можно ли считать дикарями людей прошлого.

Земля вызывает Пирру,

и снова появляется Малогалоталотим

Встреча с матерью его лунных друзей еще больше расстроила Ники. Она казалась такой взволнованной на большом цветном экране, что ему снова захотелось плакать. Сначала она очень мило поздоровалась с обоими, а потом обратилась к Сашо:

– Здравствуй, сын, спасибо, что вспомнил обо мне. Я уже начала беспокоиться, ведь в лунном лагере не безопасно, правда? Будь осторожен, мой мальчик, береги ребят, которых тебе доверили, но и себя тоже береги.

Поцелуй от моего имени озорницу Селу. У нас здесь все в порядке и вам не о чем тревожиться. О каникулах мы еще договоримся, но было бы хорошо, если бы ты привез с собой своего нового товарища. Он очень симпатичный паренек, – и она кивнула прямо Ники, будто знала, где он сейчас находится, – но почему ты так таинственно о нем говоришь? Ты, наверное, шутишь, в наше время от людей нет никаких тайн. Ничего, так даже интереснее, а имя у него и вовсе загадочное. Николай Буяновский. Глядя на его озорную мордашку, я заранее могу сказать, что буду звать его Ники Буян. Пусть только он не сердится. Целую вас, ребята! До скорого свидания!

Она даже ухитрилась послать им воздушный поцелуй прежде, чем неумолимый экран сказал: «Стоп!» В сущности, поцелуй был безвоздушный, потому что между Луной и Юпитером никакого воздуха нет.

– Чудесная у меня мама, правда? – засмеялся Сашо. – Видишь, она тебе уже и прозвище придумала!

Ники не сказал ему, что уже давно является обладателем этого прозвища; он видел перед собой свою собственную маму безо всяких экранов. Пусть она не такая красивая, пусть иногда дает сильные, но всегда заслуженные подзатыльники. Его грудь обручем сдавила дикая тоска по матери. Воспитатель, должно быть, угадал состояние Ники и обнял его за плечи.

– Дедушка, каждый человек рано или поздно расстается с семьей. Ты думаешь, у нас с Селой есть родители? Отец давно погиб, а маму видим раз в месяц, на экране. А ты уже мужчина, старый космический волк, и тебе не полагается раскисать. Не то будет стыдно перед малышкой, правда? И между прочим, они тоже разбредутся по всей Солнечной системе, как только кончат школу.

– И все-таки, – шмыгая носом, сказал Ники, – мне будет нелегко у вас...

Он хотел сказать, что у Селы есть хотя бы старший брат, но Сашо перебил его:

– Я давно мечтал о том, чтобы у меня был братишка. Теперь ты будешь мне братом. А от брата ничего нельзя скрывать, и я тебе доверю одну тайну. Мама думает, что тайн нет, но и она еще ничего не знает. Я тоже кандидат в члены экипажа звездолета, уже готовлюсь к испытаниям. Если хочешь, будем готовиться вместе. Вот было бы здорово, если бы нас обоих приняли!

Да, молодой воспитатель умел разговаривать с мальчишками, а Ники умел представлять себе что угодно, и у него полегчало на душе.

В лагере их встретили бурным восторгом. Села набросилась на Ники как сумасшедшая и завертела его по столовой в бешеном танце, да так, что у него закружилась голова. Александру с трудом удалось остановить ее. Он сказал:

– Разреши представить тебе твоего нового брата. Мама его усыновила и даже дала ему имя: Ники Буян.

Тут девочка закружила их обоих. Конечно, на Луне это нетрудно, ведь здесь все в шесть раз легче, чем на Земле. Однако, в лагере на все отводилось строго определенное время, потому что там господствовал суровый режим, который соблюдали все школьники.

Этому режиму должен был подчиняться и гость из прошлого. Правда, ему было куда тяжелее. Ведь ему приходилось учить то, что каждый лунянин знал чуть ли не с рождения, а таких вещей было, ох, как много. Но стоило ему впасть в отчаяние, и Сашо выводил его на поверхность, показывал яркое пятно, светившееся среди звезд, и они вместе начинали мечтать о будущем полете. А один раз названный брат просто отругал его:

– Ники, почему ты от меня таишься! Как я могу тебе помочь, если не знаю, что тебя мучает!

– Кто возьмет на звездолет такого дикаря...

– Какого дикаря? – не понял студент. Ники чуть не плакал.

– Такого! Туземца! Представителя отсталых племен! Что, на Земле уже таких нет? Значит, я последний!

Молодой воспитатель строго посмотрел на него:

– Ты, брат, не отсталый и не глупый. Ты просто перепрыгнул через время, за которое многое изменилось. И потому тебе трудно. Ведь ты помнишь, что в Институте в первую очередь исследовали твой мозг? Это было необходимо, мы должны были решить, можно ли тебе верить. Ты знаешь, что оказалось? Что у тебя тот же коэффициент интеллигентности, как выражаются специалисты, что и у наших лучших учеников! Так что нечего оправдываться отсталостью, слышишь? Кроме того, человек из прошлого – еще не значит глупый человек. Глупые люди есть и сейчас, найдутся и в будущем. Все знания, которыми мы владеем, добыты не нами, не мной, не Селой. Разве не так? Будь спокоен, в Институте уже разрабатывают для тебя специальную программу, ты быстро догонишь своих ровесников. Кстати, тебе приготовили сюрприз. Пошли, они, наверное, уже прилетели.

Два незнакомых человека ждали в пустой столовой. На столе была расставлена какая-то аппаратура. Сказывается, они прилетели затем, чтобы записать обращение Ники к Пирре и послать его в космос. Может быть, когда-нибудь оно дойдет до пирранцев и они его расшифруют. Пусть даже на это уйдут века, главное, существует надежда, что хотя бы грядущее человечество установит связь с далекими собратьями. Незнакомцы даже привезли текст послания.

Ники так разволновался, когда начал читать: «Земля вызывает Пирру, планета Земля вызывает Пирру...», что ему пришлось несколько раз повторить все сначала. Он заикался чуть ли не на каждом слове. Его заставили передохнуть, выпить стакан сока и только после этого ему удалось прочесть послание без запинки. Это было нелегко, потому что там было полным-полно формул и научных проектов о том, как и где двум цивилизациям искать друг друга.

Покончив с готовым текстом, мальчик, затаив дыхание, спросил, можно ли ему что-нибудь добавить от себя. Ему сказали, что можно, только что-нибудь совсем короткое. И Ники снова встал у аппарата.

– Ники вызывает Нуми! – выкрикнул он. – Ники с планеты Земля вызывает Нуми с планеты Пирра! Милая Нуми, пожалуйста, прилетай опять на Землю! Теперь здесь очень красиво, и люди добрые и все будут очень тебе рады. Я буду тебя ждать, Нуми!

Сашо перевел приезжим, что сказал Ники, и они не стали возражать. Только один из них что-то заметил, и Сашо засмеялся.

– Он говорит, пускай прилетает, сыграем первую межзвездную свадьбу.

Ники удрал из столовой. Сашо разыскал его в складе скафандров и строго отчитал:

– Ты что, снова раскис? Куда это ты собрался?

– Ненадолго прогуляюсь.

– Тебе еще рано выходить одному, сам знаешь. Я пойду с тобой. А вообще, я хотел тебе сказать, чтобы ты не думал, что над тобой смеются. Это просто шутка. Мы уважаем чувства людей, Ники, сегодня у нас никто не стыдится своих чувств.

Они надели скафандры и через шлюзовый туннель вышли на поверхность. Ники уже уверенно шагал в тяжелых сапогах, однако страшно мерз в

лунном скафандре. Он знал, что костюм надежно защищает от чудовищного холода лунной ночи, и все же никак не мог согреться; ему казалось, что и мысли у него такие же – голые и зябкие, как он сам однажды сказал Нуми. Ему все чудилось, будто она где-то здесь, рядом, он просто никак не может увидеть ее во мраке и не может найти слова, в которые можно одеть свои мысли о ней. И от этого становилось еще холоднее.

Ночной пейзаж Луны был грозным и зловещим, зато хорошо было представлять себе, что космос зовет его и для этого развесил в небе красивые яркие звезды – будто смотришь сквозь зрачок Мало.

Молодой воспитатель молча шел рядом. Должно быть, хотел показать, что уважает его чувства. А Ники как раз хотелось говорить об этих чувствах, только он не мог найти для них подходящую оболочку. Мальчик остановился и стал ждать, когда из-за горизонта вылетит световое облачко звездолетной стройки. Теперь и звездолет будет ждать ответа Нуми, как будет ждать его сам Ники, сколько бы на это ни понадобилось времени, пускай хоть вся жизнь. Однако вместо облачка он увидел нечто другое. Небольшая звездочка отделилась от хоровода подруг и стремительно полетела прямо к нему.

– Что это? – крикнул Ники. – Смотри, вон там! Летит прямо к нам!

– Это какой-нибудь планетолет, который... – менторским тоном начал Сапо, но внезапно крикнул: «Ложись!» и грубо повалил мальчика рядом с собой в мягкую лунную пыль.

Ники знал, что на Луну часто падают метеориты, поэтому все постройки и находятся под ее поверхностью. Когда падает метеорит, человеку лучше всего лечь плашмя; если метеорит не попадет прямо в тебя, убережешься от осколков.

Уткнувшись шлемами в пыль, они ждали, когда под ними задрожит почва от сильного удара, но ничего подобного не произошло.

– Что это? – услышал Ники в шлемофоне изумленный голос Сапо и тоже поднял голову.

Перед ним мутно светился странный оранжевый шар. Ники вытер перчаткой стекло шлема и подскочил на целый метр. Вслед за ним поднялся и Сапо.

– Мало-о-о! – обезумев от радости, заорал Ники. – Это он, он!

Шагах в пятидесяти от них пульсировал огромный желто-оранжевый предмет, он то раздувался в стороны, как мандарин, то вытягивался вверх, как груша. Студент окаменел. Ничего подобного он и представить себе не мог, и все же перед ним было существо, которое Ники много раз описывал и рисовал, и оно было именно таким, как утверждал мальчик. А Ники уже бежал со всех ног к этому существу, не глядя под ноги, и его крики ударялись о лунные скалы.

– Ну... ми! Где ты, Нуми!

Ники чуть не ушибся о пульсирующую кожу гигантского существа, однако в последний момент ухитрился сохранить равновесие и помахал старому приятелю рукой.

– Сапо, иди сюда, не бойся! – позвал он и стал обходить вокруг дорогого гостя из космоса, чтобы проверить, не выпрыгнула ли девочка с Пирры с другой стороны. Студент, однако, не посмел приблизиться к загадочному Малогалоталотиму. Убедившись в том, что Нуми нигде нет, Ники нетерпеливо позвал его:

– Давай, садись! Летим!

– Куда?

– Куда он повезет!

– Ники, будь благоразумен. Никогда не следует... – заговорил студент, но мальчик перебил его:

– Да ведь он за мной прилетел! Он потому именно здесь и сел! Наверное, это Нуми его прислала! Поехали, Сашо! Он потом привезет нас обратно, а вход у него вот здесь...

Ники легонько прислонился шлемом к тому месту, где был вход в Мало; он хотел показать студенту, что ничего страшного здесь нет, но волшебная плоть Мало всосала его внутрь.

Молодой воспитатель бросился вперед, как бросается в воду спасатель вытаскивать утопающего, но мягкая стена гибким толчком отшвырнула его прочь, после чего существо вытянулось вверх, как язык пламени, оторвалось от лунной поверхности и полетело к звездам.

Там, где оно стояло, осталась глубокая черная яма. Но поскольку ям на Луне сколько угодно, не говоря о кратерах, человек, не видевший Мало, не обратит на нее никакого внимания.

11

Послание Нуми. Опять путаница во времени. Было ли все это или не было

Опомнившись от неожиданности, Ники отправился искать девочку с Пирры, но нигде ее не нашел. Конечно, будь Нуми здесь, она не стала бы прятаться от него, и Ники ждал, что она вот-вот выскочит откуда-нибудь и радостно хлопнет его по плечу.

В зрачке Мало Ники обнаружил аппарат, похожий на диктофон, который ему дали в Лунном институте, даже с экраном для рисования.

Очень осторожно, чтобы чего-нибудь не повредить, Ники нажал на первую из трех кнопок. Экран засветился как окошко, и в нем появилась головка Нуми, маленькая, не больше фотографии для паспорта, но совсем как настоящая. Можно было даже смотреть на нее сбоку. Губы ее зашевелились, как живые.

– Милый Ники, – сказали они и грустно улыбнулись, потом опять повторили: – Милый Ники! Если ты сейчас меня слышишь, это значит, что я уже нашла своих маму и папу, а добрый Мало везет тебя к твоим родителям, на Землю.

Руки у Ники затряслись, он чуть не выпустил драгоценный аппарат. Ему казалось, что он держит не диктофон, а девочку с Пирры, самую лучшую девочку во всей Вселенной. А она все так же грустно говорила:

– Милый Ники, на Пирре я не застала никого из моих близких и мне было очень одиноко. И тогда мой настоящий мозг сказал мне, что человек должен жить в собственном времени, если хочет быть полезным. Нынешние пирранские ученые открыли какие-то особенные звезды, такие большие и сильные, что они заставляют время вращаться в обратном направлении. И если бы человек мог как-нибудь попасть туда и закрутиться вместе с ними, то он попал бы в прошлое. Сами пирранцы еще не могут туда попасть, потому что у них нет таких быстрых и мощных звездолетов. А я, как только узнала про эти звезды, стала звать Мало. Пусть он вернет меня на старую Пирру, раз не хочет, чтобы мы были вместе. И сейчас я лечу домой и все время прошу доброго Мало отвезти тебя к родителям, если, конечно, ты этого хочешь. Потому что, милый Ники, они тоже наверняка скучают без тебя.

Теперь наши ученые знают про Землю. Я научила их вашему языку, они отправили на Землю послание и теперь строят специальные космолеты и будут ее искать. Потому что здесь тоже хотят, чтобы Пирра и Земля нашли друг друга, как нашли друг друга мы с тобой. Мне очень грустно, что нас не будет на их встрече, но хорошо, что она все-таки состоится. Не забывай меня, милый Ники, потому что я никогда, никогда тебя не забуду. Помнишь ту Галактику, где рождалась новая звезда? Смотри на нее иногда, и наши взгляды встретятся там, и она, наверное, станет очень красивой звездой. Ведь ты сам хотел, чтобы вокруг нее родился новый и лучший мир! Пусть наши мечты ему в этом помогут. Мой мозг еще помнит твои любимые выражения, и потому на прощание я говорю тебе: до свиданья, милый Ники, я тебя целую всем назло! Пусть хоть вся Вселенная лопнет, но мы с тобой совместимы!

Шутка была веселая, но в устремленных на него глазах блеснули слезы. Ему казалось, что они капают ему на ладонь и обжигают кожу. Конечно, это невозможно, потому что послание Нуми просто фильм, а сам Ники одет в тяжелый лунный скафандр. И все же Ники чувствовал, какие они горячие.

Он смотрел на заплаканное личико, которое держал в руках, и думал о том, что ее искусственный мозг, конечно, не мог придумать таких слов. Она сама их сочинила. А когда Нуми исчезла, он вернул запись, заставил ее снова появиться в волшебном окошке и прослушал все письмо еще раз. Когда же ее слезы снова обожгли его, Ники осторожно положил аппарат на место, чтобы он не пострадал, когда Мало нырнет в подпространство. Правда, от Луны до Земли не бог весть какое расстояние, но кто его знает, где находится звезда, которая раскручивает время в обратную сторону!

В зрачке Мало празднично пестро струились радужные ленты и гирлянды, в которые превратились звезды. Оказывается, Мало уже летел сквозь звездный туннель с самой высокой скоростью. Ники пополз туда, где находился котел с питательным раствором. Он был страшно голоден, а в лунном скафандре таблеток не было. Ники положил шлем со светящимся прожектором на краешек котла, разделся и осторожно вошел в густую кашу. Усевшись на дно котла, он тут же почувствовал живительное тепло чудодейственных веществ, которые впитывались кожей и поступали прямо в кровь. Но бодрости это ему не придало. Наоборот, мальчик еще сильнее расстроился. Он вспомнил, как Нуми учила его пользоваться котлом и как он стыдился раздеваться перед ней. И как потом, после очередного приключения, они вдвоем садились в эту кашу по самую шею и весело обсуждали пережитое. Ему даже показалось, что ее смеющееся лицо совсем рядом.

Ники был утомлен своими переживаниями, что его стало клонить в сон. Он побоялся уснуть прямо в каше, вышел, натянул на себя мягкое трико, которое ему дали в лунном лагере, и лег. Он не знал, сразу ли уснул или именно в этот момент Мало нырнул в подпространство, и удар погрузил его в долгий одуряющий сон. Ники снова увидел Сашо и Селу, снова разговаривал с их мамой, снова спускался по веревочной лестнице в кратер, где лежал потерпевший аварию лунолет, бегал на руках и нес на пятках целую стопку тарелок, с хрустом жевал лунные яблоки. Потом спел песенку про белого зайчишку и снова пережил ужас одиночества. Потом стены. Мало начали корчиться как в предсмертных муках, и он заметался туда-сюда, думая, что его вот-вот раздавит. Но они его не раздавили, а выбросили наружу, и Ники грохнулся на что-то твердое.

Его падение напомнило падение на Луну, но было иным. Он сильно ободрал локти и колени, не защищенные скафандром. Во сне это или наяву? В ночном небе чуть мигают еле видимые звездочки. И Мало куда-то девался...

Да, Мало и вправду исчез! Слева темнеют кроны деревьев. Самых обыкновенных деревьев! Напротив светятся окна длинного здания, а сам он лежит на песке, между этим зданием и деревьями. Все кругом земное, знакомое и незнакомое, но земное. Кажется, Мало выбросил его довольно бесцеремонно, все тело болит. Ники встал и осторожно перевел дух. В воздухе пахло бензином и разогретым за день асфальтом.

По песку закрипели шаги. Уж не тот ли это сторож, который прогнал Нуми с выставки в самом начале путешествия? Да разве сама выставка научного и технического творчества молодежи еще продолжается?

Сторож тоже заметил мальчика, но не стал браниться, как в прошлый раз, а позвал издали:

– Эй, ты кто такой?

Он явно боялся мальчика, а Ники не знал, что ему ответить. Называть свое имя было глупо, и он пробормотал:

– Да я... вот пришел...

– Экий ты нетерпеливый, – засмеялся сторож рассмотрев мальчика, он успокоился. – Выставку-то откроют только завтра, в десять часов.

– Как – завтра? – вздрогнул Ники. – Какую выставку?

– Молодежно-научную... – Сторожу явно было скучно ходить в одиночку вокруг павильонов, и он подошел к мальчику поговорить. – Я было подумал, экспонат какой сбежал, что ли! Там внутри полно всяких искусственных чело-вечков. Как их там, роботы что ли?

– Я не искусственный, – сказал Ники, совсем запутавшись в тревожных сомнениях; если выставка открывается только завтра, то что бы это значило?

– Вижу, – засмеялся сторож. – А что надобно здесь тебе в такую пору?

Ники боязливо спросил:

– Дядя, а не было здесь у вас недавно одного происшествия? С таким огромным существом из космоса вроде тыквы и с маленькой девочкой из другой цивилизации? Которых ты прогнал с выставки?

Сторож пристально посмотрел на Ники, а потом добродушно сказал:

– Слушай, парень, беги-ка ты домой! Какие там тыквы и цивилизация среди ночи! Тебе спать пора!

Сердце дрогнуло. Перестарался ли Мало, вертась вокруг звезды с обратным ходом времени, или нарочно вернул его домой до открытия выставки? До того, как примчал Нуми на Землю, до того, как состоялось их космическое путешествие. Но разве это возможно? Что это за путаница со временем? Каждому известно, что все на свете относительно, но ведь не настолько же! И не на Земле же, где с незапамятных времен царит упорядоченное время и человек всегда знает, что после чего бывает!.. Но; раз Мало мог перенести его в будущее Луны, почему бы ему и вправду не вернуть Ники в прошлое Земли...

Только теперь Ники осознал, что и скафандра нет. То ли Мало его выбросил, то ли унес с собой, верный правилу о том, что нельзя смешивать разные цивилизации.

– Ты чо ищешь? – поинтересовался сторож, увидев, что Ники чуть не в панике шарит по песку.

– Тут был маленький аппарат, вроде магнитофона, – волнуясь, ответил ему мальчик; аппарата тоже нигде не было.

– Слышь, ступай-ка домой, – настоятельно сказал сторож. – Пускай тебе смеряют температуру. А ежели что найдется, я те завтра отдам. Придешь на выставку, загляни ко мне.

Ники выпрямился, в отчаянии опустив руки. Хоть бы аппарат, хоть бы этот аппарат ему оставили на память!

Сторож пошел проводить его и снова спросил, что он искал на площадке перед главным входом. Николай не ответил. Площадка была гладкая, никаких следов ямы, которые оставались после Мало, когда ему нужно было зарядиться кремнием, чтобы восстановить запасы энергии. Да и откуда ей быть, когда Мало еще и не прилетел! И мальчик уже в полной растерянности сказал: «Спокойной ночи».

– Спокойной ночи, парень, – отозвался сторож. – Ты не больно-то нажимай на фантастику с техникой, а то чего доброго, совсем спятишь!

Почему бы и не спятить, говорил себе Ники, шагая по знакомым улицам родного города мимо темных витрин магазинов. Тут очень даже легко спятить. Что же это получается? Значит, вообще ничего не было? Как же так? Тогда где же мой портфель, моя одежда? И откуда на мне это трико?

Он подошел к дому в ту минуту, когда оттуда выходил, согнувшись в три погибели, будто что-то искал, его собственный прадед. Несмотря на преклонный возраст, старик был еще бодр и часто приходил к ним в гости, благо жил неподалеку.

– Дедушка! Дедушка! – закричал мальчик. Старик выпрямился. Увидев правнука, он обрадовался, но заворчал:

– Ты где шляешься, сорванец?

– Дед, я в космосе был! Старик улыбнулся.

– Что-то ты частенько стал туда наведываться, милый! Ох, и влетит же тебе, и поделом! На целый день сбежал куда-то, даже в школу не ходил, мать проверила.

– Да нет, деда, я правда, вот посмотри, – начал Ники, показывая на трико, но тут же замолчал. Ведь его лунный тренировочный костюм почти не отличается от земного.

– За свою долгую и нелегкую жизнь, – начал старик точно так, как его правнук Ники говорил пирранской девочке Нуми, – я убедился, что каждому мальчишке случается пошляться на свободе день-другой. Это вполне законно. Плохо только, что в такие дни матери очень тревожатся, уж так они устроены. Я в твои годы тоже удирал из школы... Правда, не в космос, а на виноградник. Весь день прятался в шалаше.

– Но дед, я же вправду... – перебил его Ники сквозь слезы.

– Конечно, вправду, – засмеялся старик. – Скорей беги домой да успокой мать. И не злись, если получишь по затылку, ты это честно заработал.

Правнук не стал на него обижаться. Прадед уже старый, он просто не может поверить, что Ники пережил такие приключения. Зато отец умный и покладистый человек, он знает и про относительность, и про многое другое.

Ники вытер слезы. Поднимаясь по лестнице в свою квартиру, он все живее прибавлял шаг. Пусть мама сердится, что он где-то пропадал весь день, ведь он тоже ее не видел целую вечность и ужасно соскучился. В бескрайней Вселенной все относительно, поэтому и все люди разные; один хмурится, а другому радостно и хорошо; один сыт, дальше некуда, а у другого в животе урчит, как у мальчика, который учуял, что мама сготовила тушеную свинину с капустой; один любит капусту свежую, а другой – кислую... И так далее...

Но все это известно любому из вас, даже тем, кто не был в космосе, как наш герой Ники Буян.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Для чего пишут послесловия.
Можно ли узнать, что было дальше.
Имеют ли конец человеческие истории

Так закончилось путешествие Нуми и Ники к звездам. Мальчик вернулся домой живой и здоровый. Девочка, наверное, тоже пережила радость встречи с близкими на Пирре, потому что Спасающий жизнь, могущественный Малога-лоталотим никогда не оставит человеческое существо в беде. Ведь жизнь для него – самое драгоценное во всей Вселенной. Так же следовало бы относиться к ней и нам, людям. Нужно и нам беречь каждое живое существо, как это делает добрый Мало, и тогда все на Земле будет иметь счастливый конец. И время тогда не будет относительным.

Однако мы должны еще кое-что добавить, а для этого придется опять обратиться к грамматике, как в самом начале нашего повествования о Нуми и Ники.

Выясним сначала, что такое послесловие. Посмотрите на это слово, и вы сразу заметите, что оно состоит из двух частей: ПОСЛЕ и СЛОВИЕ. Первую половину понять нетрудно, это отдельное слово, а у второй есть окончание, как будто кто-то ей приделал хвост. Этот кто-то наверняка не живет в океане пустынной планеты, где сомо кусапиенсы откусывают друг другу хвосты; уж он-то хвостов не ест. Не знаем, зачем он это сделал, но вторая часть состоит из хвоста-окончания, приделанного к СЛОВУ. И получается, что ПОСЛЕСЛОВИЕ – это СЛОВО, которое говорится ПОСЛЕ.

Но что значит ПОСЛЕ? Если ты что-то натворил и отец, вместо того, чтобы задать тебе трепку, произносит гневную речь, можно ли считать эту речь послесловием?

Грамматика категорически отвечает: нет! Если все, что мы изрекаем после чего-то, считать послесловием, то получится, что на Земле ничего нет, кроме послесловий! А как же наше послесловие?

Автору кажется, что оно необходимо. Ему так и слышатся вопросы любопытных читателей: и что же было дальше? Влетело Ники дома или нет? Поверил ему кто-нибудь, когда он вернулся домой без портфеля и учебников и принялся рассказывать про путешествие, а у самого – никаких доказательств? И что было потом? И чем все кончилось?..

На эти вопросы мы не станем отвечать. И так ясно что когда человека ругают, это не послесловие, а для мальчика по прозвищу Буян пара подзатыльников – дело обыкновенное и завершением истории служить не может. Что же касается конца, то каждому известно, что во Вселенной все относительно, и если что-то служит концом одной истории, оно же может быть началом другой истории. Конца нет, а есть только превращение одного в другое.

Поживет, например, звезда несколько миллиардов лет, потом начинает умирать, и, умирая, взрывается и превращается в новую звезду. Иные из них ученые называют сверхновыми. Нечто подобное произошло и с Ники Буяном. Не стану утверждать, что он превратился в сверхнового человека, но ко всеобщему удивлению стал серьезным учеником, отличником Николаем Буяновским и твердо решил посвятить свою жизнь исследованию космоса. И когда его

отец что-то заметил по поводу этой перемены, Ники заявил ему так же, как когда-то заявил Нуми:

– Ничто не меняет человека так, как космос и переходный возраст.

Отец засмеялся, а зря; должно быть, он забыл, что и сам когда-то пребывал в этом непонятном возрасте, в котором мальчик еще не мужчина, но уже не ребенок. Зато те, кто сейчас находится в этом возрасте, знают, какой он особенный. Чего только не приходит в голову! Какие только поступки ты ни готов совершать – разумные, и неразумные. В этом возрасте человек может сочинить рассказ про путешествие в космос, который другим покажется детской выдумкой. А может и выдумать такую девочку, которая всегда будет знать, что творится у тебя в душе, и всегда будет тебя любить. Но это уже чисто мужской разговор.

Такую душевную смуту переживал сначала и наш Николай. Конечно, там, в будущем, знают о его приключениях, но здесь, сейчас ему никто не верил, и вскоре самому Николаю стало казаться, что все это ему приснилось или было рождено его собственной фантазией. Потому что любому мальчишке, получившему такое прозвище, полагается иметь фантазию. И все же он тосковал по маленькой пирранке. Всякий из вас, кто потерял в бесконечности жизни девочку или мальчика, знает, как болезненно сладка эта тоска.

По вечерам Николай часто смотрел на небо, туда, где рождалась во время его путешествия новая звезда. Конечно, с Земли ее не было видно, но ведь в космосе все время вспыхивают новые звезды, и он был уверен, что их с Нуми мечты встретятся и помогут этим звездам создать вокруг себя красивые и добрые миры. А что делала в это время Нуми? Тут любой только пожмет плечами. Известно, что даже на Земле целые государства и континенты живут в разном времени, что же сказать о космосе и разных цивилизациях! Кроме того, от молодого воспитателя Александра мы знаем, сколь мучителен был бы разговор между представителями цивилизаций, отстоящих друг от друга на множество световых лет, и потому даже не пытаемся завязать такой разговор.

Наверное, кому-то захочется узнать, что произошло па Луне после того, как Ники улетел оттуда. На этот вопрос тоже невозможно ответить, потому что будущее – дело ужасно сложное. Никто не может с точностью сказать, что там и как, пока сам в нем не побывает. А раз ты там уже был, то это никакое не будущее, а прошлое. И кроме того, когда все знаешь заранее, это неинтересно.

Грустно, но что поделаешь. Стоит расстаться с человеком, потом его уже не найти. Разве что с помощью всемогущего Мало. Но он строго соблюдает закон Вселенной: люди должны сами искать и находить путь друг: к Другу. Наверное, поэтому Мало больше не появляется на Земле. Так что для нас, земных жителей, единственным могущественным Малогалоталотимом остается наша способность мечтать.

Наши мечты быстрее самого Мало. Им даже не нужно нырять в звездные туннели и переживать подобие смерти в подпространстве, чтобы попасть в далекие миры. За одну секунду, сидишь ли ты на уроке или лежишь в кровати, они могут перенести тебя на другой конец Вселенной. Правда, ученые утверждают, что она беспредельна, но ведь и мечтам человека нет предела.

Так Ники и делал, когда ему хотелось узнать, как поживает Нуми, Сашо, его озорная сестренка Села и как продвигается строительство звездолета. Так ему удалось увидеть, как встретились, наконец, в братском объятии Земля и Пирра – где-то там, в далеком будущем. Однажды он даже попал на Пирру и оказался перед фантастическим памятником из золота и драгоценных камней. На пьедестале стояла фигурка хрупкой и красивой девочки в серебристом ска-

фандре, а внизу была выбита надпись: «Нуми, которая помогла людям найти путь друг к другу». Однако искать собственный памятник на Земле Ники не посмел, потому что будущий космонавт, помимо всего прочего, должен быть человеком скромным.

Пожелаем читателям, чтобы каждый из них, последовав примеру Ники, оседлал своего малогалоталотима и узнал, что было дальше в бесконечной истории космических приключений. Здесь автор может помочь, пожелав всем веселого, славного и для каждого – собственного путешествия в будущее. Ради этого пожелания он, собственно, и написал настоящее ПОСЛЕСЛОВИЕ.

В добрый путь!